

**Кто воевал,
имеет право...**

**Богослужение
под прикрытием
спецназа**

**Все начинается
с разведки**

НА

7'2000

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

БОЕВОМ ПОСТУ

В начале июня в Рязани на площади Костюшко открыт монумент воинам-рязанцам, погибшим в локальных войнах и конфликтах последних десятилетий. Выбитые на постаментах имена возвращают нас не только во времена афганской войны, но и к более ранним конфликтам в Египте, Корею, к так называемым неизвестным войнам. Не забыты и погибшие последнего десятилетия — в Чечне, Дагестане. Среди них имена и наших сослуживцев — военнослужащих внутренних войск прапорщика Эдуарда Шиманова, сержанта Сергея Чеснокова, рядовых Алексея Никонова, Александра Слесаренко, Ильи Дежемесова, Константина Смирнова... Обелиски погибшим появляются сегодня во многих городах и поселках России. Значит, память о них жива.

Фото Андрея СТЕПАНОВА

Командующий группировкой внутренних войск «Запад» на территории Северо-Кавказского региона генерал-майор Григорий ФОМЕНКО:

НА ОСТРИЕ БОРЬБЫ — РАЗВЕДКА И СПЕЦНАЗ

— Обстановка в Чечне остается крайне напряженной. Об этом можно судить по сообщениям СМИ. Что ни день — обстрелы колонн, опорных пунктов, боестолкновения с бандгруппами. Войска и силы правопорядка продолжают нести потери. Между тем прозвучало официальное заявление о завершении военного этапа контртеррористической операции. Как вы считаете, товарищ командующий, не противоречит ли оно реальному положению дел в стреляющем регионе?

— Нет, не противоречит. Соединениями и частями Российской армии совместно с внутренними войсками и органами внутренних дел крупные бандформирования на территории Чечни ликвидированы. Вопреки кривотолкам в некоторых СМИ, это неоспоримый факт, имеющий важное значение для оценки нынешней ситуации в регионе и прогнозов на будущее.

Вместе с тем было бы непростительно ошибкой впасть в победную эйфорию — тут я полностью солидарен с дотошными журналистами. И не покривив душой могу отметить, что командование войск, все офицеры, хлебнувшие лиха на войне, далеки от шапкозакидательских настроений. Как поется в известной «афганской» песне, «Еще не время делать передышку... Еще враги стреляют из засад...»

Несмотря на разгром основных сил сепаратистов, «непримиримые» с упорством обреченных продолжают сопротивляться. И судя по всему, складывать оружие не намерены. 15 мая истек срок действия амнистии. Боевики, которые осознали бессмысленность дальнейшей борьбы с законной властью, не запятнали свои руки кровью пленных, не участвовали в преступлениях против мирных жителей, явились с повинной и сдали стволы. Остались материальные бандиты, религиозные фанатики, иностранные наемники-профессионалы. Эти с тропы войны добро-

вольно никогда не сойдут. Отсидевшись в горах, весной они спустились на равнину и теперь, орудуя небольшими группами, будут использовать все коварные методы партизанской войны для того, чтобы помешать восстановлению конституционного порядка.

У недобитых боевиков есть активный резерв — родственники, единомышленники, готовые в любой момент пополнить ряды «непримиримых». Одурманенные лживой пропагандой Масхадова, Удугова и других блефующих главарей, они верят в то, что путем переговоров можно заставить федеральный центр пойти на попятную и, выиграв время, взять реванш. Нельзя сбрасывать со счетов и тех, кто пострадал в ходе боевых действий — остался без крова, потерял родных и близких. Многие из них обозлены на военных и сотрудников милиции, за показной лояльностью прячут стремление отомстить. Сейчас эти люди выжидают, чья чаша весов перетянет, и

при удобном случае тоже могут поддаться к бандитам.

Еще один немаловажный фактор, влияющий на развитие ситуации в Чечне. Эмиссары из незаконных вооруженных формирований усиленно вербуют рекрутов в республике и за ее пределами, суля местным чеченцам, и «солдатам удачи» золотые горы. В условиях массовой безработицы часть мужского населения, особенно молодежь, легко поддается соблазну набить карманы долларами с помощью оружия. Что касается наемников — псов войны, то тех и вообще долго упрашивать не приходится: только плати. А платить у боевиков есть чем. В Комсомольском у одного из пленных (видимо, казначеем был) изъяли огромную сумму «зеленых». «Откуда такие деньги?» — «Эти баксы из Эмиратов, — отвечает. — Еще получали доллары из Турции и Азербайджана».

Разумеется, деньги надо отработывать. И пока из-за кордона идет щедрая финансовая подпитка «джихада», сепаратисты будут воевать демонстративно мускулы, доказывая спонсорам: валюта со счетов международных террористов и прочих недругов России выплачена «бойцам сопротивления» не напрасно. По данным разведки, на сегодняшний день в каждом населенном пункте Чечни есть затаившиеся бандиты и их резерв из среды сочувствующих и колеблющихся. Значительное количество боевиков в составе небольших отрядов сосредоточено также в горно-лесистой местности. В полосе ответственности группировки «Запад» серьезно беспокоит Шатойский район — там осиное гнездо вооруженных разбойников. Головная боль наших соседей на востоке — Веденский район. Очень сложная обстановка в Грозном.

— Как изменилась тактика боевиков после разгрома крупных бандформирований? Прогнозируется ли повторение трагических событий в Комсомольском?

— Потерпев поражение от федеральных войск на решающем этапе контртеррористической операции, бандиты теперь прибегают к испытанному тактическому приему партизанской войны: удар — отход. На проведение такой масштабной ак-

ции, как в Комсомольском, их главари вряд ли отважатся. Силы боевиков рассеяны, многие полевые командиры убиты или ранены. В стане врага нет единства, объединению в крупные отряды препятствуют распри между лидерами, которые не могут поделить власть. А главное — бандиты лишены массовой поддержки со стороны мирных тружеников. В этом убеждают данные об участии населения Чечни в выборах Президента России. Так, в Ачхой-Мартановском районе проголосовало 92 процента избирателей. Красноречивый показатель! Люди устали от бандитского беспредела и хотят, чтобы в республике воцарились мир, законность, порядок. Помешать этому процессу и стремились руководители НВФ, планируя прорыв в Комсомольское. Перед элитными бандами была поставлена задача: опираясь на заранее подготовленный плацдарм в родовом селе Гелаева, захватить Урус-Мартан, где находится идейный центр ваххабизма, и населенные пункты в предгорье, обеспечив тем самым благоприятные условия для действий боевиков Хаттаба и Басаева на других направлениях. Цель данной акции, по признанию пленных, — срыв президентских выборов на территории Чечни.

Дерзкие планы «непримиримых» удалось сорвать. Разгром в Комсомольском послужил серьезным уроком для отморожков. И все же мы должны объективно оценивать противника, который намерен вести затяжную партизанскую войну. Потрепанные «волки» способны не только скалить зубы. Для демонстрации силы они могут совершить попытку захвата на непродолжительное время такого населенного пункта, как Шатой, или отдельного района в Грозном. Я уже не говорю о диверсионных актах, минировании дорог, нападениях на колонны, обстрелах пунктов временной дислокации. Кроме того, нельзя недооценивать опасность вторжения иностранных моджахедов. Одним словом, предстоит долгая, нелегкая борьба. И к ней войска и подразделения МВД готовы.

— В связи с этим вопрос, товарищ генерал. Каковы сейчас

главные задачи внутренних войск с учетом сложившейся обстановки?

— После разгрома основных сил сепаратистов мы поменялись ролями со «старшим братом» — частями армии. Они достойно сделали свою боевую работу и теперь будут выполнять вспомогательные функции. На нынешнем этапе борьбы с бандитами и террористами в горячем регионе ведущая роль отводится внутренним войскам, правоохранительным органам и спецслужбам. Наша главная задача — тесно взаимодействуя с ОМОНами и СОБРАми, армейцами и пограничниками, ликвидировать недобитые бандгруппы, не допустить активизации их сторонников, занимающих выжидательную позицию. Для этого мы должны совместно с органами внутренних дел взять под жесткий контроль все передвижения по территории республики, надежно перекрыть транспортные коммуникации, повысить эффективность службы на КПП и взводных опорных пунктах. Совершенствуя тактику действий по задержанию скрывающихся боевиков, уничтожению «волчьих» стай, схронов и лагерей в горах, изъятию оружия, боеприпасов, ворованной техники, добиваться, чтобы каждая спецоперация приносила ощутимый результат. Тогда у преступников не будет никаких шансов уйти от справедливого возмездия.

В числе приоритетных задач — охрана важных промышленных объектов, органов администрации, обеспечение нормальной работы учреждений, где решаются первоочередные вопросы обеспечения жизнедеятельности населения.

А если говорить обобщенно о наших делах и заботах в Чечне, то, по сути, все они прочно связаны с интересами и чаяниями простых тружеников, подчинены единой цели — восстановлению мира и спокойствия на этой многострадальной земле.

— Результаты некоторых спецопераций по зачистке населенных пунктов, прочесыванию «зеленки» в горах, будем смотреть правде в глаза, неадекватны применяемым силам и средствам. Впечатляют лишь масштабы. Де-

**сятки единиц бронетехники, ору-
дийных и минометных стволов,
нацеленных на участки предпо-
ложительного скопления банди-
тов. Сотни солдат внутренних
войск, бойцов ОМОНов и СОБРов,
шагающих «победным маршем»
по улицам и переулкам. А в итоге
пара изъятых ружей да десяток
задержанных за нарушение пас-
портного режима. Бандитов, на
которых идет охота, и след про-
стыл...**

— Вы правы, с окончанием актив-
ных боевых действий против круп-
ных бандформирований масштаб-
ные спецоперации утратили эффек-
тивность. Опыт подсказывает: в ус-
ловиях контрпартизанской борьбы
наша тактика должна быть подчи-
нена следующим принципам. Во-
первых, конкретность, адресность
объектов операций. Вести поиск
бандитов, складов, схронов, базовых
лагерей не методом тыка, а руково-
дствуясь достоверной оперативной
информацией. Во-вторых, быстрота
и скрытность. Чем они достигаются,
читателям военного журнала пояс-
нять, думаю, нет необходимости. В-
третьих, внезапность. Применять
наиболее подготовленные подразде-
ления, способные умело и решитель-
но действовать в экстремальной,
резко меняющейся обстановке.
Транспортные средства — вертоле-
ты. Группы выбрасываются в задан-
ный район, незаметно и стреми-
тельно выдвигаются к конкретному
объекту или участку местности, во-
енные блокируют его и прикрывают
сотрудников органов внутренних
дел, которые работают по точным
данным о противнике.

Понятно, что в системе подготов-
ки и проведения таких спецопера-
ций ключевое значение имеет ин-
формация. А значит, неизмеримо
возрастает роль тех служб, которые
эту информацию добывают, изучают
и проверяют. Своевременность по-
ступления и достоверность инфор-
мации о замыслах и планах полевых
командиров, местонахождении и пе-
редвижении боевиков, их численно-
сти, вооружении — залог успешных
действий войск и органов МВД.

В развитие сказанного хотелось
бы еще вот что добавить. Всем пра-
воохранительным структурам в

Чечне необходимо работать по еди-
ным правилам, продиктованным
сложной, взрывоопасной обстанов-
кой. А то ведь до абсурда доходило.
Мы задерживали подозреваемых в
причастности к НВФ десятками, пе-
редавали их, как говорится, из рук в
руки, а вечером, глядь, они уже на
свободе. Другой пример из серии
«нарочно не придумаешь». Случа-
лось, солдат чуть ли не объяснитель-
ные заставляли писать, что они по
вооруженным до зубов бандитам, а
не по мирным пастухам вели огонь.
Иначе вроде бы нет оснований для
возбуждения уголовных дел в отно-
шении задержанных (а по существу,
захваченных на поле боя) лиц. Это в
корне неправильно.

**— Григорий Петрович, говоря о
наиболее подготовленных под-
разделениях, которые целесооб-
разно применять в операциях, вы
имеете в виду спецназовцев и
разведчиков?**

— Совершенно верно. Когда бое-
вые действия носили массовый ха-
рактер, главную роль в реализации
планов контртеррористической опе-
рации играли мотострелки, артил-
леристы, танкисты. С переходом
«духов» к партизанской тактике на
острие борьбы с бандитами выдви-
гаются разведка и спецназ. Имея хо-
рошую специальную, физическую,
морально-психологическую подго-
товку, наши «береты» и самостоя-
тельно, и во взаимодействии с бой-
цами ОМОНов, СОБРов, подразделе-
ний ГРУ способны решать сложные,
ответственные задачи. Рейд по ты-
лам противника, засада в «зеленке»,
кишащей «духами», охота на карава-
ны с оружием и боеприпасами, за-
хват полевых командиров — это их
хлеб.

Скажу без преувеличения: даже
матерые «волки» как огня боятся
спецназовцев. Бойцы не раз доказы-
вали головорезам свое тактическое
и огневое превосходство. Плюс к то-
му, говоря словами Лермонтова, «из-
ведал враг... немало, что значит ру-
сский бой удалый, наш рукопашный
бой».

Впрочем, не только силой и мет-
костью славятся разведка и спецназ.
Боевой смекалки, хитрости им тоже
не занимать.

Вот свежие факты. В Закан-Юрте

вместе с собровцами хорошо срабо-
тали офицеры и солдаты 7-го отряда
спецназа. Как по нотам прошла опе-
рация по задержанию пятерых муж-
чин, подозреваемых в причастности
к бандформированию. В Шатое от-
личились разведчики 34-й бригады,
действующей в составе западной
группировки. Обнаружили склад с
оружием и боеприпасами: шестнад-
цать автоматов, два пулемета, три
РПГ, два ПТУРа, шесть «Шмелей»,
шесть ПЗРК и более пятисот патро-
нов.

**— Товарищ командующий, а
каковы, исходя из анализа бое-
вой практики спецназа и развед-
ки, перспективы развития элит-
ных сил внутренних войск?**

— На мой взгляд, мы поступим
правильно, увеличив количество ча-
стей и подразделений специального
назначения. Этого требует объем,
характер и сложность задач, решаемых
войсками правопорядка. При-
чем не только в тревожном Северо-
Кавказском регионе. Таков первый
вывод.

Второй. Необходимо укрепить
разведывательные подразделения
— имею в виду их численность и ор-
ганизационную структуру. Помимо
того, в разведротях, как это сделано
в группах спецназа, штатную кате-
горию офицеров следовало бы повы-
сить на одну ступень: командир —
майор, заместители и взводные —
капитаны.

Наконец, подбор и обучение лич-
ного состава. Здесь еще далеко не
все резервы исчерпаны — полагаю,
командиры «беретов» со мной согла-
сятся. Бойцы спецназа и разведки
должны быть хорошо подготовлены,
чтобы побеждать бандитов и терро-
ристов без потерь.

**Беседу вел
полковник Юрий КИСЛЫЙ**

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

**НА
БОЕВОМ ПОСТУ**

№ 7 ♦ 2000

Издается с 1958 года

УЧРЕДИТЕЛЬ – МВД России

ИЗДАТЕЛЬ – Главное командование
внутренних войск

111250, Москва, Е-250,

Красноказарменная улица, 9а

Редакция вправе сокращать и литературно
обрабатывать принятые к публикации
тексты.

Редакция может публиковать материалы,
не разделяя точку зрения авторов.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

За достоверность фактов, имен
собственных, неразглашение тайны
отвечают авторы публикаций, за
достоверность рекламных объявлений –
рекламодатели, за качество печати –
типография.

Переписка с читателями ведется только на
страницах журнала.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятнический проезд, 8
Телефон для справок
361-81-71

Содержание

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

Г. ФОМЕНКО

На острие борьбы — разведка и спецназ. 1

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

Назовем поименно 6

А. ЭДОКОВ

Кто воевал, имеет право у тихой речки
посидеть 8

Пока чумазая пехотная рота не поднимется и не пройдет частым гребнем по высоте, по городскому кварталу, по подземным коллекторам — до той поры нельзя сказать определенно: остались ли живы враги государства, либо и эту страницу истории можно перевернуть с легким сердцем.

К. РАЩЕПКИН

Агония в руинах 24

Две с половиной недели боев в Комсомольском напомнили подзабытые обещания Масхадова о начале крупномасштабной партизанской войны. Наблюдая, как армия без малого 20 дней воевала с боевиками в этом предгорном селе, впору было и вправду засомневаться в скором разгроме чеченских бандитов.

Ю. КИСЛЫЙ

Литургия под защитой «русичей» 33

Утром мы, кто на броне, кто в "уазике" под прикрытием двух бэтээров со спецназовцами, выехали в Грозный. Цель поездки для "русичей" из группы старшего лейтенанта Михаила Кривошеева — охрана храма Архистратига Михаила, обеспечение безопасности молящихся в часы церковной службы.

СЛУЖБА

А. ИВАНОВ

Река питается ручьями 28

Благодаря умелым, решительным и слаженным действиям не раз одерживали победу даже тогда, когда численный перевес был на стороне бандитов. Случалось, из смертельного пекла выходили со щитом.

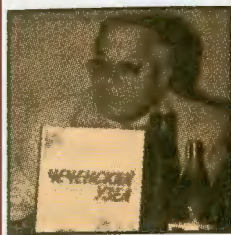
О. ДЕКУШ

Без права на ошибку. 40

ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

С. КОЛЕСНИКОВ

Крепнет спецназовское братство 43

В. ПАНЧЕНКОВ

Чтобы помнили 47

Эта книга, по признанию авторов, лишь «попытка внести свою лепту в сохранение памяти о страшных по своей необъяснимости и запутанности событиях современной чеченской войны и российских войнах, выполнявших, несмотря ни на что, свой долг перед Отечеством».

РЕТРОСПЕКТИВА

С. КОВАЛЕНКО

Сталин сказал: «Осторожно, лейтенант!» А он дослужился до полковника (окончание) 48

ЛИТЕРАТУРА

Е. ЕРХОВ

Пока не остыла душа (стихи) 52

И. КОЗЛОВ

Деньги Рыжего Габена (окончание) 54

Я подхватил ее на руки, поспешил наверх так, словно секунды решали, биться или не биться сердцу в этом изможденном теле. Остановился у кресла, где недавно сидел Молчанов. Взглянул в окно и, не расставаясь с ношей, почти побежал еще к одной, правой, двери.

КАЛЕЙДОСКОП

Л. ЗЫКИНА

Песня — это объяснение в любви 73

То Зыкину «из партии (в которой никогда не состояла) выгнали по семейным обстоятельствам», то «певица Людмила Зыкина скупил пол-Берлина во время вывода Западной группы войск из Германии», то «Зыкина готовится открыть собственный ресторан в Москве на свои средства», то «Зыкина вчера врезалась на «Мерседесе» в Спасскую башню».

А. ПЕТРОВ

«Дембельские альбомы» полковника Карпова 76

По признанию самого полковника Б.Карпова, написать о войсках в их второй чеченской кампании просили наши солдаты, офицеры и генералы, с кем военный журналист хорошо знаком, с кем был рядом в окопах, палатках, на борту «вертушки», летящей над Чечней.

Кроссворд 78

Главный редактор
УЛЬЯНОВСКИЙ В.Н.

Редакционная
коллегия:

АРТЮХОВ Е.А., АШУРКОВ И.А.,
ГЕРАСИМОВ В.Н., ГЕРАЩЕНКО В.П.
(зам. главного редактора —
ответственный секретарь),
ДОМОЖИРОВ В.К. (зам. главного
редактора), ЕРМАКОВ П.И.,
ЖУРАВЕЛЬ В.П., КАМШЕКИН Н.В.,
КАРПОВ Б.В., КИСЛЫЙ Ю.П.,
КЛОЧКОВ В.И., КУДРЯШОВ В.И.,
ЛЕВКОВИЧ В.Г., ПАНЧЕНКОВ В.В.,
ПЕТРОВ А.А., СЫСОВЕВ Н.Г.,
ТОНКОНОГОВ В.П., ФАТЕЕВ К.К.,
ШАРАПОВ Н.С., ЮРЧЕНКО С.П.

Художественное
оформление
КОПЫЛОВА Э.П.

Оформление вклейки
ИСАЕВОЙ Г.А.

Верстка

БАРАНОВА В.А.

Корректоры

БОГДАНОВА Е.А.

ГАВРИЛОВА Е.Ю.

На 1-й странице обложки фото
Ю. КИСЛОГО

На 4-й странице обложки фото
В. НИКОЛАЙЧУКА

Благодарим
Государственный комитет РФ
по молодежной политике
за содействие в подготовке
иллюстраций этого номера.

Журнал зарегистрирован в
Министерстве печати и информации
Российской Федерации.
Регистр. № 01420.

Имеет приложения:
газету «Ситуация» и сборник учебно-
методических материалов
«Войсковой вестник»

При перепечатке
материалов ссылка на наш
журнал обязательна

© Журнал
«На боевом посту», 2000

Сдано в набор 15.05.2000 г.
Подписано к печати 28.06.2000 г.
Формат бумаги 84x108 1/16.
Тираж 2700
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,8.
Уч.-изд. л. 14,2. Зак. № 1304.
Индекс
для индивидуальных подписчиков —
70610
для предприятий и организаций —
73175

Ордена «Знак Почета» типография
«Красная звезда».
123826, ГСП, Москва, Д-317,
Хорошевское шоссе, 38

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

Рядовой Руслан Павлов, уроженец Большого Истока, открыл скорбный список военнослужащих из Сысертского района Свердловской области, погибших в Чечне. «Они оказались в окружении. В ночном бою Руслан снял из гранатомета трех снайперов, но и сам получил тяжелое ранение через каску в голову. Но даже раненный, он продолжал отстреливаться. Когда подоспела подмога, Руслан уже скончался» - так рассказали о гибели своего товарища его сослуживцы из внутренних войск, привезшие тело солдата домой.

На похоронах Руслана жители поселка обратились к главе местной администрации с просьбой переименовать в честь погибшего одну из улиц. Вскоре это было сделано. Улица, на которой жил Руслан и с которой ушел в армию, носит теперь его имя. Здесь же, на улице Павлова, по-прежнему живут его родители и брат Александр.

Память о павших на чеченской войне хранят не только их родные, близкие и друзья. Во многих российских городах и поселках имена погибших присваивают школам, училищам, улицам. И уже сегодня появилась улица Евгения Сурикова в Нижегородской области, улица Алексея Брызгалова в Чите, улица Эдуарда Монгуша в Республике Тува, улица Александра Лесникова и улица Виталия Табачкова на Алтае, улица Алексея Фионова в Кузоватовском районе Ульяновской области, улица Ифрата Бурбаева под Астраханью. Недавно улица Николая Карпенко появилась в Черлакском районе Омской области. И это не очередное веяние времени. Просто война всегда забирает самых лучших, оставляя на сердце каждого живущего те невидимые зарубки, которые постоянно ноют и болят, не давая предать забвению наших павших друзей.

Будем помнить их имена...

Список военнослужащих внутренних войск, погибших и умерших от ран в ходе контртеррористической операции на территории Чеченской республики

(Начало в № 1-6, 2000 г.)

АБДУЛЛАЕВ Равиль Рустамович, рядовой, 6.03.2000 г.
 АБРАЕВ Иван Иванович, рядовой, 11.03.2000 г.
 АВИЛОВ Сергей Николаевич, рядовой, 6.01.2000 г.
 АДАМОВ Александр Александрович, рядовой, 6.03.2000 г.
 АНФАЛОВ Сергей Юрьевич, рядовой, 10.03.2000 г.
 АФНАСЮК Вячеслав Михайлович, подполковник, 16.03.2000 г.
 БАВЫКИН Сергей Петрович, капитан, 10.03.2000 г.
 БАРКОВ Сергей Васильевич, младший сержант, 10.03.2000 г.
 БЕЛЬТЮКОВ Михаил Васильевич, сержант, 13.03.2000 г.
 БЕРЕЗИН Евгений Сергеевич, ефрейтор, 10.03.2000 г.
 БОРИСОВ Михаил Александрович, сержант, 6.03.2000 г.

БОРТНОВ Денис Петрович, рядовой, 9.03.2000 г.
 ВАГАНОВ Евгений Александрович, ефрейтор, 17.03.2000 г.
 ВАСИЛЬЕВ Константин Васильевич, младший сержант, 10.03.2000 г.
 ВАСИЛЬЕВ Юрий Андрианович, капитан, 23.02.2000 г.
 ГАВРИЛОВ Дмитрий Сергеевич, рядовой, 29.12.1999 г.
 ГЛАДНИКОВ Евгений Васильевич, младший сержант, 29.12.1999 г.
 ГНУЧЕВ Артем Александрович, рядовой, 19.02.2000 г.
 ГОНЧАРОВ Евгений Петрович, рядовой, 15.02.2000 г.
 ГОРВАТ Ярослав Иванович, рядовой, 11.03.2000 г.
 ГОРДЕЕВ Юрий Алексеевич, рядовой, 6.03.2000 г.
 ГРИБКОВ Сергей Викторович, майор, 19.02.2000 г.

ГУСЕВ Константин Валерьевич, младший сержант, 26.02.2000 г.
 ДОРОНИН Антон Вячеславович, рядовой, 6.03.2000 г.
 ДОСКИН Владимир Талгабекович, ефрейтор, 20.02.2000 г.
 ЕГОРОЧКИН Павел Сергеевич, сержант, 3.02.2000 г.
 ЕМЕЛИН Константин Викторович, рядовой, 22.03.2000 г.
 ЕМИКОВ Николай Васильевич, младший сержант, 6.03.2000 г.
 ЕРШОВ Александр Романович, рядовой, 10.03.2000 г.
 ЖУКОВ Константин Николаевич, рядовой, 7.02.2000 г.
 ЗЫРЯНОВ Дмитрий Борисович, рядовой, 12.03.2000 г.
 ЗЮБИН Андрей Юрьевич, младший сержант, 10.03.2000 г.
 ИНИВОВ Магомеднжорю Магомедгаирович, ефрейтор, 19.02.2000 г.

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

ИЩЕНКО Геннадий Геннадьевич, сержант, 9.01.2000 г.

КИЧКАЙЛО Геннадий Анатольевич, старший лейтенант, 14.03.2000 г.

КЛАДОВ Михаил Владимирович, рядовой, 21.03.2000 г.

КОЛИЕВ Владимир Ильич, рядовой, дата гибели неизвестна.

КОРОЛЕВ Юрий Николаевич, рядовой, 14.03.2000 г.

КОЧЕТКОВ Владимир Анатольевич, рядовой, 31.12.1999 г.

КУЗНЕЦОВ Сергей Юрьевич, ефрейтор, 6.03.2000 г.

ЛАВРЕНТЬЕВ Виктор Викторович, рядовой, 14.03.2000 г.

ЛЕПИХИН Сергей Валентинович, рядовой, 10.03.2000 г.

ЛУГОВОЙ Алексей Евгеньевич, старший лейтенант, 9.01.2000 г.

МАКАРОВ Сергей Викторович, сержант, 8.03.2000 г.

МАЛИКАЕВ Николай Федорович, младший сержант, 31.12.99г.

МАМУТИН Андрей Валерьевич, рядовой, 12.03.2000 г.

МАНОЙЛОВ Вадим Михайлович, младший сержант, 14.03.2000 г.

МАТВЕЕВ Александр Вячеславович, рядовой, 18.03.2000 г.

МЕЛЕШКИН Андрей Анатольевич, прапорщик, 18.03.2000 г.

МОЛЧАНОВ Марат Анатольевич, рядовой, 11.02.2000 г.

МОРОЗОВ Дмитрий Евгеньевич, рядовой, 6.03.2000 г.

МОРОЗОВ Олег Юрьевич, рядовой, 13.03.2000 г.

МОРОКОВ Алексей Юрьевич, старший сержант, 21.02.2000 г.

НАУМЕНКО Валерий Александрович, рядовой, 20.02.2000 г.

НЕПОМНЯЩИЙ Николай Васильевич, майор, 18.03.2000 г.

НИКИШИН Дмитрий Александрович, рядовой, 29.12.1999 г.

НИКУЛИН Александр Евгеньевич, рядовой, 6.03.2000 г.

НОВИКОВ Сергей Евгеньевич, прапорщик, 19.02.2000 г.

ОНАЕВ Джангр Сангаджиевич, младший сержант, 18.02.2000 г.

ОНОХОВ Сергей Леонидович, рядовой, 28.01.2000 г.

ОСИПОВ Алексей Николаевич, рядовой, 8.03.2000 г.

ПАНОВ Алексей Николаевич, рядовой, 15.03.2000 г.

ПЕТУХОВ Юрий Сергеевич, рядовой, 18.03.2000 г.

ПОЛИТИН Сергей Владимирович, старший лейтенант, 18.03.2000 г.

ПОПОВ Сергей Владимирович, ефрейтор, 19.03.2000 г.

ПРОНИЧЕВ Алексей Валерьевич, рядовой, 6.03.2000 г.

РЕВЕНКО Михаил Владимирович, полковник, 15.03.2000 г.

РОМАНОВ Дмитрий Александрович, сержант, 19.02.2000 г.

РЫЧКОВ Дмитрий Леонидович, ефрейтор, 15.03.2000 г.

САЖАЕВ Сергей Геннадьевич, младший сержант, 18.03.2000 г.

СИНГАЕВ Александр Васильевич, младший сержант, 21.03.2000 г.

СОЛОПОВ Юрий Анатольевич, капитан, 19.02.2000 г.

СПИРИН Владимир Александрович, сержант, 21.02.2000 г.

СТАСЮК Иван Сергеевич, рядовой, 3.02.2000 г.

СУМИН Иван Александрович, рядовой, 19.03.2000 г.

СУХАНОВ Александр Вячеславович, младший сержант, 6.10.1999г.

СУХАРЕВ Николай Викторович, младший сержант, 5.02.2000 г.

СУХОВЕЙ Александр Иванович, майор, 28.01.2000 г.

ТРУСЕВИЧ Андрей Викторович, рядовой, 18.03.2000 г.

ФИЛИППОВ Дмитрий Александрович, лейтенант, 19.03.2000 г.

ФИРСОВ Вадим Анатольевич, старший прапорщик, 10.03.2000 г.

ЧЕБРОВ Василий Михайлович, майор, 18.03.2000 г.

ЧУЧАЛОВ Алексей Владимирович, рядовой, 12.03.2000 г.

ШИШИКИН Алексей Михайлович, ефрейтор, 31.12.1999 г.

ЭЗЕНКИН Сергей Федорович, рядовой, 29.12.1999 г.

ЮРЬЕВ Василий Ильич, старший прапорщик, 15.03.2000 г.

ЯКИМОВ Денис Михайлович, младший сержант, 18.03.2000 г.

ЯНЬКО Денис Вячеславович, старший сержант, 15.03.2000 г.

ЯФАРОВ Джафяс Джафярович, лейтенант, 6.03.2000 г.

**Публикацию подготовили
Александр ГРИБ
и Сергей КОЛЕСНИКОВ**

Спасибо всем, кто откликнулся на просьбу прислать воспоминания о наших погибших друзьях-сослуживцах. Работа над Книгой памяти военнослужащих внутренних войск продолжается. В публикуемом сегодня списке возможны неточности в написании фамилий, имен, дат гибели. Мы ведем переписку с родственниками погибших военнослужащих и с их помощью постепенно устраняем эти досадные недоразумения.

Свои воспоминания о боевых друзьях, родственниках, которые служили во внутренних войсках и погибли при исполнении воинского долга, их фотографии присылайте по адресу: 107120, Москва, Сыромятнический пр., 8. Редакция журнала "На боевом посту", Колесникову Сергею Сергеевичу.

КТО ВОЕВАЛ, ИМЕЕТ ПРАВО

У ТИХОЙ РЕЧКИ ПОСИДЕТЬ

— Все, воды больше нет! — говорю я и переворачиваю вверх дном солдатскую фляжку. Вот уже много лет она со мной, всякая вода в ней перебивалась: карабахская, осетино-ингушская, чеченская... Добытая из рек, ручейков и родников тех земель нашего

Отечества, где десять лет то вспыхивают, то медленно тлеют горячие огни вооруженных конфликтов. «Война и мир» — так называется мое издательство, в котором уже много лет я служу главным редактором. А это означает, что время от времени мне приходится доставать из шкафа стопку зеленых футболок, сидеть на рампе военно-транспортного Ила, подкладывать свое командировочное удостоверение под синий штамп «Прибыл» и, напоследок перебежав улицу с разбитым вдребезги названием, оказаться на боевой позиции русской пехотной роты. И всегда путь туда один и тот же. Всегда — по грязи, по разметанным камням. Через железный кустарник арматуры, растущий из бетонных колонн. Ползком и перебежками, пока не спрыгнешь в окоп или подвал, где живет и воюет эта соединенная прихотью судьбы группа людей. И хотя не на всякую карту можно нанести ее позиции и никому даже в голову не придет тянуть к ней линию правительственной связи, все же была и останется пехотная рота главной опорой Отечества. Как бы ни были хороши наши самолеты, боевые корабли, танки и артиллерия, но пока чумазая пехотная рота не поднимется и не пройдет частым гребнем по высоте, по городскому кварталу, по подземным коллекторам — до той поры нельзя сказать определенно: остались ли живы враги государства, либо и эту страницу истории можно перевернуть с легким сердцем.

Андрей ЭДОКОВ,
член общественного совета
внутренних войск
МВД России

Фото Юрия ТУТОВА

КОМАНДИРОВКА НА ВОЙНУ

I.

Теперь воды во фляжке нет, но ее мокрое нутро куда влажнее, чем сохшиеся, хриплые, пережженные бетонной крошкой глотки бойцов 1-й роты 1-го батальона прославленной 22-й отдельной бригады оперативного назначения внутренних войск МВД России: эта вода кончается в Грозном, в январе 2000 года, в руинах «Чеченстройтранса», которые рота удерживает уже несколько дней. С точки зрения тактиков уличного боя, в положении роты нет ничего необычного: вклинившись в оборону противника, теперь дерется она, с трех сторон окруженная «духами». Вцепилась зубами в цех и котельную, огрызается огнем, отмахивается ручными гранатами. Тридцать человек. Два лейтенанта. Две БМП. В тылу у роты — ярким зимним солнцем залитая площадь, некогда, должно быть, служившая машинным двором. Но теперь она — пустая и гулкая, отчего каждая пуля, отстрелянная чеченским снайпером, в этих пространствах летит с какой-то особенной хлесткой мощностью, будто предназначена она валить деревья, а не людей.

Иногда и наши «бэшки», лязгая гусеницами и высекая из асфальта искры, мчатся через площадь по военным делам: за сухпаем, патронами, а иногда и руководящими указаниями, если их по какой-то причине нельзя передать по радио. Тогда командир роты старший лейтенант Сергей Зацепин передает управление в руки командира взвода лейтенанта Игоря Васильева — других офицеров в роте все равно нет — и убывает на КП бригады, которая вся, до последнего батальона, расползлась по здешним улочкам, рассосалась в частном секторе, засела в таких же цехах вдоль Петропавловского шоссе. И теперь переводит дух перед тем, как сделать новый рывок вперед.

В свое время, двигаясь от дома к дому, цепляясь зубами то за бокс, то за четырехэтажку, 1-я рота перемахнула площадь, захватив в качестве трофеев на позициях боевиков еще горячий чайник и окровавленный берет чеченского гвардейца. Дальше двинуться ей не дают «духи»: рота уперлась в двухметровый кирпичный забор, за которым уже твердынями стоят корпуса молзавода, который вместе с консервным заводом составляет теперь единый узел чеченской обороны. И это настоящая крепость, прочная и опасная: ни обойти, ни объехать, ни оставить у себя за спиной — нельзя. В ту войну консервный брал генерал Лев Рохлин; говорят, солдаты там пили свежие соки и ими же за неимением воды — умывались. Но это было пять лет тому назад... А сегодня мы топчемся под этими стенами, лежим под огнем, переругиваемся с боевиками по радио. Ни шагу назад, но и ни шагу вперед... И каждый понимает, что только в лихой и бесстрашной атаке можно прорваться за эти стены.

*Здесь было столько крови,
столько битвы —
а сколько вдумчивости
и веселья!
Что уносили реки?
Снег и кровь.
Чем были города?
Золотом и дымом.
Но и тогда,
среди руин, мерцали
колося пули и молнии героев.*

Пабло НЕРУДА

КОМАНДИРОВКА НА ВОЙНУ

Кажется, и наши генералы в этой мысли окончательно утвердились. Были жесткими, стали еще жестче. Теперь на штабных картах отвлеченные мечты о бескровном и победном бое должны преобразиться в точный план нашего штурма. А перст судьбы на 22-ю бригаду указывает. Другое дело, что сейчас самые светлые офицерские головы считают и пересчитывают — как нам кровью не умыться, когда начнут роты подниматься в полный рост. У консервного завода, оказывается, очень зловещее название: грезятся мясорубки и собачьи консервы...

За все эти годы к моей фляжке приложилось немало народу. Среди них — так уж все расставила жизнь по местам — были разные люди: герои и трусы, щедрые и скупые, добрые и злые. Но еще никогда не испытывал я большего удовольствия, глядя, как глотают, цедят, катают в деснах эту воду тридцать бойцов и два лейтенанта. Когда восемьсот десять граммов чистой воды сладостно растягиваются ротой на целые сутки, но все же выпиваются досуха осторожными, расчетливыми, стариковскими глотками. Когда полностью ощущается каждая капля. Ее объем, вкус и букет. Когда хочется обнять Менделеева уже за то, что им открыто это простое переплетение атомов водорода и кислорода, которые названы нами водою, и хочется жить на ее берегах, погружаться в это слово без остатка, вволю хлебать пересохшими ртами...

А больше воды нет. Ее нет вот уже двое суток. Нет на КП бригады, в батальонах, ее нет даже у «синих» (ОМОН), которые занимают позицию метрах в двухстах позади роты, на задворках машинного двора. Пустое ведро они отсылают обратно. И гудит оно, словно колокол, пока гонец наш возвращается бегом через площадь. Уже по тому, как мотается ведро в руке бойца, можно понять: ничего нет на доньшке...

Вот если вернусь невредимым из этого города, непременно весной отправлюсь на Оку. Честное слово, сяду на берегу, напротив того места, где уже лет сто шумят боевые дубы, прежде чем ворваться в тихую Каширу. Но то ли они штурмовые группы свои никак не составят, то ли духу на первый отважный бросок не хватает... Так и стоят, никуда не торопятся... Однако мне каждый их страх будет знаком, а каждая тревога — известна. Вот почему я их пойму. Вот почему как раз напротив них и сяду, широкой рекой полюбуюсь. И каждую каплю в ней посчитаю, каждой определю хозяйское место. Этой — держать на плаву корабли, этой — шумно в грозу проливаться, а этой, третьей — пехоту напоить вдосталь, пока она в развалинах сидит, пока все ее мечты можно выразить одним словом — воды! Эх, братцы, потерпите! И хоть нам сегодня не до высокого стиля, но

ведь и лучшие поэтические образы, придуманные человечеством, созвучны теперешним нашим миражам: уж если «чаша судьбы», то непременно — «испить до дна»... Вот досыта мы и напьемся... Из рек, из туч, из мужской горсти, из всего, что добудем — но испробуем вечной водицы. Только откуда мне знать, будет там она живая или мертвая...

Сегодня в 1-й роте убиты сержант Василий Нагайцев и рядовой Владимир Карпенко. В бою у заводского забора. Оба были еще живы, когда «бэшка» черным выхлопом печальную роту обдала и в тылы унеслась с ранеными. И верилось, что пройдет беда стороной... Ведь у Нагайцева и крови — всего-то маленькое пятно на груди подсыхало. Но до госпиталя, говорят, Вася так и не дотянул... Когда подтверждение пришло, кто-то, конечно, дурным голосом закричал: «А-а-а, суки!» — и прикладом по бетонному полу со всего размаху шарахнул. А потом разом притихли все и уже не оглядывались. Тут помереть — делать нечего... Пенсия по старости кажется вымыслом... А завтрашняя жизнь — чудесной высотой, и надо еще постараться, чтобы как-то до нее доползти.

Здесь каждое мгновение — щелканье пуль. За день чего только не пронесется над головой, что только не воеет и не свистит, наподобие пущенных бумерангов... Когда от артиллерийского огня боевикам становится совсем невозможно, они, спасаясь, жмутся к нашим позициям. И в такие минуты, мы знаем, совсем рядом они. Так близко, что, кажется, достаточно отключить тот саундтрек, на котором записаны самые грубые звуки войны, и мы бы могли без труда услышать, как тяжело дышат чеченцы за этой стеной...

Человек оттого высокого мнения о себе, что себя, настоящего, совершенно не знает: достаточно прожить день в развалинах разрушенного города и час в уличном бою, чтобы психика человека могла вернуться в то первозданное состояние, в котором жил и действовал наш страшный прародитель — борец за существование с веселой дубиной в руке. Уже через сутки ты настоящий житель подземелья. Потому что вместе с погружением в разломы вдруг возвращаются надежные навыки: бесстрашно нападать из темноты и снова в ней растворяться, устраиваться на ночлег в норах, предчувствовать обвал перекрытий и ловко, словно подвальный пасюк, исчезать в боковых лазах... Кажется, никого быть не может вот в этом каменном мешке, а там уже печь устроена и растоплена, а на добытых неизвестно откуда железных кроватях спят люди, и шагу нельзя ступить, чтобы не зацепить ногой чей-то автомат у стены. Только сержант Елизаров в катакомбной темноте полуподвальчика движется уверенно и солдатскую свечу зажигает. Это стебель желтого артил-

КОМАНДИРОВКА НА ВОЙНУ

лерийского пороха с беглым огнем на конце. Горит шипя и живет скоротечно...

Ночью, во сне, мне неожиданно является дух неотмщенного замполита N-ского полка, тело которого бесследно исчезло некоторое время назад, во время боя на подступах к молзаводу. Который день он числится пропавшим без вести, но каждый из этих дней был мучительно долг, и в каждом было так много солдатского труда и остальных хлопот, связанных с жизнью и смертью, что по прошествии времени как-то незаметно стерлись из памяти имя и воинское звание этого человека. Если и вспоминали, то называли коротко — замполит, и всем становилось ясно, о ком на самом деле идет речь. Те же, кто не знал всех обстоятельств, уже по привычному наименованию этой должности без труда представляли себе и круг его офицерских обязанностей, и, самое главное, его место в бою.

Может, и суждено было замполиту дальше пребывать в неизвестности, если бы 1-й роте в боях за четырехэтажку не удалось отбить его личные документы. И больше ничего — ни тела, ни крови, ни мелкой могилки на обочине. Однако и в обретении документов чувствовалась чья-то добрая и аккуратная рука, чтобы, упаси Бог, без документов, как это у нас легко случается в Отечестве, не потерялось бы честное имя человека. Вот и казенными бумагами все подтверждается: личность, корочки, а в них, как полагается, сложенный пополам лист командировочного удостоверения — one way ticket — билет в один конец...

Дух неотмщенного замполита даже во сне является так, как если бы он был живой офицер, без прядьху мотающийся по передовой. Кажется, лет ему сорок, взгляд решительный, и одет как полагается: вот только бушлат на нем — старенький солдатский — весь в цементной пурге. «Калашников» на груди — автоматный ремень врезался в шею. Спускается в наш полуподвальчик, табуретку к «буржуйке» уверенно двигает и тянет руки к огню. «Что, — спрашивает, — когда на консервный пойдете?»

Не каждый на моем месте найдет что ответить... «Эх, — думаю, — нет человека, а тревоги в нем, однако, продолжают жить — наши, сиюминутные. Видать, и в лучших мирах никак не найдет он покоя, пока мы начатое дело не закончим — так размышляю, но все же проявляю осторожность. — Я, — говорю, — твоих документов не видел, имени-отчества не знаю... А на штурм пойдём, когда все хорошенько подготовим. Вон, — показываю я на спящих пехотинцев, — водители рядовые Богданов и Бердников — дембеля. У них уже срок службы вышел, а они по

сей день воюют. И таких в роте большинство... А вот, — говорю, — бийский паренек сержант Дима Шадринцев. У него зять — муж родной сестры — на днях погиб в 5-й роте. Каково родным будет, если и он не вернется? Или, например, лейтенант Игорь Васильев... Здесь, в бригаде, его отец контрактником служит. Позади нас идет. Как 1-й роте достается — знает. И всякий день сердце его обмирает: не сына ли сгружают с брони?.. У кого, — спрашиваю, — хватит духу их всех на верную гибель послать? Пока пусть артиллерия с авиацией работают. Пусть разведчики рыщут... Чем точнее они свое дело сделают, тем меньше в пехоте гробов...»

«Долго вы там раскачиваетесь!» — хмурится замполит. На стальном лице то ли желваки перекачиваются нервно, то ли это тени огненные из печи пробегают. Видать, замполит, по жизни был строгий, ответственный человек. Как только меня увидел, тотчас требует полного отчета. Неведомо откуда прибыл. Неведомо куда уйдет.

«Ты сам-то как?» — спрашиваю его деликатно, но ответа отчего-то страшусь. Неизвестные таинства мира... Может, еще и час мой не пробил, чтобы воросить эти глубины?.. Однако замполиту этот вопрос не кажется сложным или неудобным. «Ничего, — отвечает он грустно, — как-то устроились... И неожиданно добавляет: — Патронов вот ни хрена не осталось. Можно, я у вас немного отсыплю?»

В моем странном сне замполит еще какое-то время перемещается в нашем полуподвальчике, набивает патронами карманы бушлата. И оттуда, от стеллажей, где раньше токарные резцы лежали, а теперь патроны, он вроде бы тихо мне наговаривает: «Чеченский командный пункт на консервном уже третий день — в теплотрассе... Так они от артиллерии спасаются. А вчера за кладбищем у «духов» появилась «зушка». Они ее в гараже прячут, видимо, думают, что сегодня опять прилетят вертолеты».

Ничего ответить я уже не успеваю. Дух неотмщенного замполита тихо растворяется в воздухе, но успевает, однако, и в этом своем движении опрокинуть пустой чайник. У меня уже открыты глаза: на самом деле чайник роняет сержант Елизаров, и это Максуд Карабалин черпает патроны россыпью. А они текут сквозь пальцы, словно тяжелое дикое зерно, и время от времени глухо ударяются об пол.

Никаких сонников не надо, чтобы все объяснить по порядку: про КП в теплотрассе я слышал от разведчиков, а «зушка», та и вовсе стреляла еще вчера из-за кладбища... Нет никакого замполита, но сложное чувство правоты только что окончившего сна так и не покидает меня. Словно на самом деле приходил человек, имя которого мы успели забыть, да только сам он еще продолжает сражаться на нашей стороне...

КОМАНДИРОВКА НА ВОЙНУ

Страшное это слово — «штурм»... Все то, что этим словом обозначается, пожалуй, никак точнее не выразить. Можно вот еще что вообразить: много ступенек в нем и крючков, будто в лестнице, которую в грозный день следует к кирпичной стене приставить, вверх взлететь и в воле атакующих батальонов без остатка раствориться. Даже собственное имя забыть. Фамилию. Стать ради общей победы просто буквой в этой набегающей штыковой волне...

Именно слово — «штурм» — 14 января 2000 г. в Моздоке, в штабе группировки внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона, произносит заместитель командующего группировкой по работе с личным составом полковник Валерий Журавель и тяжелым взглядом по редкому офицерскому строю проводит. Не шелохнется строй, на полковника глядит выжидающе... Большинство офицеров разными войнами тертые. И в слове «штурм» для них мало что нового таится: войска которую неделю штурмуют Грозный, напирают день и ночь. И, словно в подтверждение, теперь вот «сушки» с моздокской авиабазы взлетают с грохотом — тоже на штурмовку летят, под завязку страшным грузом наби-

тые... Однако эти офицеры многоопытные понимают: не зря полковник перед тем, как их взглядом оценивать, полчаса провел в кабинете у командующего группировкой генерала Михаила Панькова, не зря он теперь обыкновенное военное слово по-особенному произносит... Все понимают — за этим может какая-то очень сильная вводная последовать. И всю дальнейшую судьбу перевернуть...

Журавель офицеров своих в курс дела вводит. Серьезная задача... Услышав ее, каждое сердце политработничье должно тревожно забиться: 22-я ОБРОН на днях должна штурмануть консервный и молочный заводы в Грозном. Мало того, что сама по себе эта операция ответственная, дополнительно получен сигнал: моральное состояние у личного состава — тяжелое. Боевой настрой в бригаде — отсутствует. Она до Чечни героически дралась в Дагестане, поэтому у большинства солдат и сержантов срок службы закончился досрочно: они заслуженного дембеля ждут. Вроде бы невелика беда еще немного в солдатских погонах походить, но служба службе рознь. Одно дело переслуживать истопником в Моздоке, и совсем другое — в передовой роте в Грозном. Пока роты от дома к дому с боями шли, казалось,

КОМАНДИРОВКА НА ВОЙНУ

еще терпимо. А как кирпичные высоты консервного завода увидели — дембельская душа затосковала: кому ж охота в почти гражданском состоянии смерти в глаза заглядывать?

Как этих людей не понять? От президента страны до старшины роты каждый готов им руку пожать: «Спасибо, сынки!» Уже за то спасибо, что в трудный для Родины час отслужили и отвоевали вы свое по полной программе. Пока остальные сверстники ваши в университетах учились, на роликах катались либо клей «Момент» с наслаждением нюхали, вы ничего для Родины не пожалели. Многие под пулями сепаратистов свою жизнь и здоровье отдали, каждый мужество и отвагу проявил сполна... Что бы потом ни говорили политики, ясно, что вы и есть самые лучшие люди России. Как есть — самые лучшие! Чумазы, в драных бушлатах, насмерть уставшие — роты наши передовые! Тот, кто в пехоте воевал, всю остальную жизнь будет на мир новыми глазами смотреть. По-другому ценить нагрянувшую любовь, рождение детей, падающий дождь, весенний денек... Все это будет необыкновенным чудом казаться. И вы его заслужили!

Но как к этой благодарственной речи потом еще и строгие, тяжелые, совсем не радостные слова прибавить: вся надежда на вас, старики... Есть вам смена: свежие полнокровные роты в пункте постоянной дислокации положенный полугодовой курс обучения закончили и готовятся к переброске. Их появление в Грозном — вопрос недели. Да только война, ее сильное течение нас вперед увлекает: плечом к плечу с бригадой армейские мотострелки идут. Они на нашу помощь рассчитывают. К тому же — все ударные стрелы на штабных картах уже нарисованы, все командирские часы — звонкие дни до атаки отсчитывают...

Из боя за консервный лишь хитрый, злой и умелый солдат живым выберется. Который чужую силу уже переламывал. Который по звуку летящей мины легко определяет место ее падения. Который в одиночку может целый взвод необстрелянных солдат заменить. А это значит — опять под огонь идти нашим испытанным, солдатским старичкам... На этих заводах один из ключей к Грозному спрятан, но только опытной пехоте-землеройке такая задача по зубам.

И это точно — мощное течение войны нас вперед несет неумолимо... Потому у Журавеля — категорический приказ генерала Панькова: лично вылететь в Грозный, разобраться в ситуации и боевой настррой обеспечить. Действовать быстро, жестко и справедливо. Не то чтобы людей через колено ломать, однако любая армия без веры в победу жить и действовать не может. Это война. На ней за малодушие одних всегда другие расплачиваются кровью.

Для быстроты «вертушка» выделена. Жесткости в Журавеле после разговора с генералом Паньковым уже и так предостаточно: глаза тревожные, уголки

губ плотно сжаты, посторонние разговоры вызывают реакцию отторжения. Вот только редок офицерский строй: одна группа в Урус-Мартан с ответственным поручением улетела, еще одна, дежурная, непременно должна в Моздоке остаться. Но никто не сомневается, что заместитель командующего свой выбор уже давно сделал: Николай Чергин, подполковник, да Евгений Иванов, майор... Это рабочие лошадки — трудолюбивые, неприхотливые, бессонные. Один — опытный специалист по воспитательной работе, служит в Главкомате, другой — военный психолог из Питера. Но как будто Журавелю еще кого-то в группе не достает. Теперь он в мою сторону испытующе смотрит, что-то считает в уме. А потом, словно все резоны подытожив, подводит сборам черту:

— Вместе с нами полетит журналист, Андрей Эдоков, член общественного совета внутренних войск МВД России.

— Есть! — отвечаю я и великодушно получаю пять минут на сборы...

Говорят, что ни для какого другого дела мужчины не объединяются так быстро, как для убийства других мужчин. С утра Бах, судя по всему, мается опасной болезнью мщения, меня в напарники зовет. В руках у него СВД убитого накануне Карпенко, а с Бахом у нас заключен негласный союз: кажется, только мы, природные азиаты, способны в заснеженных громадах завода, словно в горах, выследить лежбище чужого стрелка. Но можно сколь угодно долго вглядываться в разбитые дома, которые удерживает неприятель, — ничего не увидишь, кроме темных окон да голых стропил на снесенных артиллерией

крышах. Но лишь беглая тень мелькнет в наших этажах, либо пролетит по площади кто-то отчаянный — тотчас вдогонку бьет невидимый стрелок: старательный, терпеливый, добычливый.

В цехе я видел с умом устроенное снайперское гнездо, из которого еще совсем недавно вел огонь чеченский боец. Он стрелял из глубины здания — через проломы в двух стенах, с деревянного навеса, сооруженного прямо под потолком. Его выстрел, беспламенный и бесшумный, как обнаружить, пока он кирпичи, нами в окне стопочкой сложенные для защиты, по одному с наслаждением выбивает? К тому же в руках у чеченцев сейчас самые высокие здания в округе. Мы для них внизу, как говорят мусульмане, будто слезинка на кончике ресницы.

Еще сутки назад этой винтовкой Володя Карпенко, ротный снайпер, безраздельно владел. С чужим снайпером в поединке сходилась. Так друг за другом они охотились, и Карпенко в пылу этой борьбы чего только не предпринимал. Повыше заберется, а чеченец его оттуда выбивает, да так, что Володя потом несколько часов над трехэтажной бездной висит, обхватив локтями железные балки. Вся рота ходила его выручать, и вся рота за этой дуэлью с увлечением наблюдала. А его самого уже никто остудить не мог: «Хотя бы одного, — говорил, — но хочу, чтоб наверняка...». А на него сразу четверо вышли: один, в черной косынке, на которой череп с костями был нарисован, напоследок заметался... Но Карпенко их всех из СВД пересчитать успел, и всех — наповал. Это позавчера было. А вчера ротного снайпера самого в тыл увезли: сквозное ранение головы. Смертельное. Вся рота его, конечно, еще в живых числит, но пуля фатальная Володину судьбу уже оборвала... Об этом один только я в роте знаю и никому не говорю. И Баху не говорю, который оружие, выпавшее из рук товарища, без промедления поднял и сам себя снайпером назначил. Зацепин, командир, только кивнул головой: согласился. Во-первых, Бах — стрелок холодный. Будто охотник-промысловик, валит людей отстраненно. Без кровавого азарта, словно не убивает, а выполняет план по заготовкам. Во-вторых, воевавшая рота — механизм саморегулирующийся. Темного человека всегда отвергнет. Отважного, надежного, трудолюбивого — непременно возвысит и признает его человеческое старшинство. Поэтому Зацепин, фронтальной роты собственной властью не мордует, а ведет по войне — тихонечко, бережно, аккуратно. И не повелевает, а ему — повинуются. И вроде слово тихое скажет, а рота уже дымы ставит и вovsky под пулями орудует. В карман за куревом полезет, а бойцы его, которые ни черта не боятся и мало кого уважают, уже зажигалками чиркают, огонек высекая.

Один человек, искавший на войне формулу счастья, так описывает его: «Счастье — это когда поднимаешь солдат в атаку и тебе не нужно оглядываться назад».

Заместитель командующего группировкой по воспитательной работе, как только в бригаде появился, немедля в «бэшку» сел и по батальонам помчался. Бойцов — всех, кого можно, с чердаков собрали и из подвалов подняли. Стоит строй славян да азиатов, с ноги на ногу переминается. Война лица пообтесала и форменную одежду на здешнем бетоне сожгла. Вот только глаз не коснулась: везде живые они. Где дерзки, где колючие, где удивленные. И все взгляды в один пучок сошлись — на Журавеле. И каждый — на прочность испытывающий, как будто сто лазерных дальномеров по приезду полковнику работают...

Пехота здесь, жизнью битая, грозу чувствует сразу. Даже приторможенные, и те на хмурых лицах своих офицеров сигнал опасности прочитали. И подобрались разом. И весь строй, боем в единый организм сбивый, теперь чужому полковнику флюиды неприятия посылает. Устав уставом, но на передовой своя шкала ценностей действует. Такую роту мало офицерской власти подчинить — с ней надо вровень стоять... По духу. По отваге. По жизни.

Стоит и молчит Журавель, еще и вовсе полуобернулся и смотрит вверх — через пролом — на синее январское небо. Невольно и рота вслед за ним головы поворачивает — у солдат из-под воротников худые мальчишеские шеи показались, кудрые юношеские бороденки смешно торчат... Заместитель командующего группировкой будто и ждал, пока рота из пехотинцев в пацанов превратится. Обернулся, с правого по левый фланг — всех сфокусировал:

— А теперь, — говорит, — пусть поднимут руки те, кто награжден государственными наградами...

Все! Рота на Журавеля уже с нескрываемым доверием смотрит. Награды — почти такой же болезненный вопрос, как дембель. Но если дембель неизбежен, то боевые награды, к которым многие представлены, очень даже запросто могут обойти стороной своих героев. Иногда командир поленился служебно-боевую характеристику написать, иногда в пункте постоянной дислокации при описании подвигов чего-нибудь напутают. Немало преград лежит на пути представления, пока оно все инстанции пройдет, и самая страшная из них — изнанка чиновничьего сукна. Быть может, поэтому в нашем строю ни одна рука не поднята... Одна награда у пехоты — десяток чистых городских кварталов за спиной...

Целая война за спиной. Жестокая, страшная, смертоносная война, на которую Родина своих сынов и дочерей направила. От семей оторвала. От учебы и любимого дела. Дымными кострами дала подышать, в мерзлой земле окопаться, свист пролетающей пули почувствовать и кровь зажимать бинтами. Можно и без наград обойтись! Можно без доб-

КОМАНДИРОВКА НА ВОЙНУ

рого слова! Да только пехоту эту не на помойке соби-
рали, а в самых честных и совестливых домах Рос-
сии. Поэтому роты понимают, чувствуют каждым
нервом своим, что не зазря насмерть стоят, не на-
прасно поднимутся завтра.

Теперь голос у Журавеля металлический: указа-
тельным пальцем подле себя в пол цеха тычет, стро-
го на строй солдатский глядит и будто каждую душу
во всех ее сомнениях видит:

— А теперь пусть вот сюда — вот сюда! — выйдет
тот негодяй, который сказал, что оружие на землю
положит, а в бой не пойдет!

Мы знаем — был такой разговор. В курилке один
другому по глупости сказал. Можно человеческую
судьбу сейчас в момент разломать, а можно дать
возможность этому человеку в строю отстояться.
Хорошенько подумать. Он в глубокую пропасть уже
заглянул. Сейчас до самых печенок его проняло, что
любая армия мира даже намек на неповиновение
не потерпит. Задушит в зародыше, невзирая на про-
шлые заслуги.

Но хорошо стоит рота! Будто просит глазами: пол-
ковник, мы сами!.. И здесь не о короткой расправе
речь: боевая рота — организм самоочищающийся.
В ней всегда простят невольную слабость. В ней ни-
когда не забудут предательства. Но и черту, которая
слабость от предательства отделяет, здесь каждый
обостренно чувствует. Им и лет-то по девятнадцать,
но эти дни жизни они проходят на очень высоких
скоростях... Не знаю, что получится, когда те высо-
кие человеческие требования, которые здесь запросто
предъявляют друг другу, они попробуют так же
бескомпромиссно перенести и в обычную мирную
жизнь... Кто их поймет? Кто их оценит?

Если посмотреть, как яростно мы за эти кварта-
лы деремся, любой человек, которому события в Че-
ченской республике представляются отдаленным
марсианским побоищем, в конце концов спросит:
за что? Неужели движет нами только месть за взор-
ванные московские дома, за дагестанские села?
Или манит запах «боевых» денег? Или делать нам
больше нечего, как брать приступом города? Тогда
надо толкнуть в бок заснувшего о печки сержанта
Юру Елизарова и задать ему вопрос: чего ради нуж-
но ему попасть в Чукотский переулочек? А он в нем вы-
рос, в грозненскую школу ходил, на соседнем клад-
бище его дедушка с бабушкой лежат. Отсюда его с
мамой в большую Россию без вещей и без копейки
выгнали, да так, что первый год они в землянке пе-
ребивались. От цеха до Чукотского переулка десять
минут бодрой ходьбы. Только он еще в руках у боеви-
ков... Временно. Но после мы туда обязательно за-
вернем. И никому мстить не станем. Просто по руи-

нам и драной ружьяди взглядом проведем да прики-
нем: пошло ли им впрок ваше с мамой добро?..

Известно, что этой ночью армейцы через нас бу-
дут стрелять какой-то хитрой тактической ракетой.
Может быть, и легендарной «Точкой-У». Стартовав в
предрассветный час, должна она поразить очень
важную, но нам неведомую цель, и этот пуск самым
непосредственным образом связан с действиями
22-й бригады. Сверху мгновенно строгое указание
по ротам пошло: «Подготовить укрытия!». Это зна-
чит, что чудище огненное, отмахав неизвестно
сколько километров над чеченской землей, рухнет
где-то неподалеку. По 1-й роте гуляет едва скрывае-
мая тревога: а вдруг, черти, промажут? Вдруг на
картах у ракетчиков наш крошечный героический
выступ в сторону врага никак не обозначен?

Еще с вечера отцы-командиры по радио с чеченца-
ми какую-то острую игру затеяли. Сам полковник
Груднов, «Север-1», несколько раз в эфире объявлялся
и, прикидываясь простоватым командиром, просил
усиления в районе пожарного депо. Тот, кто наших
хитрецов по ту сторону забора слышал, из обрывков
и намеков мог сделать только одно предположение:
там скоро либо русская разведка пройдет, либо какое-
то иное движение совершится. И легко представить:
боевики сейчас к депо стекаются. Нет, вовсе не про-
стодушные они. Возможность каверзы с федераль-
ной стороны всегда учитывают. Но разве, имея такой
радиоперехват, мы бы сами не среагировали похоже?
Разве взвод, как минимум, не бросили бы туда для
подстраховки? Вот этого, я чувствую, Груднову толь-
ко и надо. Человек тридцать, но хочет он под крышей
депо собрать непременно. Они, бедняги, до рези в
глазах пехоту будут высматривать, в то время как по
черному небу к ним совершенно нежданная, необо-
римая беда прилетит... Так и есть: ракетчики на рас-
свете в пожарное депо выстрелили. Не то чтобы отту-
да потом тубетейки машинами вывозили, но психи-
ку вражью силой своей бетонобойной ракета здорово
поколебала. Одно дело с автоматом на равных дра-
ться, и совсем другое — когда великая страна может по-
настоящему зубы показать. Да только мы в роте это-
го уже не видели: спали как убитые...

Вода ключевая, водица ненаглядная... Говорят,
человек, как огурец, за малым исключением только
из нее и состоит. Можно, конечно, сказать, что воен-
ный человек — особенный. Что надлежит ему всегда
довольствоваться малым и терпеть всяческие лишения.
Но не нами замечено, что без воды, особенно
если почитается она за драгоценность, любой сол-

КОМАНДИРОВКА НА ВОЙНУ

дат потихоньку начинает превращаться в Тарзана. Дичает. Опускается. И обязательно волю к жизни утрачивает. Конечно, он еще способен и в штаны ударишь, и службу безропотно нести у бойницы, но в нем нет уже бодрого духа. Одна только физиология. Так уж, видимо, устроен организм — должна вода его время от времени обтекать, чтобы все тревоги, заботы, горести смывать с задубевшего тела.

Вот и Журавель проблемой не пренебрег. И с кого надо в полную силу спросил. После этого вроде как засуетились бригадные тыловики: то одну роту, то другую в баньке моют... Моя, 1-я, вышла оттуда вся розовая и разомлевшая. А в довершение бривенный станок, давно забытая пена для бритья, сапожная щетка и вовсе превратили стайку подвальных человечков в опрятный воинский коллектив. Вдобавок вся бригада молочными флягами, ведрами, чайниками гремит — залескалась вода питьевая. Любой может черпачок полновесный выпить, ни на кого не оглядываясь.

Каждый, кто с замкомандующего прилетел, в своих ротах работает и живет. И не удивительно, что каждый, своей профессии повинуюсь, какую-то новую грань в общей работе оттачивает. Подполковник Чергин — специалист именно по работе с личным составом. Поэтому чаще других в его докладах слышится грозное слово «дисциплина». Тогда как майор Иванов — психолог. Раз так, то непременно в

его сообщениях слово «реабилитация» звучит, и успокоительными настояями по-домашнему пахнет. У меня, журналиста, в свою очередь, появилось ясное ощущение того, что в смертельной опасности человек обязательно хочет выговориться. Будто сказать напоследок... О жизни своей — неповторимой и самоценной — заявить чуткому собеседнику.

Среди товарищей, которые с тобой судьбу делят, найти внимательного слушателя нелегко. В такую минуту каждый внутри себя обращен, со своей душой один на один разговаривает. Ведь в каждом животный страх ворочается. А его всегда только силой собственного духа ломает. Неведомо, кто помощником тут может стать: психолог, священник, родной замполит... Но замечено — перед диктофоном, фотоаппаратом, кинокамерой все вроде как крылья расправляют. Если, конечно, происходит это на самом гребне жизни, когда всему миру хочется крикнуть: «И мы не хуже! И мы не последние!»

Вот поэтому у нас в бригаде телевизионная группа НТВ работает. Мы с нее пылинки сдуваем, в десант БМП упаковывая. И к черту в зубы увозим, чтобы вечером вся страна видела, как Бердников «бэшку» под пулями ведет, а Бах хитрыми глазами только улыбается. Говорит: «Я бабушку нервировать не хочу...» А Зацепин, тот, наоборот — куда ж деваться — о своих бойцах с гордостью говорит и эти метры считанные, которые его передовое подразделение от бандитов отделяют, через амбразуру показывает. И, конечно, волнуется ужасно: Россия необъятная на него, лейтенанта, смотрит с уважением. И все «политрабочие» да «политбойцы», кто толк в этой работе понимают, вечером на экран глядя, ему в такт головами кивают одобрительно: сегодня нам именно расправленные крылья 1-й роты нужны. Крылья всех батальонов...

Сам главком прилетел. Для бригады, для каждого ее офицера — это событие. Верный знак, что движемся вперед. Вот почему пуще прежнего подтянуты офицеры: никому неохота в грязь лицом ударить. Но у главкома первый вопрос: моральное состояние личного состава. И он о наших делах наслышан, и сам с солдатами по душам разговаривает. Отдельно — с лучшими. Отдельно — с худшими. И для каждого проникновенное слово находит. Да так, что иные потом, глубоко задумавшись, прочь идут...

Офицеры в кулуарах перешептываются: что, если круто загнет главком? Полковник Игорь Груднов, человек авторитетный, резко их останавливает: «Обижаться будем дома. А сейчас надо правильные выводы делать».

Но все равно, пока главком в бригаде работает, какая-то особая нервозность во всем ощущается. Что,

КОМАНДИРОВКА НА ВОЙНУ

если он действительно круто загнет? Даже невозмутимый полковник Липинский, который командует 22-й бригадой в Чечне, на секунду теряет самообладание — рычит на начальника столовой: «Ты чем людей кормишь? Разве нельзя стол как-то разнообразить? У меня раньше из тушенки зразы — представляешь, зразы! — делали. А ты? А ты не можешь ни хрена». И сокрушенно рукой махнув и обед не окончив, шумно из-за стола встал. Все ему вслед с пониманием смотрят: еще бы, мало сейчас найдется охотников на его командирское место...

Пока меня в роте не было, опять чеченская снайперша на связь выходила. Та, что Наташей себя называет, сменщицей лютой Дианы. Не знаю, все ли в порядке у них обеих с головой, но мысль их девичья всякий раз вокруг мужских гениталий кружит: «Напроць отстрелим», — грозятся. Видимо, беспощадную злость именно к ним затаили. Да только слово не держат. Попадают все больше в голову, в сердце, в печень, в позвоночник... Кто знает, что ведет их по войне: деньги, романтика или грязная ханка? У той

русской снайперши, которую в канализационном колодце нашли, на мертвом лице ничего не прочли, кроме ужаса. Танковым выстрелом, говорят, ее прямо в люк и смело. Но никто из чеченцев выручать не полез: стреляная гильза, пропащая душа... А в глазах у роты сейчас сумасшедшая Диана стоит, и все бойцы на Зацепина с Васильевым участливо смотрят. Диана-то у нас чудная, искусница: «Не хочу, — говорит, — солдатские... Мне, — говорит, — офицерские подавай». «Вот тварь кровожадная», — вздыхает кто-то тяжело. И страшно представить: одна у человека только мысль в голове. О чем же она, интересно, думает, когда вареники лепит?

Самым высокоточным оружием 22-й бригады можно считать начальника разведки Героя России подполковника Александра Стержантова. Теперь он тоже свое боевое ядро подле себя собирает и велит крепкого чаю на стол подавать. Я так понимаю: разведке поручено разработать свою версию предстоящего штурма.

Что ж, сегодня каждый офицер в бригаде свой собственный маневр неспешно обдумывает. Взвод-

КОМАНДИРОВКА НА ВОЙНУ

ные и ротные — те первые семьдесят — сто метров, которые поначалу пройти предстоит, глазами вытаптывают. Каждую выбоинку и закоулочек наилучше запоминают. Комбаты — те на отдельно стоящие здания с возделением смотрят. Но совсем другое дело — бригадная разведка. Ей в самые потаенные глубины вражеской обороны предстоит погрузиться: что-то собственными глазами увидеть, чей-то язык вовремя развязать.

Поэтому кусок города Стержантов на большом листе бумаги по памяти чертит: улицы да переулки. Заводские корпуса. Русское кладбище. Дерзкий замысел подполковник, кажется, весь день в голове вынашивал и только сейчас выложил на всеобщее обозрение. За этим столом каждый разведчик, независимо от звания и должности, равное слово имеет. На краю его солдатские кружки с чаем дымят вовсю, будто горящие грозненские цистерны, и привычные пейзажи этой войны никуда не пропадают даже тогда, когда мы штурмуем всего лишь клочок бумаги. Когда в спорах рождается верный маршрут для пехоты. Когда ладонь, поставленная на ребро, может означать и направление нашего удара, и ту железную неотвратимость, с которой мы собираемся его нанести.

Освободительная операция теперь мыслится так: мы нагло выдвигаемся по улице в обход заводов, сбиваем чеченские посты и бьем боевиков с тыла... Несколько возражений... Несколько аргументов в поддержку... Наконец рождается согласованная позиция: а почему бы, собственно, и нет?... После того как пьяный армейский капитан, сопровождаемый разбойничьим свистом, проехал через весь Грозный на ГАЗ-66, каждый может увериться: сколько бы ни было в городе боевиков, однако есть в их обороне брешь. А в нашем замысле таится какая-то особая простота и надежность: ведь ни одна душа оттуда нас не ждет.

Впрочем, какие бы победы ни сулил план разведчиков, пока это только черновик. Над ним еще генералы посидят. С армейцами, которые с нами рука об руку идут — согласуют в деталях. Или вообще в сторону отодвинут за ненадобностью. Но ничего страшного в этом нет. Гораздо важнее, что нынче все офицеры в бригаде мысленно уже страшный забор переманили и вперед устремились. Овладев заводом в собственных головах, завтра они эту командирскую уверенность непременно начнут в солдатской душе возвращать и укреплять. И глядя на спокойного, уверенного командира, солдат обязательно доверится его интуиции, воле и замыслу...

В тот день, когда смертельно ранены были Нагайцев с Карпенко и крепко задет рядовой Чередниченко, под снайперскую пулю еще и рядовой Тихов попал. Снайпер свалил его на машинном дворе, когда

в лучах вечернего солнца он был отлично виден на броне БМП, отправившейся за пайком. Был ранен он в позвоночник и, оставаясь в сознании до самой отправки в госпиталь, жаловался тихо и безнадежно: «Ног я, братцы, совсем не чую...».

Но уже вечером, когда 1-я рота, выбитая за день на десять процентов, начинает подводить тягостные итоги, все острые события сами собой начинают меркнуть. И те, кто потерян безвозвратно, тоже понемногу начинают как бы стираться в памяти, теряя зримые черты. Говорят о них уже так, как если бы беда, приключившаяся с ними, произошла вовсе не здесь и не сегодня, а много суток назад, когда тоже шли тяжелые бои, ничем не отличающиеся от нынешних... Могут даже морщить лбы, с трудом припоминая настоящие имена, которыми пользовались редко, предпочитая короткие и понятные прозвища: Тихий да Тихий... Но никого в забывчивости странной не стоит упрекать: так психика человеческая сама себя бережет. Защитные блоки ставит, чтобы, чего доброго, не замкнуло еще живой организм.

И еще одна важная закономерность присутствует здесь: непременно надо дожить до вечера. Дотянуть. Доскрипеть потихоньку. Если до темноты тебя не убили и не ранили, смело можешь рассчитывать на то, что и утреннее солнышко встретишь. И все потому, что ночью все пехотные массы впадают в оцепенение. В темном разбитом городе так много мусора, что крадучись пройти по нему невозможно. Любой шорох отовсюду добегают тотчас, если чужая нога по листу старой жести скользнет либо на кирпичной россыпи разбежится. А на каждый опрометчивый шум граната летит или пуля. Затихает фронт смертоносный. Кислые портянки перематывает. Автоматные магазины набивает под самую завязку...

Необыкновенное это ощущение — желание до вечера дожить. Все заботы, которые еще недавно казались чрезвычайно важными: семейные хлопоты, неизданные книги, карьерные соображения — все это за какую-то дальнюю черту убегает, становится чуть-чуть незнакомым, как жизнь на Марсе. Реальную ценность начинают приобретать совершенно иные вещи: хотя бы спокойная отвага и нечаянное братство людей, где никто не живет за чужой счет. Даже тогда, когда дожить надо только до вечера...

Так рассказывал сержант Елизаров о честной договоренности с теми омовцами, которые засели метрах в двухстах позади нас — в здании, на том конце машинного двора: «Было решено, что они обязательно дадут две зеленые ракеты в том случае, если им потребуется унести ноги. На этих «синих» мы никогда серьезно не рассчитывали, но все, что нам хотелось на крайний случай — это понимание того,

КОМАНДИРОВКА НА ВОЙНУ

что они снимаются и, стало быть, на их помощь мы рассчитывать не можем. Совсем другой вопрос, как бы мы сами из окружения пробивались или в нем продолжали существовать — от омовцев нам просто требовалась предельная ясность. Две зеленые ракеты. И все!

Вот так мы ударили по рукам. А вечером в их створе поднялась страшная стрельба. Немного времени спустя я гляжу — взвилась в небо ракета. Зеленая! Ну, думаю, побежали. Или «духи» и впрямь навалились, или нервы у мужиков не выдержали. Но мы на них не в обиде: слово свое они четко держат. Не на что обижаться. Проходит минута, другая — нет ничего. Так до конца перестрелки второй ракеты мы не дождались. Потом у них совестно было даже и спрашивать: то ли они все с низкого старта хотели рвануть, то ли у них сдрейфила только половина... Так в неведении по сей день и остаемся. Но по-соседски обижать недоверием не хотим. Тем более они иногда водой делятся и даже от всего сердца жалуют: «Ну как вы там, пацаны?».

...Это стебли желтого артиллерийского пороха в наших руках горят скоротечно, из тьмы наши грубые, нехитро вылепленные черты выхватывая. И пока светит огонек, приходит осознание того, что почестей настоящих все воевавшие россияне достойны. Все, кто свободу, независимость, национальное достоинство нашей Родины с оружием в руках защищал.

Подполковник Сергей Куликов, командир отряда специального назначения «Скиф», рассказывал о бое, случившемся в январе 2000 г. у моста через Джалку, где была расстреляна из засады наша тыловая колонна: «После того как мой БТР, идущий впереди, был подбит, а его контуженный наводчик просто героически отход прикрыл, мы назад оттянулись. Пока соображали, откуда и какими силами боевики нас метелят, пехота подоспела. Сползла с брони. Спешилась... Гляжу я на них: мать честная — все какие-то маленькие, выстрелы от гранатометов над касками торчат, все замерзшие, все в копоти, как кочегары. Кажется, ну чего они смогут против этих волчар, которые в самый мужицкий возраст вошли? Да их просто там порвут на тряпки... Но генерал наш это воинство живописное невозмутимо строит и, на черный лес показывая, говорит:

— В лесу — террористы. Их необходимо уничтожить. Ну что, пойдём туда, мужики?

Хмурая пехота, с ноги на ногу переминаясь, глухо и раскатиисто отвечает:

— Пойд-е-е-ем!

— Ну что, — опять генерал их пытается, — покажем бандитам, ребята?

И опять гудит пехота:

— Пока-а-а-жем!

Что самое удивительное: пошли и показали! Двух человек в бою потеряли, но лес вычистили. Тогда, глядя на них, я сам себе сказал: вот кому памятник надо поставить! Пехоте! И когда она вслед моим могучим, хорошо экипированным бойцам с завистью смотрит, я думаю: в спецназе любая потеря — это горькое, но событие. В пехоте же — просто статистика... И все потому, что именно ей достаются самые страшные, самые грязные будни войны... Так пусть ей за это и самая чистая слава достанется».

Да только кто монумент в честь вот этой роты — живой, дерзкой, стреляющей — наконец поставит? Кто эти лица — веснушчатые славянские, раскосые азиатские, скуластые угорские — в камне высечет и в бронзе отольет? И чтоб были они не ухоженные богатыри, а как есть — дички рабоче-крестьянские. Какими их по общагам, по ремеслухам, по селам похмельным в армию собирали. Какими выросли они в дальних углах, где первые матерные слова произнесли. Где в первой мальчишеской драке не дрогнули. Где, повзрослев, из рук загулявших отцов рвали они пьяные топоры. Где, нежной и бережной любви стесняясь, сестренкам младшим «сникерсы» несли с первой полочки...

Пусть так и стоят во всей своей железной красе: в бушлатах замызганных, в бронежилетах, пулеметными лентами опоясанные. Живые. Только что из ада выпешшие. А в самой середине скульптурной группы пусть казах Максуд Карабалин на АК-74 опирается. В костюме газосварщика, который он у чеченцев в бою отнял. Просторная, прочная, практичная одежда. Очень может быть, такие костюмы лет через сто как раз в военную моду войдут. Вот тут мы на Максуда укажем: дескать, наши это приоритеты. Как раз русской огнеупорной пехоте по плечу!

III.

Мало полковнику Журавелю огнедышащих орудий, мало юрких штурмовиков в небе. Вдобавок ко всему решил он чеченцев, засевших на молзаводе и на консервном, извести морально. Их боевой дух подорвать. Почву из-под ног без всякой жалости выбить. И для этих целей у него сильное оружие припасено: звуковещательная станция. Пускай наивные люди в кулак посмеиваются, дескать, что за зверь такой — БТР-80 с зачехленными динамиками. Не «Град». Не «Буратино». Не «саушка», наконец... Действительно: результат их ударного труда можно глазом увидеть и в мешки, что осталось, собрать. А тут бэтр одинокий — любимая забава чеченского гранатометчика — по переднему краю снует и, за домиком притулившись,

КОМАНДИРОВКА НА ВОЙНУ

тотчас шаманить и завывать начинает. Какие слова зарядишь, такой и залп в январское небо полетит.

Вот именно, какое слово, будто птицу боевую, ты в грозное небо метнешь, так тебе и откликнется. Воля твоя, хочешь — глумись и подначивай. Всех козлами, если хочешь, зови... Гораздо сложнее по-настоящему верное слово найти, которое способно душу человеческую в твоей полицейской правоте убедить. Умиротворить. Обезоружить. Вылечить. Вдобавок и произнести его следует так, чтобы чувствовалась в нем мощь и достоинство целого государства, которое теперь заблудших сыновей своих к безусловной и бескровной сдаче принуждает.

— Не все потеряно! — говорит. Однако при этом железную справедливую длань на самом бандитском горле смыкает. Тем более что там — за забором, в теплотрассах, на чердаках — очень несентиментальные люди сидят: Муса, Доктор, Полковник, Тамбиев, Исмаилов. Это боевые кликухи и бандитские погоняла тех полевых командиров, которые вряд ли к твоим аргументам прислушаются. Которые на каждое слово твое пулеметным, гранатометным, минометным огнем огрызаются. Для них этот звуковещательный БТР хуже всякого «Буратино»: в головах простых боевиков, засевших на консервном и на молзаводе, сеет он разлад и смуту. Их упорство подтачивает. О сиротской судьбе детишек и жен напоминает. И, что самое важное, открывает спасительную надежду. Как говорится, одним махом — сто душ побивахом.

Но пока верное слово найдешь, семь потов с тебя сойдет. Конечно, всегда рефрен постоянный: «Сдавайтесь!». Конечно, всегда: «Уничтожайте наемников и снайперов! Выводите из строя боевую технику и средства связи!». А если в памяти всплывет еще и охотничий прищур Бахтиярова, в моем монологе сами собой пробегать начинают даже нотки священно-го ужаса: «Ведь это смерть посмотрит вам в глаза...»

Такие приемы разными войнами до блеска обкатаны. В них ничего менять не надо: ведь любой пропагандист прежде всего боевую задачу выполняет — пытается своей пехоте будущий рынок хоть как-то облегчить. Даже если один боевик из развалин выползет и руки поднимет, считай, две — три солдатские жизни спасены... Но есть и сверхзадача: в грозной Чечне нам чаще всего не враг зарубежный противостоит, а собственные сограждане. Может, далеко не лучшие люди они, но все же — соотечественники, которых российский закон не только преследует, но и оберегает. И надо поправки делать, как при выстреле — на обман, на родовую солидарность, на неверно понятый национальный долг. В горячке войны их всех, конечно, можно в чеченскую землю закопать. Но лучше будет, если на эту землю они землепашцами, нефтяниками, поэтами вернуться. Прощеными. Войной переболевшими. Живыми...

Не знаю как кому, но мне чеченцев этих простых по-человечески жалко. Сейчас особенно. Видно, как измучились они и сколько натерпелись на этой несчастной земле. Там, где приметы войны и следы недавнего бандитского гульбища на каждом шагу проступают: то постоянный двор «Волчье логово», то кафе «Волчий аппетит». А чаще всего — частокол копий на сельских кладбищах, каждое из которых означает, что зарыт тут убитый воин. И можно долго ездить по Чечне на БТРе мимо этих подросших кладбищ, мимо расстрелянных дорожных указателей, зовущих в город Джохар, мимо воскресных рынков, где уже не торгуют рабами, чтобы понять наконец: где встретит тебя опустошенный, потухший взгляд чеченского крестьянина. Он словно об одном с грустью говорит, напоминая слова Карла Чапека: «Я не воюю — воюет муравейник!»

Главными застрельщиками штурма славные армейцы будут. N-ский полк, чудо-богатыри. Это становится ясно, когда на КП вместе с надрывным криком «Товарищи офицеры!» появляется большой, шумный, энергичный человек — генерал Булгаков, командующий грозненской группировкой федеральных войск. Его «стечкин» в деревянной кобуре лихо у самого бедра качается, следом неотступно движется сероглазый полковник с гигантским портфелем в руке. Там — карты штабные. Там — день наш грядущий, в который генерал Булгаков нас следом за собой ведет и, тяжело пальцем грозя, наших отцов-командиров сурово наставляет: «...И ставите блоки! И чтоб ни одна мышь не проскользнула!»

Властен Булгаков. Требователен. Неумолим. Но такова уж судьба генеральская. В самый ответственный момент на передний край отправиться и жирную черту под всеми сомнениями разом подвести. Полноту ответственности взять на себя...

Над картой весь люд — боевой, офицерский — склонился. Голос командующего наподобие мотора танкового рокочет, и в каждом углу палатки его отчетливо слышно:

— Что бы ни случилось — не отступать! Когда, спрашивается, мы людей больше всего теряем? Правильно — при отходе! В панике солдат мечется, бежит, дороги не разбирая. Тут и бьют его в спину. Поэтому — не отходить!.. Запрещаю! Цепляйтесь за любой выступ, выявляйте цели, вызывайте огонь. Помните: вся артиллерия в этот день на вас работает.

По глазам вижу: у комбрига и начштаба бригады будто камень с души свалился. Хорошо, коли армейцы полнокровные с нами вместе идут. Конечно, считаться нечего — одна победа на всех. Но все равно — вот такая закономерность выявлена: когда армия в

КОМАНДИРОВКА НА ВОЙНУ

операции участвует, артиллерийский огонь вроде как поплотнее, танков побольше, и авиация штурмовая тут как тут. А чтобы последние сомнения наши развеять, Булгаков какому-то полковнику армейскому рукой машет: «Давай, заводи».

Палатка сразу же людьми незнакомыми наполнилась. Лейтенантами рослыми, гвардейскими. Каждый в бронжилете, у каждого стальная «сфера» на голове. Конечно, все навтыжку стоят и генералу по очереди представляются: исполняющий обязанности командира роты старший лейтенант К., исполняющий обязанности командира роты старший лейтенант В.

Когда третий по счету старший лейтенант про «исполняющего обязанности» слова отчеканил, Булгаков жестом его остановил. Удивления не скрывая, командира того самого N-ского полка взглядом отыскал:

— Это почему же у тебя, полковник, все ротные обязанности только исполняют?

Полковой командир немедленно ответ держит: «Старший лейтенант К. еще неполных два года взводом командует. Рановато... А старший лейтенант В. и вовсе замполит...»

Генерал слушает, не перебивает. Да только темнеют его глаза, будто кровью наливаются. И тихо так, вежливо акценты расставляя, он сам спрашивать начинает. А в голосе его льдинки январские, зазубренные проплывают:

— К. и В. — они достойные офицеры?

— Да, — утвердительно кивает полковник.

— Ты им боевые роты доверил?

— Доверил!

— И я так понимаю — их заменить некем?

— Так точно! — виновато смотрит командир полка. Сообразил, как разговор оборачивается...

— Ну и что из того, что В. — замполит? — Булгаков взрывается. — Если он назначен ротой в бою командовать, пусть уж ею командует полноправно. И это всех остальных касается... Назначить... В должности утвердить... Я тоже, — говорит, — в Германии роту через два года после училища принял...

Навел генерал порядок. Лейтенанты армейские из палатки, потрясенные, выходят... Им сейчас дан наглядный урок на всю оставшуюся жизнь. Если хочешь выиграть бой — доверяй тем, на кого собираешься опереться. А доверившись, спрашивай без оглядки. Вот поэтому вслед лейтенантам все сочувственно смотрят. Не на парад они в бронжилетах собрались. Пошли стены таранить. С одной стороны, каждый из них сейчас на очень важную ступеньку в военной карьере шагнул, с другой — только аванс получил. А его на войне предстоит с лихвой отработать. Лейтенантам бы сейчас молчать отрешенно. Им бы задуматься. Не на парад идут... Да только как они ни сдерживаются, волей-неволей довольные улыбки уже на губах появились. Представляю: сей-

час выйдут — и рот до ушей, взаимное мальчишеское тыканье под микитки. Надо же — теперь настоящие ротные командиры! Полновластные. Без приставок. Без скидок. Без экивоков. Эти никуда не попятятся! Эти консервный завод штык-ножами вспорют и вперед, за Сунжу — рванут!

Конечно, в эти дни не только 22-я бригада, а все федеральные войска в Грозном с полной отдачей работают. И никому сама по себе не идет в руки военная удача. Пока каждый дом, каждую улицу, каждый завод приходится брать с боем. И это ничего, что одни уже в центре города дерутся, а другие только-только за окраины зацепились. Все вместе мы боевикам ни секунды роздыху не даем. Силы их распыляем. И по всему видно — чеченцам каждый день обороны с трудом достается. Кое-где в ответ даже трассерами бьют, чего раньше не бывало. Значит, и боеприпасы у них на исходе. В районе стадиона — «Ангел» (позывной Гелаева) заполненным голосом выходит на связь: просит его командный пункт откопать после ракетного удара. Вот еще кто-то от имени «612-го» (позывной Масхадова) требует держаться до последнего... Некоторые еще отбиваются, а иные, от залпов огненных одурев и нашего матюгальника наслушавшись, потихоньку начинают вылезать и сдаваться. Раненые, больные, сломленные — такими они из развалин поднимаются. И жаль их, бедолаг: эти как раз не абреки, а настоящее племя трудовое, на котором в дни мира мешки с зерном возят, а на войне — ящики с минами. Младшие родственники. Расходный материал. Поэтому в глазах у них одна смертная тоска. Уже не страшит их будущее — лишь бы из адского поезда на полном ходу соскочить...

На погонах моего военного бушлата — дырочки от офицерских звезд: дареный он, с чужого плеча. Ведь последнее воинское звание «сержант» мне еще в армии присвоили. А дальше — Литературный институт, и вот это привычное гражданское мое положение... Конечно, я об этом офицеров и бойцов, которые наш пропагандистский БТР в пути прикрывают, первым делом ставлю в известность, да только не верят они почему-то... Не оттого ли, что годы сами за себя говорят — мне еще и сорока нет, но я самый старший по возрасту в нашей колонне. Или потому, что слова, которые я, как сеть, в январское небо выметываю, спутники мои очень важной человеческой и боевой задачей считают.

Не верят, когда утром, к маршу изготавившись, софринских разведчиков ждем на дороге. Нельзя нам без них: в Старых Промыслах они точки веща-

КОМАНДИРОВКА НА ВОЙНУ

ния укажут. А потому с минуты на минуту их маскхалаты должны в конце просеки показаться. Капитан Бурбаев из группы прикрытия, с которым мы накануне как раз немало времени провели, обсуждая мои гражданские издательские дела, в самую тягостную минуту ожидания подходит: «Товарищ командир, когда двинемся?»

Вовсе не так он слово «командир» произнес, как его таксисты либо базарные торговцы говорят — с добавочным «эй!». А сказал буднично, будто всегда так ко мне обращался. Очень по-настоящему сказал, отчего на миг замерло мое сердце. Капитан Александр Бурбаев — отличный боец, спецназовец из Сибири. И, себя уважая, никогда высокими словами, да еще перед боем, разбрасываться не станет.

Нет, капитан, никогда я кусок хлеба из соседской глотки не рвал. Чужих титулов, должностей и наград не присваивал. Но только сегодня ты очень важное для меня слово произнес. А то, что прозвучало оно перед боем — этому мы все знаем настоящую цену. Может, звание это, которым ты сейчас меня по собственной воле наделил, мне всю оставшуюся жизнь предстоит оправдывать. Поступки, время, ответственность мерить по этой гордой командирской шкале, как это на моих глазах уже делают полковник Игорь Груднов, подполковник Александр Стержантов, майор Олег Панин, капитан Андрей Шлык, старший лейтенант Сергей Зацепин, лейтенант Игорь Васильев.

Конечно, ничего этого я сказать Бурбаеву не могу. Вот только взгляд его твердый выдержать обязательно должен. А потом — только потом! — и можно, в сторону просеки махнув рукой, ответить, как полагается: «Сейчас, Саша, поедем!..»

Маленький самолет в голубом небе летит... И не просто летит, а вовсю улепетывает... Желтые шары — тепловые ловушки — лихорадочно во все стороны отстреливая... А следом за ним, резко высоту набирая, маленькая игла типа «земля-воздух» несется. Кажется, вот-вот достанет, но, среди желтых огней заблудившись, делает наконец головокружительный вираж и в облаке пропадает бесследно...

Мы обязательно вернемся с этой войны! Как есть — в пропотевших бушлатах, в черных вязаных шапках, с легкими сумками, не знавшими военных добыч. Суть не в терминах — «взятый Грозный», «Грозный освобожденный»... Всегда он будет именно таким, как требовать того будет сиюминутная политическая конъюнктура. Но в нашей памяти навсегда останется он преодоленным городом. Из которого нам следует привезти домой только чувство удовлетворения за хорошо исполненный воинский долг. И еще — понимание того, что нигде,

кроме как на войне, нельзя обрести это замечательное чувство окончательного человеческого доверия...

Именно в нем и заключается сила великодушия, позволяющая осваивать жизнь. Ведь все, что теперь я попрошу у тех, кто по слабости своей дальше со мной не пойдет — так это только ракету!.. Дайте вслед за первой вторую ракету те, кто в трудный час от меня отвернется. Кто предательством зарабатывает на хлеб. Кто дружен со мной ради выгоды. Мужики, дайте ракету! И пусть, на все открывающая глаза, поднимется она в небо — даже в самый страшный миг житейского окружения... Но лучше прорываться из него с верной пехотной ротой, ждатель несостоявшиеся полки.

На войне успех любого дела тысячи людей обеспечивают. И те, кто в атаку ходит, и те, кто вагоны снарядами загружает... Каждый ценен, если в общее дело он таланты и труд без остатка вкладывает и черной работы не боится. А итоги пусть военная победа подводит. Или, в противном случае, сокрушительное и позорное поражение.

У наших слов боевых, словно у пули, центр тяжести смещен для того, чтобы через ум в самое сердце проникнуть. Но чтобы становились слова доходчивее, мы их в промежутках между танковой пальбой произносим. Конечно: «Сдавайтесь!». Конечно: «Не дайте себя обмануть!» А танковый выстрел напоследок — нашим воззваниям только особый вес в глазах боевиков придает. Всем становится ясно: не простая это забава, а яростная борьба.

Значит, чего-то все-таки стоят слова, если сегодня они пехотным ротам брешь пробивают! Сейчас, когда еще не знает никто, что десять минут спустя гранатометная группа противника попытается уничтожить наш звуковещательный БТР. И будет бой, и семеро боевиков будут убиты. Что на следующий день во владикавказском военном госпитале умрет рядовой Андрей Тихов... Что еще через сутки начнется штурм. И там, в огне ожесточенного боя сгорят два танка и погибнут пятнадцать армейцев... Что заводами мы овладеем, и что Серегу Зацепина, раненого, с поля боя на руках понесут... Что еще через сутки после этого, когда я спрыгну с брони, мне перескажут всех нас касающиеся слова главкома: «За 22-ю бригаду — спасибо!..»

Но еще не знает никто, что в этом «потом», и у меня просто не останется сил, чтобы искренне порадоваться этой искренней похвале. Что странное чувство горя и победы, испытанное нами сегодня, это и есть признак преодоления высоты. Единственной. Самой важной. О которой на всем свете знают только пехотинцы и покорители гор, избравшие слово «штурм» для обозначения слова «смысл».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Одним из признаков отлаженной работы общественного совета внутренних войск МВД России следует считать появление в нашей войсковой печати очерка его члена — Андрея Эдокова «Кто воевал, имеет право у тихой речки посидеть». Деятельность общественного совета, объединяющего искренних друзей внутренних войск — журналистов, актеров, предпринимателей, — это одна из форм нашей работы, позволяющая уважаемым гражданам нашего Отечества участвовать в жизни войск. Помогать им и словом, и делом. Члены совета не ограничиваются благими пожеланиями на наших войсковых праздниках. Одни лекарствами помогают нашим госпиталям. Другие дают фронтовые концерты. Третьи наравне с солдатами и офицерами участвуют в освобождении городов и сел от бандформирований.

Очерк Андрея Эдокова возвращает нас к тем недавним событиям, когда внутренние войска МВД России участвовали в сложной и ответственной операции по освобождению г. Грозного. Сам по себе он вряд ли нуждается в комментариях и дополнениях. Ведь это взгляд участника событий, который стремится описать один из эпизодов войны — подготовку к штурму консервного и молочного заводов — не столько с документальной точностью, сколько для того, чтобы в мельчайших деталях передать эмоциональное состояние, испытываемое солдатами и офицерами на всех этапах подготовки операции. Очень ответственной операцией, сопряженной с большим риском для жизни солдат.

Но важными, заслуживающими дополнения мне показались те страницы, где идет речь о работе офицеров — специалистов по воспитательной работе. В принципе это тоже один из рядовых эпизодов. Ведь ни одна серьезная операция не обходится без их кропотливой, вдумчивой работы, призванной пробудить в воюющем человеке патриотизм, мужество, трудолюбие, чувство товарищества, ответственность за выполнение боевой задачи.

Такая группа, возглавляемая полковником Журавелем, в те дни выполнявшим обязанности заместителя командующего группировкой ВВ МВД России на территории Северо-Кавказского региона по воспитательной работе, работала и в подразделениях 22-й ОБРОН. Может быть, складывающаяся ситуация, была чуть-чуть острее, чем обычно, но очерк А. Эдокова вполне передает атмосферу напряженного труда офицеров-воспитателей группы, которая помогает командованию бригады: подготовить и провести штурмовую операцию. Отобраны специалисты, каждый из которых детально знает направление своей работы: воспитатели, психолог, журналист, кинооператор... Предприняты энергичные меры: личные беседы, решение самых болевых проблем, включая проблемы быта. В интересах войск используются журналисты одной из ведущих телекомпаний страны. Работает звуковещательная установка. Подго-

товлены агитационные бомбы с пропагандистскими листовками.

Понятен замысел А. Эдокова: он хочет подробно рассказать о «кухне» воспитательной работы. О том, из чего она складывается и какими качествами должен обладать человек, который занимается ею на войне. Не зря в тексте часто всплывает слово «замполит». Давно прошло то время, когда так официально именовались военные политработники. Но само слово продолжает жить среди военнослужащих, и его произносят с уважением.

Что ж, если существует политика государства на Северном Кавказе, это значит, что в работе военных воспитателей непременно будут присутствовать и элементы политической работы. Ведь политике государства необходимо разъяснять всем военнослужащим, подчеркивая, что теперь в ней мало что осталось от прежних половинчатых, не всегда продуманных до конца действий.

В Чеченскую республику мы пришли навсегда. Ведь это наша, российская земля. Более того, на ее территории и после окончания контртеррористической операции на постоянной основе будут нести службу солдаты и офицеры ВВ МВД России. И чтобы эффективно противостоять недобиткам из числа боевиков, офицеры-воспитатели должны использовать в своей работе немало нестандартных приемов. В том числе и те, что призваны обезоружить идеологов сепаратизма и бандитизма. Укрепить воинскую дисциплину. Разъяснять, что связанная с опасностями и лишениями тяжелая работа, которую приходится делать на мятежной территории, — во имя России. Во имя нашего народа, защита которого является смыслом нашего труда.

**Генерал-лейтенант Станислав КАВУН,
заместитель главнокомандующего
внутренними войсками МВД России**
Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

АГОНИЯ В РУИНАХ

Хроника разгрома банды Гелаева

Две с половиной недели боев в Комсомольском напомнили подзабытые обещания Масхадова о начале крупномасштабной партизанской войны. Наблюдая, как армия без малого 20 дней воевала с боевиками в этом предгорном селе, впору было и вправду засомневаться в скором разгроме чеченских бандитов.

В самом деле: сначала вроде бы загнанные в горные пещеры боевики вдруг каким-то непостижимым образом захватывают целое село в давно освобожденном районе. Затем его какое-то время как-то удерживают, после чего вдруг так загадочно куда-то уходят — ни сотен трупов, ни живого или мертвого Гелаева в репортажах из освобожденного Комсомольского так и не показали. А если завтра «неуловимые» боевики повторят «комсомольский» сценарий где-то еще? И всеми силами стремясь втянуть в свое противоборство с армией чеченский народ, начнут, проникая из района в район, подставлять се-

ло за селом под удары авиации и артиллерии? Что тогда?

Впрочем, стоп. Так или примерно так можно было судить, лишь глядя со стороны. Эти заметки о том, как виделись события в Комсомольском из боевых порядков наших войск. О том, как действительно имевший поначалу небольшой военный успех Гелаев в итоге не только разрушил родное село, но и своим безумным, с военной точки зрения, походом на Комсомольское, по сути, обрек на верную гибель не меньше 500 верных ему бандитов.

Первый раз боевики попытались спуститься с гор в Комсомольское еще 29 февраля в пред рассветные часы по руслу лежащей в глубоком ущелье пересохшей реки. Группа из 14 человек была обнаружена и обстреляна. Пятерых боевиков сидевшая сверху пехота уничтожила сразу. Остальным удалось убежать. Но не далеко. Едва рассвело, начальник штаба полка подполковник Роман Шадрин тут же пошел с пе-

хотой по ведущему в крайние дома кровавому следу. Семеро боевиков как раз переодевались в гражданку, которую несли с собой в вещмешках и спешно жгли свои американские камуфляжи, на которых красовались шевроны спецподразделения «Духи». «Непростая братва», по словам подполковника Шадрина, лежала и у ручья. Среди убитых их полковник Риваз Ахмадов, удостоверение которого подписано бригадным генералом Хасуевым. Одного из пленных удалось разговорить очень быстро, налив обкуренному чеченцу 150 граммов водки. Разомлевший Иса поведал, что из-под Шатоя в эти горы перекочевала банда в 500 человек, что арабы вместе с Хаттабом ушли куда-то на восток и что все полевые командиры козлы, а особенно Нуратдин, скрывшийся во время боя с кучей их общих баксов.

Спустя четыре часа из ущелья был доставлен еще один пленный боевик, назвавшийся Нуратдином... Впрочем, баксов у него не

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

оказалось, зато были автомат и две рации. Так попытка небольшой группы бандитов, переодетшись, раствориться среди населения, потерпела крах.

Около четырех часов 5 марта полевой командир Руслан Гелаев повел в Комсомольское уже крупную банду в сотни штыков. Одна группа боевиков, сбив стоящий на лесистых скатах ущелья гранатометный взвод, сразу пошла на село. А другая направилась на еще один наш пехотный взвод с другой высоты. Собравшись в кучку, боевики применили обычную для них в последнее время тактику — крупной бандой наваливаться на какой-нибудь один взводный опорный пункт. Сотня, а то и больше бандитов, встав в рост, беспрепятственно поливали огнем наши окопы, не давая поднять головы. А еще человек 50 под этим прикрытием ползли в гору. «Много, очень много», — были последние слова погибшего на горе командира взвода. Спешившие на подмогу принявшей неравный бой пехоте разведгруппа и танк попали в засаду. Танк был подбит из РПГ и остановился, а разведку, сразу же потерявшую пятерых ранеными, отеснили назад. Четыре часа бандиты пытались всеми способами, вплоть до расстрела «мухами», склонить танк к сдаче. Не удалось. Но не удалось, к сожалению, и спасти экипаж. Минометный огонь лишь на время отгонял бандитов от танка, спешившие на помощь еще одна «семьдесятдвойка» и разведгруппа во главе с капитаном Александром Певцовым также угодили в засаду. «Коробочка» подорвалась на фугасе, а разведчики, вступив в бой с превосходящими силами противника, так и не смогли вырвать танк.

Когда пехота все-таки приблизилась к «семьдесятдвойке», было поздно. Лейтенант Александр Луценко вызвал на себя огонь артиллерии, но боевики все же сумели подобраться к танку, подорвать его и открыть люки. Александра и его наводчика-оператора зверски убили, механика-водителя «духи» увели с собой.

Много часов подряд не стихал бой и на юго-западной окраине Комсомольского. Пробиравшихся в село по ущелью боевиков с лесистых гор активно поддерживали огнем их подельники. Особенно доставали снайперы. Когда вкопанный на краю обрыва танк израсходовал боезапас, они не давали загрузить боеприпасы. Едва открывались люки, как о броню тут же цокали пули. Здорово помогла подоспевшая с КП «Запад» снайперская группа из отряда «Альфа». На совесть потрудились и сидевшая в окопах пехота — четыре десятка трупов боевиков останутся потом лежать по ручью. Если бы в окопах было хотя бы десятка четыре бойцов да побольше патронов! В конце боя нашим пришлось стрелять даже одиночными. Такого мощного прорыва (в село по разным оценкам зашли от 600 до 1.000 боевиков) не ожидал

Комсомольского. Кого только здесь нет — и разведчики владикавказского разведбата, и пехота из Волгограда, и танкисты СибВО, и даже снайперы из спецназа Минюста.

Всего около сотни бойцов и десятка полтора бээмпэшек, танков и «Шилок». Конечно, в идеале надо было бы заменить это разношерстное войско одним батальоном или хотя бы усиленной ротой, но для этого просто нет времени.

Окруженных в селе боевиков уже вовсю бомбят с воздуха, значит, они вполне могут попытаться уйти назад в горы. Не исключено также, что в спину окружившим село войскам «духи» могут ударить с гор. Поэтому находящийся между горами и Комсомольским опорный пункт подготовлен к круговой обороне. По ночам особое внимание — ущелью,

никто. Да и перекрыть все предгорье, взявшись за руки, у военных, конечно, не хватило бы сил.

Днем 5 марта блокировать боевиков в Комсомольском отовсюду потянулись войска. Прихватив пожитки, село спешно покидали мирные жители. Окружение продолжалось и последующие двое суток.

С забайкальскими танкистами полковника Юрия Буданова падаю на юго-западные окраины

по которому, судя по радиоперехватам, еще одна крупная группа боевиков собирается проникнуть в село. Потянулись дни ожидания.

...Под руководством начальника штаба танкового полка подполковника Ивана Федорова три Т-62, войдя в село, дают огневые точки боевиков. Но потом возвращаются — для наступления явно маловато сил. Поэтому задача чисто оборонительные — ждать, пока наступающие с севера, за-

пада и востока внутренние войска погонят боевиков на них.

Никакой информации о происходящих в селе событиях на нашу горку не поступает, но, судя по стрельбе и возобновляемым каждое утро бомбардировкам, можно догадаться, что начавшие штурм села отряды внутренних войск, встречая мощное сопротивление, каждый вечер отходят на исходные позиции. (Потом, при виде толстых стен домов и подвалов, станет ясно — многие дома специально возводились как крепости. Село, имеющее, по всем данным, значительное представительство в бандформированиях, заранее готовилось к обороне. Как было не вспомнить, что и после первого неудачного прорыва в Комсомольское половина женского населения села ходила в черных платках.)

Вечером руководившие обороной горки офицеры собрались в палатке. Познакомившись, выясняя, что один из них — Герой России подполковник Роман Шадрин. Читал о нем в книге про генерала Рохлина.

Как же все-таки тесен мир: вспоминаю и о другом персонаже той книги — также Герое России комбате Мансуре Рафикове и... нахожу его рядом в палатке. Воевавшие когда-то бок о бок, а теперь служащие далеко друг от друга офицеры спустя пять лет вновь встречаются на чеченской земле, чтобы доделать то, что им не дали доделать четыре года назад.

9 марта. В расположенных в ущелье окраинных домах Комсомольского замечено движение. Группа боевиков, обезумевших от бомбардировок, не желающих драться в окружении, перебралась в крайние дома, чтобы с наступлением темноты попытаться рвануть в горы. Но не тут-то было. К обрыву подползают два танка и «Шилка». Боевики, даже не пытающихся вести ответный огонь, хоронят под обломками здания. А вечером в обратном направлении — с гор в село — попыталась прорваться более крупная банда. С помощью оптики заметив на скатах соседней горы группу мужчин с оружием, танкисты

поспешили открыть огонь. Дальность — 2 километра. Через полчаса с КП, где всю работу «рэбовцы» (подразделение радиоэлектронной борьбы), сообщают, что «замочили» проводника с передовой группой. Лишившись проводника, который прежде всего был хорошим сапером, бандиты сообщают «Ангелу» (позывной Гелаева), что без проводника они в село не пойдут.

10 марта. Приехавший на горку комполка с боеприпасами и продуктами рассказывает о тяжелых боях в северной части села. Поддерживая наступающих взвэшников, танк лобовой броней поймал «граник». Слава Богу, все живы. «Забайкалье, оно ж не горит», — улыбается комполка. Больше информации о происходящем в селе никакой. Это страшно нервнрует офицеров. Обстановку опять разряжает командир полка: «Утром по ЗАСу звонила жена: по телевизору сказали — Гелаев ушел. Значит, ушел». Вечером еще большее оживление. На горке объявляется батюшка. Священник этот жил у взвэшников, да слегка прихворнул, и теперь надо броней везти его в медсанчасть.

11 марта. Поддерживаемые армейской артиллерией, танками и вертолетами подразделения внутренних войск проходят все дальше в глубь Комсомольского. В плен сдаются два китайца-наемника. Говорят, что приехали поработать в Чечню поварами — овладеть секретами кавказской кухни. А тут заварилась слишком крутая каша...

Вечером сорвана очередная попытка прорыва боевиков в горы. Начальник штаба группировки «Запад» полковник Владимир Кондратенко говорит, что положили до сотни «духов». Значит, недаром сидящая в окопах пехота с наступлением темноты каждый вечер чешет из автоматов по ущелью. Кольцо окружения все плотней. В селе, наверное, уже не осталось ни одного целого дома.

— Гелаев свое родное село опустил, — говорит кто-то из офицеров.

— Наверное, — высказывает предположение Мансур Рафиков, — по их бандитскому менталите-

ту считается круто держать село столько времени. Пусть даже ценной его разрушения.

13 марта. Черный день нашей горки. Сразу семь раненых. Пули свистят каждый день. Но теперь, видимо, поработал снайпер. Плюс прилетевшая из села мина (надо ж было такому случиться) падает прямо в открытый люк боевой машины. МТЛБ горит, рвутся лежащие в ней «Мухи», двое солдат ранены осколками.

14 марта. Приезжает генерал-майор Григорий Фоменко, командующий внутренними войсками западной группировки. Штурмовым группам ВВ срочно надо помочь огнем. Два танка и «Шилка» едут в село. Пройдя узкой улочкой и еле разминувшись с тремя горящими БТРами внутренних войск, «коробочки» начинают молотить по домам, в которых засели боевики. Комбат подполковник Артур Арзуманян с места командира танка увидел «духа» с гранатометом, но было поздно. Два офицера ранены.

15 марта. Боевики продолжают отчаянно драться. Впрочем, выбора у них уже нет. Благодаря «колокольчику» — вертолету с установкой звуковещания, они знают о продленном до 15 марта сроке амнистии, но знают и то, что русские бойцы не любят брать в плен чеченских боевиков. Напряженность уличных боев достигает своего апогея. Гибнет полковник внутренних войск Михаил Ревенко.

С наступлением темноты подразделения закрепляются в закрытых домах и на рассвете вновь идут в атаку. Отступая в глубь села, бандиты все-таки успевают забирать с собой трупы своих поделщиков и раненых. Но многие начинают сдаваться. В плен попадают даже индус. На вопрос, как он оказался в рядах боевиков, сообщил, что в Дели к нему подошли бандиты и потребовали денег, а у него их не оказалось. «У вас в Дели что, всех, у кого нет денег, в Чечню отправляют?» — переспросили бандита. В итоге тот раскололся — учился в медицинституте в Махачкале и согласился во-евать за деньги.

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

16 марта. Боевики больше уже не пытаются ночами снова в село и обратно по ущелью. Но вероятность прорыва бандитов на юг, по мнению офицеров, увеличивается с каждым днем. Забайкальцы ставят на юге Комсомольского управляемое минное поле. Боевики уже так прижали в центре села, что они могут начать прорываться даже через стоящую здесь армаду техники. Руководители операции хорошо понимают, что освобождение Комсомольского слишком затянулось, но пер-

спецназовцев старшего лейтенанта Алексея Мадея. Окружили разрушенный дом, но никак не удается выкурить боевиков из подвалов. Наши закидывают «духов» гранатами, но те успевают выбрасывать их назад. Подбежав с другой стороны, сержант Руслан Копаяев проталкивает гранату какой-то палкой в вентиляционную трубу. Раздается взрыв. Но через пять секунд из подвала опять вылетает граната... Сколько же их там, за этими стенами, которые не сокрушить даже гранатометом?

что надеяться — в их руках остается лишь два десятка домов в центре села, — тем не менее продолжают воевать по всем правилам. Стараясь не обнаруживать себя, стреляют, пока не рассеялся дым от взрыва танковых выстрелов. И меняют позиции. Но их часы, судя по всему, сочтены. На встречу отрядам внутренних войск наступает пехота во главе с подполковником Сергеем Моисеевым. В домах остаются десятки обезображенных трупов боевиков. Хоронить их уже некому. Комсомольское наше.

Сбежавший утром из чеченского плена рядовой Виталий Клетневский рассказывает, что еще днем раньше, судя по разговорам боевиков, в селе находилось 300 бандитов. А первоначально, опять же по разговорам боевиков, переносивших своих раненых и никак не предполагавших, что наш солдат сумеет уйти с тремя сидящими в его теле пулями, в село зашло не менее 600 бандитов.

20 марта. Войска покидают горку на юге села. Хотя в Комсомольском еще и звучат выстрелы — внутренние войска добивают в подвалах последних бандитов, — операция практически завершена. Банда Гелаева уничтожена. Наша колонна идет через не тронутое войной село Мартан-Чу, что в пяти минутах езды от разрушенного Комсомольского. В Мартан-Чу сажают картошку и сеют зелень. А я вдруг ловлю себя на мысли, что в глазах мирных чеченцев, провожающих взглядами бронетехнику, не вижу злобы. Значит, понимают: не армия, а пришедшие с гор бандиты и подставившие под удар авиации и артиллерии дома своих соседей виноваты в этих разрушениях в Комсомольском. А коли так, не только военную победу мы одержали в этом селе.

**Майор
Константин РАЩЕПКИН,
корр. «Красной звезды»
специально для журнала
«На боевом посту»
Фото автора**

вым делом, по их словам, все-таки надо избежать потерь.

18 марта. Лежим с разведгруппой на южной окраине Комсомольского. Снайпер рядовой Виктор Шаповской, не отрывая глаз от прицела, делится наблюдениями: вот это окно еще вчера вечером не было заложено кирпичами — значит, «душки» на месте.

— Есть! — вдруг кричит откуда-то слева другой снайпер. Еще одним бандитом стало меньше.

Садится солнце. Из села, пустив зеленую ракету — «свой», выходит запыхавшийся боец внутренних войск со сдвинутой на затылок «сферой».

— Срочно нужен танк!

Новосибирский отряд спецназа «Рысь», возглавляемый подполковником Юрием Широкоступом, штурмует больницу, вернее, ее руины, в которых засели боевики, и еще один укрепдом. К сожалению, есть потери. Трудно идут дела и у

Помогать братишкам из ВВ едет сам ротный капитан Александр Певцов. «Семьдесятдвойка», почти вплотную подойдя к домам, прямой наводкой лупит по боевикам.

19 марта. Ранним утром на броне Т-72 опять едем с Александром к взвэшникам. Измотанные двухнедельной войной в Комсомольском бойцы запивают чаем сухпай, и бой возобновляется с новой, силой. Солдаты майора Сергея Ильина из бригады Северо-Западного округа внутренних войск занимают дом за домом. Идя на север, группа Юрия Широкоступа наступает низиной. Обгоняя наступающих, вперед выходит Т-72 старшего лейтенанта Артура Махмутова. И тут же ловит «гранник» активной броней. «Не высовывайтесь из люков — снайперы!» — кричит танкистам по радию корректирующий их огонь капитан Певцов.

Боевики, которым уже не на

Факторы победы

РЕКА ПИТАЕТСЯ РУЧЬЯМИ

Громкая слава идет на Северном Кавказе об элитных подразделениях внутренних войск. Свои восхищаются мужеством, отвагой, ратной выучкой «краповых» и «зеленых беретов». Враги их боятся и ненавидят. В самых сложных ситуациях спецназовцы и разведчики демонстрировали превосходство над коварным противником. Благодаря умелым, решительным и слаженным действиям не раз одерживали победу даже тогда, когда численный перевес был на стороне бандитов. Случалось, из смертельного пекла выходили со щитом.

Профессиональное мастерство воинов, выполняющих нелегкие задачи на острие борьбы с терроризмом, куетса под девизом: "Ес-

ли не мы, то кто же?". Тон в учебе и в боевой работе, налаженных по формуле, которая аккумулирует настрой на победу и готовность внести весомый вклад в общее дело, задают офицеры и их боевые помощники — прапорщики и младшие командиры.

...Этот день бойцу отряда спецназначения Владимиру Шадрину* запомнится надолго. На погонях его камуфляжа появились серебристые нашивки. Сослуживцы тепло поздравили новоиспеченного сержанта. А взводный, отметив его успехи в специальной подготовке, сказал:

— Я уверен, как бы ни складывалась обстановка, Владимир отлично справится с любым заданием, всегда будет показывать пример подчиненным.

Офицер не ошибся. Участвуя в контртеррористической операции на территории Дагестана,

Шадрин неоднократно проявлял смекалку и наблюдательность при выявлении огневых точек ваххабитов. Отличился он и в боестолкновении с вооруженными до зубов бандитами.

Взвод послали на левый фланг для оказания помощи группе спецназа. Верный своему правилу, Владимир занял позицию на самом опасном участке. И в этот момент неподалеку прогремел взрыв. Сержант был ранен и контужен. Но несмотря на сильную боль, отказался покинуть поле боя. Продолжал вести огонь по наседавшим "духам", прикрывая отход ГСН.

За этот мужественный поступок сержант Шадрин был награжден медалью "За отвагу".

А вот совсем свежий пример, свидетельствующий о высоком мастерстве "беретов". Когда с застав и блокпостов оперативного

* Некоторые фамилии изменены

СЛУЖБА

полка внутренних войск поступили сведения о перемещении боевиков в районе Гехи-Чу, было решено выставить засады на маршрутах, которыми могли воспользоваться экстремисты. Разведрота капитана Сергея Слесарева получила задачу перекрыть ущелье. По расчетам командования, именно сюда скорее всего направится потрепанная в Грозном волчья стая, пытаясь найти спасение в горах. Более выгодных условий для скрытого прохождения и не придумаешь: тропа, ведущая от речушки, прячется среди холмов, покрытых густым кустарником.

"Самое удобное место для устройства засады — крайняя высота на подступах к ущелью", — проведя рекогносцировку, решил капитан. Здесь он оставил наибо-

лее опытных воинов — командира взвода прапорщика Виктора Рогожина, командира отделения младшего сержанта Дмитрия Ержакова и пулеметчика ефрейтора Виталия Ганеева. Остальных разведчиков рассредоточил на горных склонах вдоль тропы. Тылы прикрыл стрелками из состава резервной группы.

Как и предполагал ротный, бандиты пошли от реки. Крались бесшумно, соблюдая все меры предосторожности. Однако дозорный ефрейтор Ганеев с вершины холма вовремя заметил "духов". Условный сигнал — и над тропой, рассеивая ночную темноту, зависли осветительные мины. По силуэтам заметавшихся в панике "непримиримых" ударили десятки стволов. Отстреливаясь, боевики попытались вырваться из огневого

мешка. Но не тут-то было. Прицельные очереди Рогожина, Ганеева и Ержакова отрезали врагам путь назад. Особенно большой урон нанес им пулеметчик, которому помогали целеуказаниями взводный и командир отделения.

На рассвете в ущелье обнаружили 44 трупа, из них 30 — в секторе обстрела маленькой группы во главе с прапорщиком Рогожиным.

Так военная хитрость и точный расчет командира, разгадавшего замысел противника, помноженные на отличную огневую выучку и слаженность личного состава роты, обеспечили успешное выполнение поставленной задачи.

Акцент на примерах из боевой практики элитных подразделений сделан не случайно. В этих коллективах до предельно высокой отметки поднята планка тре-

бований к подготовке бойцов, крепок моральный дух солдат и сержантов, прочны традиции товарищества, взаимовыручки. Кроме того, здесь большое внимание уделяется воспитанию служебной активности воинов, неуклонно проводится в жизнь принципиальная установка: каждый призван внести достойный личный вклад в борьбу за достижение намеченных целей. Оттого и отличаются действия «красных» и «зеленых беретов» высокой слаженностью, впечатляют результаты их боевой работы.

Предвижу возражение: едва ли правомерно в качестве общего для всех критерия брать показатели элитных сил, предназначенных для решения задач особой сложности. Но вопрос и не ставится таким образом. Речь о ключевых подходах к проблеме, позволяющих реализовать потенциал защитников Отечества с учетом современных требований к одиночной подготовке военнослужащих, которая является фундаментом боевой слаженности. Об аксиоме, отражающей значение человеческого фактора боеготовности: точно так же, как полноводность и сила течения реки зависит от питающих ее ручьев, успехи подразделений и частей в мирное и военное время зависят от уровня подготовки личного состава, вклада каждого бойца в копилку успехов своего коллектива.

Понятно, что КПД интеллектуального, духовного потенциала воинов прямо пропорционален методическому мастерству командиров всех степеней. В этом тоже убеждает опыт правофланговых. Ну а коль скоро тема нашего разговора требует заострить внимание на роли сержантов в обеспечении слаженных действий отделений, расчетов, экипажей, то в первую очередь хотелось бы сказать вот о чем.

Обратите внимание на одну из

главных обязанностей заместителя командира взвода и командира отделения, изложенную в Уставе внутренней службы: "...Знать фамилию, имя, отчество, год рождения, национальность, личные качества, род занятий до военной службы, семейное положение, успехи и недостатки в боевой подготовке каждого подчиненного". Всего несколько строк. Но сколько забот прибавляют они сержанту! Забот, важность которых просто трудно переоценить. В самом деле, как можно, не изучив толком своих подчиненных, заниматься их обучением и воспитанием, а при

выполнении боевых задач — умело командовать солдатами? Вопрос не праздный.

Вспомним уроки начального периода первой чеченской кампании, когда из-за неуккомплектованности ряда армейских частей на штурм Грозного бросали сводные подразделения и экипажи. Некоторые командиры вели в бой людей, не успев запомнить их фамилии, не имея представления о том, как они обучены, какими морально-психологическими качествами обладают. Это порождало неразбериху, дезорганизованность, влекло неоправданные по-

тери. Конечно, в случившейся трагедии виноваты не только военные. Как известно, для подготовки федеральных сил к наступлению на осиные гнезда дудаевцев было отведено слишком мало времени. Тем не менее печальные факты из истории недавней войны — повод для проведения серьезной работы над ошибками.

Дает богатую пищу для размышлений и нынешняя контртеррористическая операция на территории мятежной республики. В том числе над проблемами, возникающими вследствие того, что отдельные сержанты не владеют элементарными психолого-педагогичес-

кими приемами изучения подчиненных, плохо знают их достоинства и недостатки, оказывают слабую помощь офицерам в сплочении воинских коллективов. Такие минусы ощутимо проявляются на передовой, где успех в значительной мере зависит от способности командира мобилизовать солдат на выполнение поставленной задачи, максимально используя боевые качества каждого воина.

Для наглядности мысленно смоделируем ситуацию, аналогичную той, в которой оказалась рота капитана Слесарева. Только с другим финалом.

На холмах у входа в ущелье офицер располагает группу бойцов во главе с сержантом, приказав младшему командиру выставить на самом важном участке наблюдателя из числа наиболее ответственных, инициативных, бдительных воинов. А сержант, как на грех, в людях разбирается слабо, раньше не утруждал себя кропотливой работой с подчиненными, поведение их не анализировал. И поручает вести наблюдение первому по списку солдату. Авось не подведет. Горы окутала ночь. Проходит час, другой, третий... Устав пятлиться в темноту, наблюдатель закрывает глаза и, сам того не желая, засыпает. Не хватило воли, психологической выдержки, чтобы справиться с испытанием. По закону подлости — тут как тут головной разведдзор противника, осматривающий местность вдоль тропы... Дальнейшее развитие событий нетрудно представить.

Вывод прост как штык: дабы не оплачивать боевой опыт потерями, командир обязан хорошо знать, на что способны его подчиненные, какие у них сильные и слабые стороны. Более того, необходимо в ходе повседневной учебы развивать положительные качества воинов, влиять личным примером, устранять огрехи в их индивидуальной подготовке, заботиться о том, чтобы каждый солдат смог внести весомый вклад в общее дело.

Сошлюсь на поучительный факт, записанный в моем журналистском блокноте. Шло обычное занятие по обкатке личного состава танками. Рядовой Степан Гронкин занял свое место в окопе. Танк с грохотом промчался над человеком. Когда тяжелая машина миновала укрытие, солдат распрямылся и бросил гранату.

На исходный рубеж Степан возвращался, сияя улыбкой. Вро-

де бы все сделал правильно, граната долетела до брони. Однако командир расчета старший сержант Наиль Тагиров не разделял радость бойца.

— Улыбаться рано, парень. Цель не поражена. С таким же эффектом можно было швырнуть камень. Чеку-то забыл выдернуть! — сказал он при подведении итогов.

Отметим, Гронкин хорошо знал порядок выполнения упражнения, толково отвечал на контрольные вопросы накануне занятия по гранатометанию. Почему же допущена такая досадная оплошность? Подвели эмоции, и в решающий момент солдат потерял контроль над собой.

В процессе индивидуальной работы с подчиненными Тагиров усилил внимание к Гронкину. Объяснив причину неудачи, стал тренировать его в усложненных условиях на полосе препятствий. Ободрающими словами укреплял веру солдата в успех. Усилия старшего сержанта не пропали даром. Благодаря дополнительным занятиям Гронкин обрел психологическую устойчивость к резким переменам в обстановке, на учениях с боевой стрельбой и обкаткой танками добился отличных результатов.

Так же умело обучает и воспитывает подчиненных командир передового отделения сержант Анатолий Пугачев. Он старается привить солдатам любовь к вверенной технике, настойчиво добивается, чтобы воины грамотно применяли ее в условиях современного боя. Участвуя в организуемых здесь викторинах, конкурсах, различных состязаниях, солдаты постигают секреты боевого мастерства, становятся классными специалистами.

В заключение этих заметок хотелось бы подчеркнуть одну истину. Готовясь к суровым испытаниям, воины внутренних

войск должны помнить: пределов в боевом совершенствовании нет. Главное — не останавливаться на достигнутом, к учебным и боевым заданиям подходить творчески, проявлять солдатскую смекалку и находчивость.

В памяти ветеранов сохранился интересный эпизод. Маршал Г.К. Жуков, присутствовавший на занятии по метанию гранат, спросил бойца:

— А левой рукой можешь бросить гранату?

— Не пробовал, — вытянулся в струнку солдат.

— Надо научиться бросать и левой рукой, — сказал маршал. — Вдруг случится, что вас ранят в правую.

— Но как же тогда чеку выдернуть? — удивился боец.

— А зубы зачем? Только кушать? — пошутил Георгий Константинович.

Да, жизнь, история Великой Отечественной войны убедительно доказывают: безвыходных положений не существует.

Преодолевая свои слабости, мы станем сильнее. Очень важно самостоятельно заметить ошибку, недостаток и исправить их, не дожидаясь указаний офицера, сержанта. Для этого нужно предъявлять к себе высокие требования, быть самокритичным, сознавать личную ответственность за дела коллектива, за поведение сослуживцев.

Терпение и труд к победе ведут. Следуя по этому азимуту, вы почувствуете, что способны учиться лучше, можете освоить смежную специальность и в конечном итоге достичь вершин, которые раньше казались недостижимыми. Это и будет самым достойным вкладом в закалку той незримой, но прочной брони, что именуется боевой слаженностью.

Алексей ИВАНОВ
Фото Олега СМЕРНОВА

Твои Герои, Россия

ПАМЯТЬ ЖИВА

В Архангельске на здании 55-й школы открыта мемориальная доска в память о Герое Российской Федерации майоре Андрее Анощенкове

11 августа 1999 года в Дагестане при посадке в аэропорту Ботлих выстрелом из ПЗРК был подбит вертолет Ми-8 внутренних войск. На борту вертолета, помимо экипажа, находились три генерала, в том числе и начальник войсковой разведки. Пассажиры «вертушки» получили осколоч-

ные ранения и самостоятельно уже не могли покинуть горящую машину. На помощь им пришел экипаж. Летчики сумели вынести раненых, но сами не убереглись. Майоры Андрей Орлов и Андрей Анощенков получили тяжелые ранения и ожоги. Военные врачи отчаянно боролись за жизнь летчиков, но 15 августа они скончались — Андрей Орлов в ожоговом центре Махач-

калы, Андрей Анощенков — при перелете в столичный госпиталь. Вертолетчики похоронены в Ростове-на-Дону, обоим присвоено высокое звание Героя Российской Федерации.

Недавно в Архангельске, в 55-й школе, где учился Андрей Анощенков, была открыта мемориальная доска, посвященная Герою. Инициатором акции выступила директор школьного краеведческого музея Светлана Рогозина, ее поддержали местные власти, которые выделили средства на изготовление и установку доски. Почетными гостями торжественной линейки, посвященной событию, стали бывшие выпускники школы, одноклассники Андрея, приехавшие из многих городов России, а также ветераны Великой Отечественной войны, бывшие учителя школы. Собравшиеся вспо-

минали Андрея, говорили о его деде — Федоре Григорьевиче Анощенкове, который в 1943 году за форсирование Днепра был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Стенд, посвященный Герою России Андрею Анощенкову, расположился рядом со стендом его деда, стендами выпускников школы, погибших в Великую Отечественную войну и в Афганистане.

После торжественного мероприятия актив краеведческого музея посетил госпиталь ветеранов, вручил им подарки, собранные школьниками.

В мае в 55-й школе Архангельска состоялся первый легкоатлетический кросс, посвященный памяти Героя России Андрея Анощенкова. Отныне он станет ежегодным. Так бережно хранят память об отважном земляке архангельские школьники.

Майор Сергей КОЛЕСНИКОВ

Фото из архива Книги памяти

Герой Российской Федерации полковник Олег КУБЛИН

Военная биография Олега Васильевича Кублина крепко переплетена с боевой деятельностью отряда спецназа “Витязь”. За выполнение специальных заданий в горячих точках бывшего Союза и нынешней России он награжден орденом “За личное мужество” и орденом Мужества, тремя боевыми медалями.

...В начале января 1996 года спецназовцы срочно вылетели в очередную боевую командировку — в дагестанское селение Первомайское. Штурм оборудованных чеченских позиций был назначен на пятнадцатое. “Витязи” вышли по оврагу к центру села, оценили обстановку. Ведя непрерывный огонь, продвинулись метров на сто. Группа Кублина шла немного впереди. Неожиданно из кирпичного дома — ураганный огонь навстречу. Шарахнули в ответ из гранатометов и огнеметов, но огонь не ослаб. До дома метров семьдесят. Командир взвода продвинулся чуть вперед выяснить ситуацию — пуля прошла обе ноги. Тогда Кублин перебежками приблизился к дому, смотрит — метрах в двух от стены вырыт окоп, в котором и засел пулеметчик. Он выбирает позицию поудобнее, ведет прицельный огонь. Затем решает сменить позицию, прыгает и... В это же время — очередь. Пуля прошла чуть в стороне от сердца, а вышла в правый бок... Но даже в тяжелом состоянии он смог передать, что пулеметчик засел не в доме, а рядом. Огневую точку подавили сразу, продвинулись вперед. Минут через сорок смогли вынести с поля боя и раненого офицера.

За мужество и героизм при выполнении специального задания 20 июля 1996 года полковнику Кублину Олегу Васильевичу присвоено звание Героя Российской Федерации.

Герой Российской Федерации рядовой Олег ДОЛГОВ

С 15 по 16 января 1996 года при проведении специальной операции по освобождению заложников в селе Первомайское рядовой Олег Долгов действовал в составе одной из штурмовых групп. При подходе к юго-западной окраине населенного пункта спецназовцы, несмотря на ураганный огонь противника, сумели преодолеть его сопротивление и проникнуть на территорию, контролируруемую террористами. Рядовой Долгов, проявив мужество и отвагу, одним из первых ворвался на окраину села и закрепился там. Рискуя жизнью, незаметно подобрался к позиции противника и забросал гранатами, обеспечив тем самым огневое прикрытие остального личного состава группы... Почти половину дня штурмовая группа сражалась с радеуэцами в самом селе. В одном из боестолкновений им удалось освободить несколько заложников, при этом Долгов тогда уничтожил трех террористов. Потом его группе была поставлена задача взять ящик с боеприпасами и во что бы то ни стало пробраться к соседям справа. Те глубоко вклинились в оборону боевиков, а патроны были на исходе. Пошли по самому короткому и самому опасному пути — через простреливаемый со всех сторон пустырь. Преодолеть его без потерь, да еще с ящиком боеприпасов, теоретически невозможно. Однако ребята прошли. Прикрывая друг друга огнем, двинулись через пустырь к зданию. Боевики их обнаружили и открыли сильный огонь. Тогда-то и достала Олега снайперская пуля.

...Бой этот стал для рядового Олега Николаевича Долгова последним. Золотая Звезда Героя России, которой он удостоен 20 июля 1996 года, будет всегда светить тем, кто по зову сердца пришел и придет в спецназ.

Герой Российской Федерации рядовой Андрей КАЛЯПИН

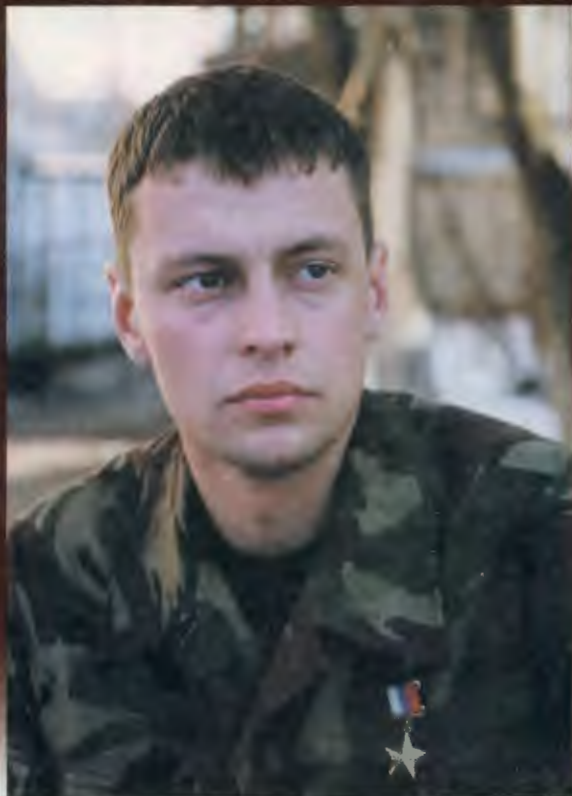

Водитель-разведчик калачевской бригады внутренних войск рядовой Андрей Каляпин в августе 1999 года принимал участие в специальной операции по уничтожению боевиков в Кадарской зоне Дагестана. Ночью 29 августа разведчики захватили стратегическую высоту в районе села Чабанмахи, на которой располагались радиоретранслятор и передающий телецентр боевиков. С рассветом, подтянув крупные силы, боевики предприняли штурм высоты, стремясь выбить военнослужащих с занимаемых позиций.

Ведя ожесточенный бой в окружении, разведчики в течение пяти часов удерживали высоту. В самый тяжелый момент схватки, когда противник перешел в контратаку, в окоп, где находился Андрей с сослуживцами, упала граната. Отважный воин принял на себя всю силу смертоносного металла. Он спас от верной гибели командира и военнослужащих, которые находились рядом с ним. От разрыва гранаты рядовой Каляпин получил тяжелые ранения и был доставлен в госпиталь, где скончался от ран.

За героизм и мужество, самопожертвование при спасении сослуживцев 14 октября 1999 года рядовой Каляпин Андрей Вячеславович удостоен звания Героя Российской Федерации (посмертно).

Герой Российской Федерации лейтенант Алексей ФОМИН

15 октября 1999 года при выполнении разведывательных мероприятий группа Министерства обороны попала в засаду и понесла потери: командир погиб, двое военнослужащих получили тяжелые ранения. Связавшись с базой, радист попросил о помощи. Для спасения попавших в окружение военнослужащих лейтенанту Алексею Фомину была поставлена задача выдвинуться с группой разведчиков в район Серноводска. Умело используя холмистую местность и естественные укрытия, Алексей скрытно прибыл в указанный район. Во время марша были обнаружены огневые точки противника, которые сразу же уничтожили. После этого разведчики вступили в бой с основными силами боевиков. Лейтенант Фомин занял удобную для боя, но опасную для своей жизни позицию, открыл прицельный огонь по бандитам, вызвав на себя шквальный огонь противника и дав тем самым возможность основным силам группы выйти на выгодный рубеж. Разведчикам удалось выручить попавших в засаду военнослужащих и вернуться в пункт временной дислокации без потерь. За умелое руководство подчиненными Алексея представили к ордену Мужества.

А уже вскоре группе лейтенанта Фомина вновь довелось отличиться - при проведении поисковых мероприятий в районе селения Верхний Алкун головной дозор обнаружил засаду боевиков, которая в ходе ожесточенного боя была уничтожена.

За мужество и героизм, умелое руководство подчиненными командование части представило командира взвода войсковой разведки лейтенанта Алексея Фомина к званию Героя Российской Федерации. Указ о присвоении высокого звания был подписан 30 декабря 1999 года.

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

Возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем. Аз же множеством милости Твоея, Господи, вниду в дом Твой, поклонюся ко храму святому Твоему в страхе Твоем, Господи, настави мя правдою Твоею, враг моих ради исправи пред Тобою путь мой...

Молитва идущего в церковь

ЛИТУРГИЯ ПОД ЗАЩИТОЙ «РУСИЧЕЙ»

В истории отряда спецназа внутренних войск "Русь" это была, наверное, самая необычная боевая задача. Такая же необычная служба предстояла в этот погожий весенний день отцу Александру, настоятелю храма святого Архангела Гавриила в станице Новомышастовской Краснодарского края, который прибыл в Чечню с духовно-благотворительной миссией по благословению архиепископа Краснодарского и Новороссийского Исидора. Да и мне, военному коррес-

понденту, крайний (слово "последний" у служивых в Чечне под запретом) день моей горячей командировки сулил немало волнующих впечатлений.

Утром мы, кто на броне, кто в "уазике" под прикрытием двух бэтэров со спецназовцами, выехали в Грозный. Цель поездки для "русичей" из группы старшего лейтенанта Михаила Кривошеева (фамилия изменена) — охрана храма Архистратига Михаила, обеспечение безопасности молящихся в часы церковной службы.

Для отца Александра и матушки Екатерины, сопровождающей батюшку в нелегкой и опасной миссии на территории стреляющей Чечни, — совершение священнодействия Литургии, первой после освобождения Грозного города Евхаристии в многострадальном храме: возведенный 109 лет назад, он был частично разрушен еще в первую войну и окончательно превращен в руины, дотла сожжен внутри, осквернен бандитами — в нынешнюю кампанию.

Дорога к храму...

На календаре — 22 мая, день перенесения мощей чудотворца Николая Угодника, одного из самых почитаемых на Руси святых. Невольно подумал: символично, что православные жители Грозного, лишённые здесь всех благ земных, смогут исповедоваться и причаститься в этот светлый день. Символично и то, что поистине священную боевую службу у разрушенных стен, за которыми свершится Таинство приношения святой Жертвы и принятия исстрадавшимися, обездоленными людьми бессмертного Источника благодати, будут нести воины отряда по имени "Русь". Бог им в помощь!

И еще добрый знак — о нем со светлой улыбкой сказал мне отец Александр:

— Узнав, что в Грозном очень беспокойно, ради безопасности прихожан во время совершения

Божественной Литургии обратился сегодня утром к командованию с просьбой оказать содействие — по возможности выделить солдат для охраны. "Конечно, поможем, — заверил высокопоставленный офицер штаба. — Охрану получите самую надежную — группу спецназначения. Такие бойцы не подведут". "Как зовут вас?" — сердечно поблагодарив, спросил его. "Николай Николаевич, — и указывает на полковника: — Вот офицер, который непосредственно организацией охраны займется". — "А его имя отчество?" — "Тезка, Николай Николаевич". Вот как святитель Николай через тех, кто носит имя его, совершает чудеса, помогает нам в богоугодных делах.

Мне сегодня тоже нужна помощь, и земная, и свыше, — вспомнил я об одной важной для меня журналистской задаче, ког-

да наша небольшая колонна, миновав площадь Минутку, окруженную развалинами многоэтажек, вклинилась в транспортный поток на проспекте Ленина. И машинально нацупал в кармане корреспондентского разгрузника сложенную вчетверо газету — дайджест-приложение к "Братишке". На последней странице материал "Свидания на блокпосту" — перепечатанные из апрельского номера под рубрикой "Письма о войне" записки из блокнота старшего сержанта Дмитрия Кузнецова, второкурсника Московского военного института ФПС. Завсегдагая редакций братских журналов внутренних войск МВД и подразделений специального назначения. Мужика серьезного, правильного, много испытывавшего и повидавшего за период срочной службы в разведбате 101-й бригады. Этот

материал (в полном объеме он опубликован в №5 "На боевом посту") редактировал и готовил к печати я. Посему драматическая история, поведенная Димой, особому меня затронула, разбредила душу. Правил рукописные строки, представляя себя на месте рядового Кузнецова: будто это со мной, в пору моей солдатской-курсантской юности случилось, а сердце сжималось от чужой тоски и боли.

Для тех, кто не читал письмо Дмитрия на страницах журнала, вкратце передаю его содержание. И вы поймете, что почувствовал я, увидев название улицы на разбитых фасадах зданий.

Дело было осенью 96-го, накануне вывода федеральных войск из мятежной республики. В то утро Дима, как обычно, заступил на пост, расположенный напротив школы. И видит: чеченские пацаны пристают к симпатичной девушке с портфелем. Пригрозив автоматом, отогнал хулиганов. Так они познакомились — солдат-разведчик Дмитрий Кузнецов и ученица одиннадцатого класса Елена Бобко. Подружились. По признанию Димы, каждое свидание с Леной, когда она после уроков подходила к посту, было для него настоящим праздником. Чувствовал себя самым счастливым человеком на свете.

Очередная встреча перед Димкиным дембелем подвигала их, смущенных и взволнованных, к откровенному разговору о главном. Но беседе по душам помешали чеченские юнцы — опять с похабными угрозами наехали на подругу солдата. Разгневанный такой наглостью, он передернул затвор "калаша". В ответ — выстрел из пистолета. Разведчик отрезвил шакалят предупредительной очередью. Очухавшись, те направили на Кузнецова боевиков. Крутой разговор. Угроза расправы, если увидят их вдвоем с Леной.

Через несколько дней она пришла на свидание в синяках, с гипсовой повязкой на руке. Бандиты

зверски избили русскую школьницу, подозревая ее, знающую чеченский язык, в связях с разведкой бригады. Предупредили: еще одна встреча — пристрелят обоих.

Чтобы спасти девушку, которой угрожала смертельная опасность, Дима решил увезти ее с собой в Россию. Попросил в штабе выписать ей в порядке исключения проездное требование. Офицеры только посочувствовали: и рады бы подсобить, но...

Последний раз он увидел свою подругу в день отъезда увольняемых в запас. Она возвращалась из школы, низко опустив голову. Окликнув Лену с поста, бросил ей письмо. Она подняла глаза, полные слез. Дрожащими губами произнесла: "Прощай, Димка. Спасибо тебе за все...". И побежала к дому. Конверт остался сиротливо лежать на асфальте.

Четыре года пролетели с тех пор. Все это время Дмитрий не переставал думать о Елене. Вспоминая свидания на блокпосту, поддерживал себя надеждой: рано или поздно с ичкерскими "волками" покончат, и тогда он сможет узнать, как сложилась судьба Лены. Сегодня это уже не кажется невозможным...

Услышав, что я собираюсь «на юга», Дмитрий попросил:

— Будете в Грозном — пожайлуста, найдите ее дом. Улица Ленина, номер 254-а, одиннадцатая квартира. Здание двухэтажное, старой постройки. Находится рядом с двадцать пятой школой, напротив военного городка, где базировалась наша бригада. Может быть, дом чудом уцелел. Расспросите соседей — вдруг им известно, куда уехали Лена и бабушка, с которой она жила. А если... если они вернулись после освобождения города и вы увидите Лену, передайте: я не забыл ее, жду от нее весточки. Очень хочу встретиться...

Помочь братишке-фронтовику — святое дело для военного человека. И я дал себе клятвенное обещание: коли представится случай, приложу все силы, чтобы

отыскать дом, где улыбалось когда-то счастье солдату, а сейчас, быть может, ждет счастливая судьба будущего офицера-пограничника. И вот такой случай представился. Две темы — первая, подскаянная событием большого духовного и общественного значения, вторая, продиктованная долгом перед младшим товарищем и сугубо личной, интимной, важной только для двоих историей. — слились у места совершения Божественной Литургии в одну, отмеченную знаком общей для всех беды. И просветленную верой, надеждой, любовью.

«Земля!» Выполняя команды старшего лейтенанта Кривошеева, спешившиеся бойцы быстро и слаженно занимают позиции вокруг развалин храма. Пристальными взглядами скользят по проемам окон разбитых домов. "Фотографируют" прохожих, машины на проспекте, чтобы своевременно вычислить подозрительных типов, пресечь возможную провокацию. В случае чего — упредив бандитов, прикрыть огнем священника и беззащитных мирных людей, воссылающих молитвы к Богу. Спасти, защитить любой ценой. Таковы суровое призвание и долг воина внутренних войск. Спецназовца — тем паче. И парни стремительными, ловкими движениями тренированных тел, привычно строгим выражением лиц, всем своим видом современных витязей-русичей в бронжилетах демонстрировали готовность достойно выполнить очень важную и ответственную задачу. В этом не было хорошо отрететированной мальчишеской бравады, стремления самохвальства ради показать свою крутизну. В этом проявлялся не демонстративный, а настоящий профессионализм, боевые навыки солдат прославленного отряда.

Отец Александр, в прошлом капитан милиции, не понаслышке знакомый со службой по обеспечению правопорядка, выйдя из "уазика", задерживается у брони,

с одобрением наблюдает за действиями молодых парней. И верно, не преувеличивал полковник: такие бойцы в критическую минуту не подведут. Теперь можно совершать Божественную службу, не тревожась за безопасность прихожан. Они под надежной защитой военных.

Тревога, неизбывная сердечная боль о другом. Кто проявит действенную, а не показную заботу о русских, православных людях, пострадавших от боев в Грозном? Поможет им, оставшимся без крова, измытаренным, терпящим немыслимые лишения, обрести самое необходимое для жизни на этой грешной земле? Защитит в трудных обстоятельствах, возникающих в суеде и неразберихе по вине тех, кто, имея власть, забыл святую истину: чужого горя не бывает?

С этими тяжкими мыслями ступаем на церковное подворье. Руины храма в окружении разбитых, обезлюдевших домов — как апокалипсический образ всеобщей гибельной разрухи, которая угрожает в недалеком будущем стране, державе, если не найдем в себе сил свернуть с рокового пути, куда завлекли нас бывшие кастрайшники-реформаторы, а ныне герои капиталистического труда, торгующие Россией оптом и в розницу. Как грозное предупреждение о возмездии. Господь попускает зло за грехи наши, дабы вразумить нас и направить на путь истинный. И ждет не только слов покаянных, но дел по вере Христовой, без коих вера мертва есть.

Вера... Только она согревала души православных, придавала сил и терпения в лихую годину. Помогала выдержать и беспредел чеченских бандитов, и обстрелы-бомбежки, и холод-голод, и боль от каждодневных потерь-смертей, и страх, не покидавший даже во сне. Подвигала на добрые дела во спасение ближних своих. Сохранила способность любить и радоваться...

Господи, какой радостью светились изможденные, мокрые от

слез лица, исполненные светом веры глаза пожилых плохо одетых людей, спешивших навстречу отцу Александру! Сколько радостных нот звучало в нестройном хоре голосов:

— Мы так ждали этой минуты!

— Спасибо, что приехали к нам, батюшка. Благословите...

— Радость-то какая!

— Помоги, Христос!.. Милостью Его спасемся, — благословив прихожан, сказал отец Александр. — Спасибо вам, что не оставяете порушенный храм. Спасибо и военным, они охранят нас, не допустят покушения.

— Каждый день молимся за наших воинов-освободителей. Мы столько натерпелись, столько... — вытерла слезы красивая молодая женщина, лицом и статью терская казачка.

Включив диктофон, записываю ее, Нины Алексеевны, горестный рассказ:

— С вывозом войск зимой 96-го для русских в Грозном начался суций ад. О какой там пенсии и зарплате говорить? Выгоняли из квартир, последнее отнимали, нелюди. Посягали на самое святое. Прислали к нам из Ставропольской епархии отца Ефимия. Послужил батюшка недолго, захватили его боевики. Вернулся из заточения с подорванным здоровьем и вскорости, по болезни, уехал на родину, к матери. Остались мы без настоятеля. А в декабре... В декабре прошлого года враги учинили надругательство над церковью. Люди видели, как одна чеченка рубила топором кресты. После этого в храм ворвались боевики, стали требовать деньги. Ирина Гончарова — она жила при храме, пекла просфорки — пыталась вразумить бандитов, что-то поперек сказала... Так они храм подожгли, а Иру... Ирочку нашу убили ударами ножа в спину. Похоронили мы ее здесь, на церковном подворье...

Все прихожане живут в разрушенных домах, без электричества, без воды, без тепла. Нет самого необходимого. У меня мама больная, душа разрывается — не

могу купить лекарств... Получить финансовую поддержку не от кого. Мы никому не нужны — ни тут, ни в России. Ездил в Краснодарский край, хотела с мамой поселиться у родственников, но власти не дают разрешения на прописку. В Ставрополье документов на компенсацию не принимают. Говорят: она предусмотрена только для тех, кто безвозвратно покинул Чечню, а вы живете в Грозном. Получается замкнутый круг.

Помнится, зимой во время боев, сидя в подвале, слушали по радио сводки МВД: столько-то тысяч русских изгнано из домов, столько-то тысяч убито. Было горько оттого, что правительство России, зная, как мы здесь страдаем, в течение трех лет ничего не предпринимало, чтобы вывезти нас из этого ада. Согревались одной надеждой: вот освободят город и вспомнят о наших бедах. Как же, вспомнили... Гантармиров пришел — его родственникам место у кормушки, сторонники Завгаева о себе заявляют — им тоже нет отказа. И денежные компенсации, и гуманитарка — все чеченцам. А мы, русские, спрашивается, чьи мы родственники? Обращалась к коменданту Заводского района, он развел руками: "Пока ничем помочь не могу, видите, какой беспредел кругом творится. Потерпите".

Да сколько ж можно терпеть?!

Спасаемся только верой. Это единственное, чего у нас никто не мог отнять. Приходим в разрушенный храм, работаем, молимся, уповая на милость Божью. И Он не оставляет нас, посылает помощь в лице военных и милиционеров. Мы так им благодарны! Командование внутренних войск, узнав о нашей беде, направило отделение солдат. Они расчистили завалы в храме, делились с нами сухими пайками. Сегодня приезжали заместитель коменданта города и представитель РОВД из Ленинского района. Пообещали: на пятнадцать человек ежедневно будут доставлять в храм обед,

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

большим будут раздавать сухпай. А теперь вот и охрану обеспечили внутренние войска. Огромное спасибо нашим защитникам!

Пока отец Александр готовится к службе, спрашиваю у прихожан, как добраться до двадцать пятой школы и военного городка. Оказывается, это совсем близко. Доехать автобусом до Минутки, а дальше напрямик по улице Ленина.

Вот и мне радость: все удачно складывается.

Получив добро у старшего группы, отправляюсь в путь. По дороге успокаиваю себя: Бог не осудит, ежели опоздаю к началу Литургии. Не по праздному поводу моя отлучка.

Три остановки в битком набитом автобусе. Уточняю свой маршрут у часовых поста на Минутке, и вот она — неширокая улица, ведущая к пятнадцатому городку и школе. Судя по номерам на разбитых стенах, топтать на самом деле далековато. Ну да назвался груздем... Вперед!

С каждым шагом слабеет надежда увидеть заветный для Димы Кузнецова дом целым-невредимым. Куда ни брошишь взгляд — сплошь руины со следами пожаров. Вокруг ни души. Лишь слабый птичий щебет нарушает жаркую тишину. Подавляя нарастающее чувство тревоги, прибавляю скорость. Надо побыстрее добраться до городка — бывшей базы 101-й бригады, там наверняка есть "блок". А то как-то неуютно без оружия.

За спиной звук мотора. ЗИЛ меня догоняет. В кабине чеченец.

— Далеко собрался, командир? Садись, подвезу, — открывает дверцу.

— А я иду и думаю, кто бы меня до военного городка подбросил.

— Ну это совсем рядом. Быстро доедем, не волнуйся, — дружелюбно улыбается водитель и, трогая машину с места, достает из бардачка военный билет. — Мой самый надежный пропуск. Я тоже служил. Во внутренних войсках, на Урале, в дивизии по охра-

не особо важных объектов. Отделением командовал. Хорошее было время. Жалко, не ценили мы то, что имели. И вот до чего докатились. Воюем друг с другом. Мрак! Только я в этой войне не участвовал, клянусь Аллахом. Можешь мне поверить. Присягу в отличие от Дудаева и моего тезки Масхадова не нарушил... За баранкой хлеб свой честно зарабатываю.

Признаться, не очень-то я верю клятвам чеченских мужиков. Сейчас в присутствии военных все они мирные труяги и патриоты России, а вчера... Впрочем, грех чохом стричь под одну гребенку чеченцев, тем более подозревать человека, который мне помог. Держи он зло на нашего брата служивого, обдав пылью, промчался бы мимо с ругательствами.

— Кажется, здесь твой городок. Приехали, — сказал Аслан, затормозив у примыкающего к стене бетонного укрытия, из которого вышли внушительного вида бойцы, увешанные стволами. — Если прикопаются часовые, заступись, ладно? Так, мол, и так — я тебя подвозил. У меня дела, не хотелось бы опаздывать.

Но волновался водитель напрасно. Трое крепких мужчин в камуфляже, досмотрев машину и проверив документы, отпустили

Аслана с миром. А вот на меня круто наехали.

— Не бережетесь, корреспондент. Мы в этом районе даже с оружием поодиночке не ходим. До "зеленки" — рукой подать. А вы без автомата. Что, приключений на свою... ищите?

Оправдываясь, вкратце объясняю, откуда, куда, зачем. Показываю газету.

Пробежав глазами материал, часовые сменили гнев на милость.

— Да, причина уважительная. Надо помочь курсанту. Наш человек! Пойдемте, вместе поищем. Не беспокойтесь, тут за нас напарники подежурят. Прикроем вас, товарищ полковник, а то неровен час...

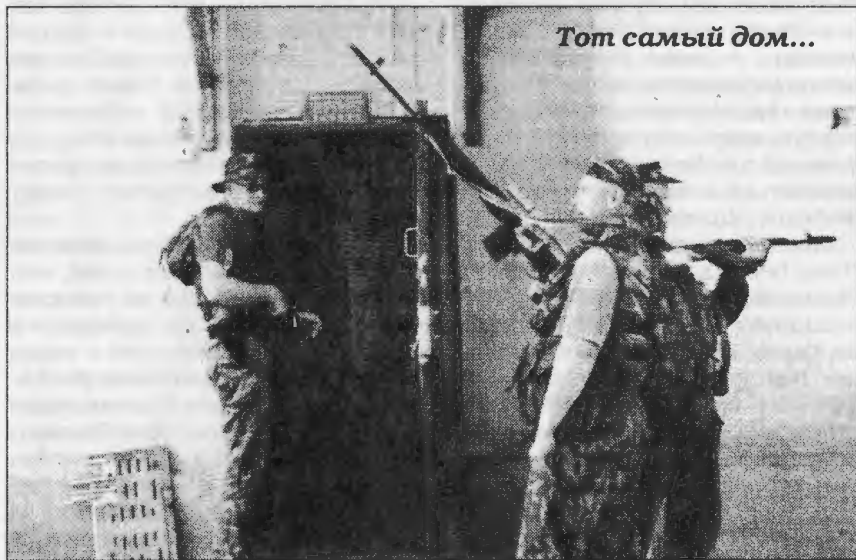
По пути знакомимся.

— Среди вас, случаем, Николая нет? — спрашиваю.

— Нет. Владимир, Михаил, Александр, — представляются. — Сотрудники РОВД из Подмоскovie. А почему вас именно Николай интересует?

— Сегодня день Николая Угодника... — И, со слов отца Александра, рассказываю о добром знаке, о Литургии в порушенном храме.

— Не знаю, есть ли тут мистическая помощь, но вам сегодня определенно везет, — похлопал

Тот самый дом...

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

меня по плечу Миша. — С нами не пропадешь.

Минут через пять возле развалин школы находим двухэтажное здание с проломленной местами крышей. На рябой от пуль и осколков стене сохранился полустертый номер: 254. Поблизости двухэтажек нет. Стало быть, это тот самый дом.

В тенистом дворе, как и на пустынной улице, царит липкая, вздрагивающая от птичьих пересвистов тишина.

— Идѐте за нами. След в след, — предупреждает Михаил. — Тут вам не Москва. Можно запросто напороться на "духовский" сюрприз.

Мои спутники — оружие наизготовку, второй прикрывает первого, третий пасет спину второго — проскальзывают в подъезд, осторожно поднимаются по лестнице. Я, подключив навыки, приобретенные в горячих командировках, тоже передвигаюсь по-боевому.

А сердце все сильнее клешнит грустное предчувствие: конец моему везению. Так и есть. На обоих этажах двери квартир нараспашку. Повсюду разгром, запустение. Полы, мебель под толстым слоем пыли. Веет чем-то сухим, смертельным: тяжелая аура беды давно поглотила запахи человеческого жилья.

Во втором подъезде такая же беспросветная картина. Никого...

— Выше голову! Отсутствие результата — тоже результат. Надежда умирает последней, — утешает меня Михаил, толкая незапертую дверь под номером 11. — Беженцы в Грозный начали возвращаться совсем недавно. Так что есть у Димки шансы...

По всей видимости, квартира Лены Бобко давно покинута хозяевами, взявшими с собой все необходимое. В развороченной взрывом кладовке, в комнате с рухнувшим потолком пылятся под обломками досок, крошечном штукатурки ненужное старье: поношенная одежда, детские сандалии, игрушки, школьные тетради...

— Вещей никто не касался, на

полу следов нет. Значит, после освобождения города сюда до нас никто не заглядывал. Вон сколько пылищи, — провел пальцем по журнальному столику Александр. — На всякий случай поспрошаем еще в частном секторе. Авось чеченам что-нибудь известно о русских семьях из этого дома.

Надежда умирает последней... Отрываю от газеты страницу с материалом "Свидания на блокпосту", кладу ее на столик и, жирно подчеркнув адрес редакции — 107005, г. Москва, а/я 29, вывожу внизу крупными буквами: "Лена, возможно, Вы вернетесь в свой дом. Напишите Диме Кузнецову. Он помнит Вас".

Продолжаем поиск, в окрестных усадьбах расспрашиваем чеченцев. Ответы неутешительные: "Вроде бы жили в двухэтажке русские. До войны. Когда уехали и вернутся ли, не знаем".

Война, война...

Пора, время — к полудню. Старший группы наверняка уже тревожится.

Мои помощники сопровождают меня до Минутки, там останавливают микроавтобус.

— Доброе дело с вами сделали, — говорят на прощание. — Теперь у курсанта будет надежда. А мы еще наведем дополнительные справки. Привет Диме!

Под впечатлениями от пережитого за эти полтора часа, с надеждой на чудо — да поможет святитель Николай встретиться Дмитрию и Елене, всем разлученным войной — переступаю порог храма. Слава Богу, успел до великого входа и просительной Ектении. Звучит проповедь:

— ...Сегодня вы слышали слова Евангельского чтения о том, как говорил Господь о Дарах, которые Он оставил нам. Вы слышали о том, что Господь говорит о великом и спасительном Таинстве Евхаристии, Святого Причащения: кто будет вкушать Тело Господа, кто будет пить Кровь Его, тот будет иметь жизнь вечную. Вам дано разуметь слова Божьи. Подобно апостолам, которые уверовали

во Христа, по Слову Его, как в Господа, как в Иисуса Христа Сына Божия. Вам дано познать, что Иисус Христос есть истинный Бог наш, что сегодня сонм Ангелов вошел в царские врата этого разрушенного храма. И здесь... — Батюшка запнулся. Словно узрел под опаленными огнем пожара сводами нечто, нам невидимое, чудесное...

В тишине стало слышно, как воркуют голуби на подворье. Ласковый ветерок, повеявший с улицы, через пролом в стене занес в храм тополиный пух, закружил невесомые весенние снежинки над иконами Спасителя и Пресвятой Богородицы, над головами иерея и прихожан.

«Окропиши мя иссопом, и очистуся; омыеши мя, и паче снега убелюся...» — повинуюсь молитвенному порыву, произнес я про себя пришедшие на память строки пятидесятого псалма... И окрепла надежда на добрые перемены в нашей нелегкой жизни на этой круглой и теплой земле.

— Здесь, вместе со мной, грешным священником, — после долгой паузы продолжил со слезами на глазах отец Александр, — да служат Ангелы, дабы вам, братья и сестры, вам, в страшных бедах сохранившим веру, иметь жизнь вечную. Дабы приняли вы Тело и Кровь Христовы во оставление грехов. Дабы и в этом забытом многими месте, в этом храме разрушенном святилось имя Господне... Воля Божья, чтобы вы спаслись. Чтобы не было для нас скорби, чтобы мрак отступил от нас.

С просветленным чувством я внимал проповеди. Как некогда, истово молился со всеми сирыми и вдовыми «о избавитися нам от всякия скорби, гнева и нужды...» Прося подать «дне всего совершенна, святая, мирна и безгрешна... Прощения и оставления грехов и прегрешений наших... Добрых и полезных душам нашим и мира миру...»

Перед отпуском в храм зашли омовцы. Оглядевшись, их командир, плотный крепыш, тихо спросил у меня:

— Не подскажите, кто у прихожан за старшего? Мы тут обед горячий привезли. Вижу, служба заканчивается, так распорядиться бы, пока еда не остыла.

Подвел его к Нине Алексеевне. Она чуть не расцеловала офицера.

— Дай вам Бог здоровья, родные. Наши старики и не помнят уже, когда последний раз ели досыта.

— Каждый день теперь будем помогать вам с харчами, — глубоким вздохом унял командир волнение, которое предательски выдавали его набухшие влагой глаза. — До чего ж довели православный народ! Будь моя воля, эх... — махнул рукой, не договорив.

Но больше всех, пожалуй, волновался и радовался сегодня отец Александр. Прочитав благодарственные молитвы, он сам сказал мне об этом:

— Я многое в жизни испытал, редко плачу. А когда вышел на проповедь, взглянул на несчастных, обездоленных, слезы полились, слова не могу вымолвить. Почувствовал — Спаситель призывает их, Он с ними. Это были слезы умиления: как Ты велик, Господь! Было ощущение присутствия Божия среди этих болящих, страждущих, брошенных на

произвол судьбы... И еще казалось, что во время сутубой Ектении молитва звучала громко — не только в храме, но и во всем разрушенном городе. Сколько поношений, обид, убийств, беззаконий, осквернений творилось здесь, и все нависало, оседало на людей, подобно клубам черной пыли. И вдруг — процесс очищения... Той силой, что дается нам свыше. Будто светлый луч пронзил город Грозный. Но это только начало. Нужно всем обратиться к Богу, тогда придет спасение. И отрадно видеть, что все больше и больше людей обращаются. В их числе много солдат, офицеров, прапорщиков. Просят отслужить молебен, освятить, провести духовную беседу. Многие воины хотят креститься. В трудные минуты приходит понимание: невозможно человеку жить без веры...

— А какова главная цель вашей миссии в Чечне? — задаю вопрос в продолжение короткого интервью.

— Духовное окормление военнослужащих, сотрудников МВД и гражданских прихожан, на долю которых выпали тяжелейшие испытания. Оказание им посильной помощи продуктами. Это наша вторая поездка в республику,

первая была в феврале. Маршруты проходили через Червленную, Петропавловскую, Толстой-Юрт, Урус-Мартан, Орехово и другие села. Останавливались в пунктах временной дислокации, на блокпостах, КПП. Проводили службу, беседовали с воинами и милиционерами, благословляли защитников перед выполнением боевых задач. Раздавали иконы, нательные крестики, молитвы "Живый в помощи...", гостинцы. На днях побывали у артиллеристов и военнослужащих внутренних войск.

Цель миссии и в том, — подчеркнул отец Александр, — чтобы ярче разжечь в сердцах людей очажки милосердия, добра, чтобы каждый глубоко осознал: чужого горя не бывает. Собирая добровольные пожертвования, видели, как в заботах о воинах люди возвышаются духовно, нравственно, проникаются чувством ответственности за поддержку тех, кто защищает Отечество. Это очень важно для консолидации общества.

В окружении прихожан подходим к бэтэрам. Слова благодарности отцу Александру, матушке Екатерине и бойцам — как уголяющее боль лекарство на растревоженную душу.

"По машинам!" Кивая на прощение сияющим радостью людям, солдаты заскакивают на броню. Им, "русичам", сделавшим важный шаг на своем пути к Храму, мысленно адресую слова песни известного войскового барда сержанта Марианны Захаровой: "Ну что, братишка, можно закурить. Мы сделали с тобой свою работу... А значит, быть добру и будем жить!"

Быть добру, православные. С нами Бог!

Полковник Юрий КИСЛЫЙ
Фото автора

Без права на ошибку

*отправляются за молодым пополнением
офицеры-«покупатели»*

Очередной весенний призыв молодежи на военную службу подходит к концу. Десятки тысяч молодых людей решали для себя непростой вопрос — служить или не служить, и если служить, то где? Увы, очередей у военкоматов после выхода указа президента об очередном призыве на действительную военную службу не наблюдалось. Солдаты, выслужившие установленные сроки, скоро вернутся домой к мирной жизни, а командиры опять будут ломать голову, как организовать службу, пока не станет в строй молодое пополнение. Но и с приходом новобранцев проблем не убавится. Не секрет, что с каждым годом контингент призывников оказывается все менее пригодным к службе и все менее отвечает требованиям, предъявляемым к современному солдату.

По данным организационно-мобилизационного управления Генераль-

ного штаба Вооруженных сил России, осенью 1999 года уклонились от призыва на военную службу 38000 призывников. Больше половины призванных — с ограничениями по состоянию здоровья: падает образовательный уровень призывников: почти треть новоиспеченных защитников Отечества имеют только общее и начальное образование.

Острый дефицит в хороших призывниках испытывают не только Вооруженные силы, но и другие силовые структуры. В том числе и внутренние войска.

Некогда элитные части по охране важных государственных объектов тоже на голодном пайке. Хотя их офицеры стараются выжать из непростой ситуации максимум возможного. Без ссылок на обстоятельства они отправляются в военкоматы — отобрать лучших из кандидатов для службы во внутренних войсках.

Получив командировочные и проездные документы, выслушав соответствующие инструктажи, представители частей разъезжаются по городам и весям. Устроившись в гостинице и установив контакт с работниками военкомата, наш представитель с большим энтузиазмом принимается за работу. Вооружившись инструкциями и приказами, чтобы качественно произвести отбор, офицер вдруг узнает, что право первой ночи досталось не ему — представители пограничных войск, десантники, ракетчики уже потасовали призывную колоду. В отличие от наших офицеров, представители этих войск приезжают работать с призывниками не на несколько дней, а пока не побеседуют с каждым и не наберут нужных им людей. Нам этот метод работы недоступен из-за ограниченного времени командировки.

невозможности оперативно оповестить и собрать призывников для индивидуальных бесед. Но наши офицеры не привыкли отступать, они тщательно выбирают из оставшихся призывников будущее пополнение для внутренних войск. Обложившись личными делами, принимаются за работу. Здесь их ждет первый сюрприз. По имеющимся в делах документам невозможно составить представление о молодом человеке. Картина такая — минимум анкетных данных, автобиография, целая подшивка медицинских справок, анализов и историй болезней, после ознакомления с которыми возникает недоумение, как человек еще живет. В деле имеется ангельская характеристика с места работы или учебы, запись беседы с военкомом, где черным по белому начертано: служить не желает.

Изрядно помучившись, наш представитель отбирает более-менее подходящих людей и несет список работнику военкомата. Ознакомившись со списком, тот заявляет: часть этих людей прошла курсы поваров, шоферов, связистов и телефонистов, поэтому они будут использованы только по назначению. Остальные также не попадут служить в части по охране важных государственных объектов потому, что физически здоровы и согласно приказам и распоряжениям будут направлены в оперативные части внутренних войск.

Что же делать? На помощь приходят сотрудники военкомата, отвечающие за формирование команд. Они просвещают нашего представителя, что кого бы он сейчас ни отобрал и какие бы списки ни составил, эти люди, за редким исключением, служить к нам не попадут. Список составляется формально. В военкоматах, где работают опытные офицеры, как, например, в городе Иваново, списки готовятся заранее и после дружеской встречи за чашкой чая, готовые, заверенные и отпечатанные, вручаются нашему представителю. Оставшееся время можно использовать по своему

усмотрению, после чего точно и в срок доложить командованию об образцовом выполнении задания. На этом заканчивается первый этап.

И вот наступает время призыва. На инструктаже, предшествующем командировке, становится известно, что в очередной раз снижены требования к состоянию здоровья призывников. Так, во время осеннего призыва 1999 года молодежь с пониженной массой тела была признана годной к службе во внутренних войсках.

Это значит, что такого солдата нужно сначала откармливать, а потом думать, где и как его использовать. Порождение большого общества не только "дистрофики", но и педагогически запущенные молодые люди. Это те, кто нуждается в постоянном контроле, кому рекомендована служба без оружия. Призываются они на общих основаниях, без ограничений. В общем, неполноценных солдат набирается в частях не по одному взводу. Отдуваются за них те, кого Бог здоровьем не обидел: служебная нагрузка на нормальных солдат превышает все нормы, предусмотренные руководящими документами. Это дополнительная головная боль и для командиров.

Но вернемся к процедуре получения молодого пополнения. За молодежью «покупатели» прибывают на сборные пункты. Первая проблема, с которой они сталкиваются, — выяснить день получения своей команды. Здесь начинается очевидное и невероятное. Мне, офицеру одной из строевых частей, доводилось побывать в такой ситуации. Прибыв 7 декабря 1999 года на сборный пункт в Калуге, вынужден был отправиться в свою часть со справкой о том, что комплектование команды 220 будет производиться только ... 28 декабря.

В 1995 году в городе Дзержинске был свидетелем, как прибывшие с Байконура ракетчики ждали свою команду больше месяца. На такие сроки командировочные не выдаются, и, когда жить становится не на что, офи-

церы перебираются в казармы сборных пунктов. Представители военкоматов уверяют, что данные о времени формирования команд были отправлены вовремя. Есть претензии и к работе наших штабов. Они тоже могут напутать. Так, осенью 1999 года офицеры нашей части отправились за получением большой команды призывников в Мордовию. Но никакой команды они там не встретили. Оказалось, что получать этих людей нужно было не в Мордовии, а в республике Марий-Эл. В пожарном порядке туда отправился прапорщик из другой части. Привез он далеко не самых лучших.

Факт и то, что команды для частей внутренних войск формируются в числе последних. Призывники из других команд заменяются призывниками из команды 220. Так, прибыв в Калугу вторично 28 декабря, я и другие офицеры из внутренних войск не получили ни одного человека "по причине отсутствия людских резервов". Если же "людские резервы" имеются, то за них надо бороться. Получив команду призывников, необходимо разобраться, кто перед вами находится. Опытному офицеру это не составляет труда. Беседа, осмотр призывника, при необходимости проверка медиками физических данных и внимательное изучение документов исключают проникновение в ряды внутренних войск недостойных людей. Некоторые офицеры проводят небольшую письменную анкету, а более осторожные берут расписки, что призывник не сбежит по пути следования в часть. В действительности на всю эту работу может не хватить времени.

Начальники сборных пунктов и работающие там во время призыва офицеры военкоматов не заинтересованы в проверке призывников с пристрастием. Самое простое ухищрение — предоставление команды за один-два часа до отправления поезда. При попытке посмотреть личные дела можешь получить ответ, что они хранятся в военкоматах и на сборном пункте их нет. Очень часто на службу пытаются

ся направить заведомо больных людей. Так, на одном из призывных пунктов больного человека, пострадавшего в автомобильной аварии и нуждающегося в операции, пытались отправить служить вместе с братом-близнецом. Мотивировалось это тем, что в армии его обязаны будут лечить бесплатно. Глава медкомиссии с большими звездами на погонах готов был разорвать любого, кто приходил к нему с больным, непригодным к службе призывником. Что двигало этим эскулапом при погонах, не понятно.

Часто встречаются неправильно призванные молодые люди. В подавляющем своем большинстве это ребята из села, не знающие тонкостей законов и своих прав, не умудренные опытом уклонения от воинской службы. Для выполнения разнарядки призываются люди, перенесшие тяжелейшие операции, имеющие на иждивении престарелых родителей, граждане государств СНГ, волею судьбы оказавшиеся в России. Чаще всего такие случаи заканчиваются увольнением. На моей памяти есть случай, когда на военную службу чуть было не призвали молодого человека ... с протезом ноги.

Большое внимание следует обратить на данные по призывникам, имеющиеся у представителей УВД. Как правило, каждый десятый призывник был не в ладах с законом. Странно, что в компьютерах УВД хранится информация, кроме судимостей, только за последний год. В личной беседе можно выяснить отношение к службе. Бывает, призывник наотрез отказывается служить во внутренних войсках. Один сказал: лучше в тюрьму.

Случаются другие недоразумения. Не всегда у призывников оформлены допуски для службы на секретных объектах. Они не прошли проверку в органах МВД и ФСБ. Если возникает необходимость в замене кого-то из призывников, приходится сталкиваться с яростным сопротивлением начальников сборных пунктов. Доходит до оскорблений и угроз. Кто же в результате становится под боевые

знамена? В начале 80-х годов на учебных сборах в моем взводе был солдат Исаев, призванный из солнечного Азербайджана. Русским языком он вообще не владел, сильно косил левым глазом, страдал плоскостопием и ужасным искривлением позвоночника. Казалось, что рядовой Исаев никогда не снимает вещевого мешка. Боевая учеба давалась ему с превеликим трудом. Точнее сказать, вообще не давалась. Одним из основных предметов боевой подготовки была огневая, но как мы с сержантами ни старались, при помощи переводчиков, пальцев и командирских ящичков пытаюсь объяснить премудрости военной науки, ничего не получалось. Тогда заниматься с ним в индивидуальном порядке было поручено заместителю командира взвода. Через 15 минут секрет безнадежности был раскрыт. Проверя прицеливание, сержант случайно поднес свой палец к правому глазу Исаева, но тот не отреагировал... Проверка в медпункте подтвердила — правый глаз не видел. Рядовой Исаев добросовестно прослужил 2 года в качестве хозяйственного рабочего.

Рядовой Исаев хоть старался служить, но в силу объективных причин не мог исполнять должным образом возложенные на него обязанности. Однако есть категория вполне полноценных, но не желающих нести боевую службу. Если эти солдаты из местных, то их родители берут на свои плечи бремя спонсорства. За их счет ремонтируют казармы, кабинеты, квартиры. Они строят гаражи и дачи, ремонтируют служебные и личные автомобили. Соответственно чада "спонсоров" пользуются правом чаще бывать дома. Осенью 1996 года, находясь на учебных сборах, я стал свидетелем призыва на службу молодого человека, которого близко нельзя было подпускать ко внутренним войскам. Проживал до службы рядовой Солдатов в городе Люберцы. Родителей у него не было, они погибли в автокатастрофе. Воспитывала его чужая женщина, владевшая мебельным салоном в горо-

де. Солдатов вообще нигде не учился и не работал, не имел даже начального образования, свою фамилию, и ту писал с ошибками. Он не скрывал, что давно употребляет наркотики, состоял в преступных группировках и служить во внутренних войсках не желает. О том, что за фрукт к нам попал, докладывалось и командованию, и представителю военной контрразведки, но, наверно, у начальства не хватило времени заняться этим вопросом. По окончании учебных сборов рядовой Солдатов самовольно оставил часть. Через 3 года дезертира Солдатова задержала милиция по просьбе той самой женщины, которая подобрала его после гибели родителей. Что же произошло? После самовольного оставления части Солдатов вернулся в Люберцы, взял свой паспорт и уехал жить в Тулу, где и был осужден за кражу на один год условно. Удивляет, что во время следствия, работники прокуратуры не разобрались, что перед ними дезертир, находящийся в розыске. Солдатов возвращается домой и ведет разгульный образ жизни, избывая в пьяном угаре хозяйку. Не выдержав издевательств, женщина обратилась в милицию.

Рассказ о таких безобразиях можно продолжить, но главное — понять причину их происхождения и не допустить во время очередного призыва. Слишком дорого обходятся войскам такие просчеты. В результате страдают солдаты, вынужденные нести службу "за себя и за того парня", командиры, у которых есть подчиненные, а службу нести некому. Страдает престиж войск. И самое обидное, что большинство нарушений и преступлений совершают чуждые войскам люди, которых в наших рядах не должно было быть. Трагические события в Саратовской области — расстрел рядовым Олегом Долженко своих сослуживцев в карауле еще раз доказывает особую важность работы по отбору молодого пополнения. Для всех, участвующих в призыве.

Майор Олег ДЕКУШ

КРЕПНЕТ СПЕЦНАЗОВСКОЕ БРАТСТВО

Год назад по инициативе бывших офицеров-спецназовцев был создан Фонд социальной защиты военнослужащих и ветеранов специальных подразделений внутренних войск «Русь». Главные задачи фонда, по словам его руководителя Алексея Владимировича Максимова, разработка и осуществление социальных и иных программ, направленных на защиту и поддержку уволенных в запас военнослужащих — офицеров, прапорщиков, солдат-срочников, оказание помощи ветеранам спецподразделений и членам их семей, военно-патриотическое воспитание молодежи, подготовка ее к службе в армии, забота о нынешних защитниках Отечества. Костяк организации составили бывшие военнослужащие, прошедшие через многие горячие точки Советского Союза, России.

Спецназовское братство, рожденное и упроченное на войне, крепнет день ото дня. И можно с уверенностью сказать, что не будут забыты те, кто многие годы отдал служению Родине, кто сегодня в нелегких условиях с честью выполняет свой воинский долг.

«РУСЬ» ЛЕТИТ НА ВОЙНУ

В начале июня представители фонда во главе с его президентом Алексеем Максимовым побывали в боевых порядках отряда специального назначения «Русь» в Чеченской республике. Это был своеобразный гуманитарный конвой на войну. Более трех тонн различных грузов привезли «русичам» ветераны-спецназовцы — продукты питания, одежду, обмундирование и снаряжение. Но, пожалуй, особое место в этом перечне заняли подаренные «спецам» средства связи и наблюдения. Не секрет, что сегодня боевики оснащены значительно лучше, чем наши подразделения, воюющие в Чечне. Что говорить о радиостанциях, ес-

ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

ли противник может элементарно вклинить в разговор, а тем более прослушать переговоры! Новые средства связи, привезенные на передовую, отвечают всем современным требованиям — они надежны, компактны, защищены от вмешательства со стороны. Что касается средств наблюдения, то о таких биноклях нашим разведчикам приходилось лишь мечтать. Ветераны подарили «русичам» несколько биноклей 50- и 70-кратного увеличения — на вооружении спецподразделений таких сегодня, к сожалению, нет. Они позволяют вести наблюдение как в сумерках, так и в предрассветное время, имеют широкое поле обзора, регулируют увеличение. Вы бы видели, с каким азартом и интересом разглядывали спецназовцы новые бинокли!

— Мы хотим, чтобы наши братишки вернулись домой живыми и здоровыми, поэтому стремимся создать для них максимально безопасные условия службы на войне, — говорит президент фонда. — С такими средствами наблюдения разведчикам уже не придется приближаться на лишние 500, 700, а то и 1000 метров к противнику, что позволит сбросить жизнь людей.

Некоторым солдатам и офицерам ветераны привезли приветы от родных и близких. А это дорогого стоит

вдали от дома. Моральная поддержка Большой земли, внимание сегодня очень важны для наших ребят, находящихся на войне.

Эта недолгая гуманитарная мис-

сия запомнится еще и тем, что впервые, наверное, подарок дошел до каждого солдата. В этом и заключалась главная идея данной поездки.

ДОЙТИ ДО КАЖДОГО

Поездка на войну стала первым подобным мероприятием для «Руси», и тем не менее знают о ней здесь не понаслышке. Многие сотрудники фонда еще во время службы успели побывать и в воюющем Карабахе, и в Северной Осетии, и в Ингушетии. Вице-президент фонда Евгений Николаевич Погодин, бывший начальник штаба отряда «Русь», был тяжело ранен еще в первую чеченскую кампанию — в феврале 95-го.

Знают о войне и по другой причине, ведь горе прошло через многие семьи бывших спецназовцев. Фонд немало делает по увековечению памяти погибших военнослужащих. При его поддержке проводится ставший уже

традиционным турнир по кикбоксингу памяти Павла Голенко, не вернувшегося с первой чеченской... Не забыты и семьи погибших военнослужащих, сотрудников органов внутрен-

ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

них дел — Алексеем Максимовым и его единомышленниками принято решение об их материальной поддержке. Ежемесячно денежные пособия выплачиваются семьям майора В.Свирко, капитана Ю.Патрикеева, сержантов М.Теплова, В.Зюкина, Е.Богомолова. Родственникам многих погибших братишек оказана разовая материальная помощь.

Помня о погибших, не забывают и о живых. Как говорится, сам Бог велел сотрудникам фонда во всем поддер-

живать своих подшефных из отряда специального назначения «Русь». Имя обязывает. Поездка на передовую к воюющему отряду — в ряду десятков других добрых дел, организованных ветеранами на протяжении года, пока фонд работает. Фонд во всем поддерживает отрядовцев, способствует повышению профессиона-

Президент фонда
Алексей Максимов

лизма «русичей», пропагандирует их традиции и опыт. Помимо материальной помощи, выделяемой отряду на приобретение различных тренажеров, техники, подарков для поощрения личного состава, ветераны фонда совместно с объединением «Русь», которое возглавляет Герой Российской Федерации бывший командир «Витязя» Александр Никишин, участвуют в программе социальной реабилитации вернувшихся с войны. Фонд берет на себя трудоустройство бывших «русичей» — и солдат, и офицеров. Только в последнее время организовано несколько десятков рабочих мест для уволенных в запас военнослужащих.

Под особым вниманием Фонда социальной защиты военнослужащих и ветеранов специальных подразделений внутренних войск «Русь» — подрастающее поколение, те, кто завтра придет на смену нынешним спецназовцам. В их числе —

ПОДМОСКОВНЫЕ «БЕРКУТЫ»

Военно-спортивный клуб «Беркут» из подмосковного Жуковского был создан более десяти лет назад по инициативе и при активном участии бывшего летчика-испытателя Сергея Мионовича Кудряшова. Для сотен подросков, слоняющихся без дела по

подвалам, клуб «Беркут» стал родным домом. Среди тех, кто стоял у истоков клуба и был одним из первых его руководителей, — президент фонда «Русь» Алексей Максимов. Он и теперь, уже на новом месте работы, в курсе всех дел родного детища, делает все возможное, чтобы помочь воспитанникам клуба.

Сегодня, пожалуй, нет ни одного рода войск, где бы не служили бывшие «беркуты». Многие прошли суровую спецназовскую школу и во внутренних войсках, успешно выполняли миротворческую миссию в Сумгаите и Баку, Фергане и Степанакерте, других горячих точках бывшего Союза и России. Многие воспитанники клуба, закончив военные училища, стали офицерами, высококлассными специалистами.

— Ежегодно кто-то из выпускников клуба сдает вступительные экзамены в военные училища, — говорит Алексей Владимирович. — Немало среди них и тех, кто решил связать судьбу со спецназом внутренних войск, мечтает попасть служить в «Витязь», «Русь». Мы стараемся помочь им в этом.

Помощь эту «беркуты» чувствуют на себе постоянно. Сотрудники фонда помогают ребятам чем могут — деньгами, транспортом, организацией спортивно-оздоровительных лагерей и различных турниров. Недавно, например, фонд приобрел для «Беркута» татами, а еще раньше — компьютер.

— Каждый из нас, отдавший воен-

ной службе лучшие годы своей жизни, уверен в том, что клуб должен жить, объединять вокруг себя молодежь, помогать мальчишкам, чтобы они не чувствовали себя брошенными и обездоленными, — говорит Алексей Максимов. — В сегодняшней жизни и так много зла и насилия. Так пусть хоть в «Беркуте» дети живут нормальной человеческой жизнью, делают добро и уважительно относятся друг к другу.

Впрочем, не только «беркуты» сегодня в поле зрения Фонда социальной защиты военнослужащих и ветеранов специальных подразделений внутренних войск «Русь». Заботу фонда уже почувствовали на себе учащиеся школы № 13 г. Жуковского, школы № 15 станции Старонижнестеблиевской Краснодарского края и многие другие. В планах фонда — новые адреса, новые идеи. И есть уверенность, что все задуманное ветераны смогут воплотить

в жизнь, так как работают в фонде люди увлеченные, неравнодушные.

Когда готовилась поездка ветеранов фонда к бойцам на передовую, некоторые скептики отговаривали Алексея Максимова от этой затеи: мол, проще передать собранные деньги, подарки в любую воинскую часть, в детский дом, наконец. И тем не менее ветераны не отказались от задуманного.

— Мы хотели не просто привезти бойцам подарки, а поддержать их морально, — говорит Алексей Владимирович. — Сегодня с бандитами воюют наши дети, братья, близкие нам люди, и мы должны сделать все для того, чтобы они почувствовали, что их ждут, о них помнят. В этом и была наша главная задача. А подарки? Так вы ведь тоже в гости без гостинцев не ходите...

Майор Сергей КОЛЕСНИКОВ

Фото автора

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Анатолий Куликов и Сергей Лембик не старались написать всеобъемлющее исследование катастрофы, постигшей чеченский народ на рубеже веков. Эта книга, по их собственному признанию, лишь «попытка внести свою лепту в сохранение памяти о страшных по своей необъяснимости и запутанности событиях современной чеченской войны и российских войнах, выполнявших, несмотря ни на что, свой долг перед Отечеством». Не случайно на первую страницу почти трехсот-страничного повествования вынесено: «Участникам боев на Кавказе всех времен посвящается...»

Книга снабжена подзаголовком «Хроника вооруженного конфликта 1994–1996 гг.» и приурочена к 5-летию начала войны в Чечне, ведущей отсчет от момента ввода федеральных войск на территорию Чеченской республики в декабре 1994 г.

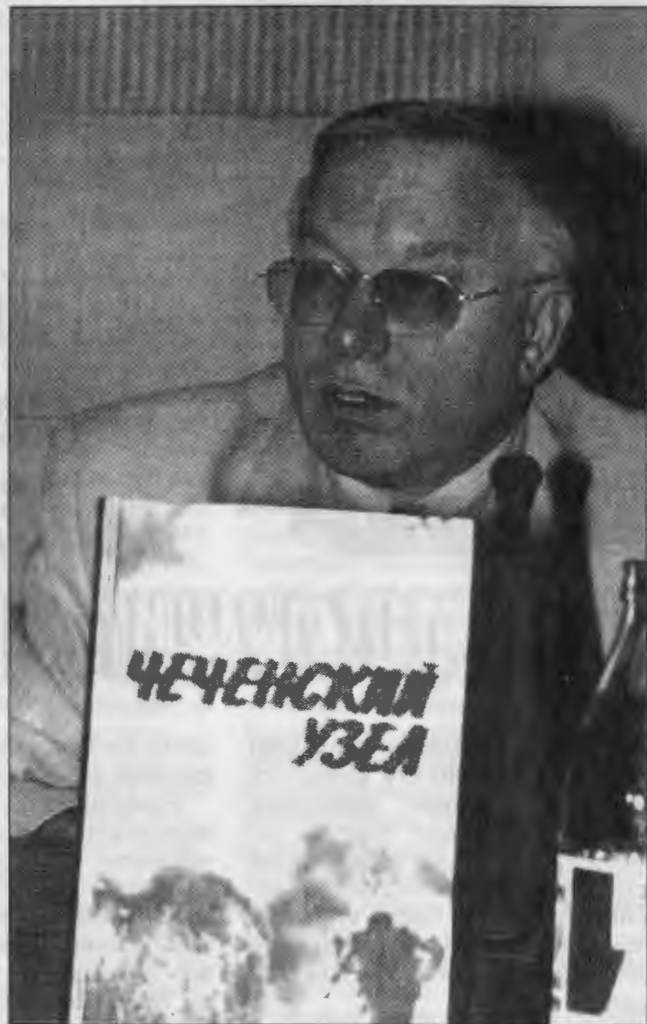
Чтобы читатель лучше понял истоки формирования чеченского менталитета и корни вооруженного противостояния, авторы кратко освещают историю зарождения чеченского этноса, обращаются к наиболее ярким эпизодам кавказской войны 1817–1864 гг., подробно раскрывают истоки нынешнего сепаратистского движения в Чечне.

Проделав большой труд, авторы в хронологическом порядке с максимальной степенью достоверности изложили собранные ими факты. Несомненным достоинством книги, способствующим глубокому пониманию процессов, на фоне которых происходили военные события в Чечне, самих эпизодов боевых действий, являются многочисленные иллюстрации: схемы боев, копии документов, фотографии.

О фотографиях хочется сказать особо. Сделанные известным российским фотожурналистом Олегом Смирновым в боевых условиях, они стали подлинными фотодокументами, позволяющими читателю увидеть реальных людей в критических ситуациях, разделить их переживания и страдания, как если бы он оказался рядом с ними.

По признанию самих авторов, они не претендуют на полноту освещения чеченского вооруженного конфликта, так как все-таки были ограничены имеющимся фактическим материалом, а некоторые фрагменты сознательно опустили: с течением времени кое-что требует уточнения или переосмысления.

Свой труд А. Куликов и С. Лембик адресовали в первую очередь участникам вооруженных событий в Чечне и тем людям, кто так или иначе были связаны с ними. Думается,

что эта книга станет настольной для военных экспертов, политологов, политиков. Ее обязательно прочтут все, кто интересуется новейшей российской историей.

Совершенно справедливо, что значительная часть десяти тысячного тиража книги распространяется бесплатно среди участников боевых действий на территории Чеченской республики, организаций и частных лиц, принимающих ныне активное участие в реабилитации ветеранов постсоветских войн и конфликтов, а также среди тех, кто оказывает бескорыстную помощь инвалидам и семьям погибших военнослужащих.

Вообще-то такие книги надо издавать массовым тиражом и просто раздавать. Всем. Чтобы помнили...

Василий ПАНЧЕНКОВ

Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

СТАЛИН СКАЗАЛ: «Осторожно, лейтенант!»

А ОН ДОСЛУЖИЛСЯ ДО ПОЛКОВНИКА

А перед уходом в академию старшему лейтенанту пришлось «войти в историю»: комендант Кремля именно ему поручил эскортировать так называемый «сталинградский меч», подарок английского короля Георга VI, на церемонии передачи этой реликвии делегации города-героя Сталинграда.

— Я выбрал двоих ассистентов, самых рослых и подтянутых старшин, Кухту и Максимова. В приемную зала заседаний правительства к нам вышел Буденный. Он нас внимательно осмотрел, остался доволен выправкой и принялся учить, как мне держать меч, как ассистентам двигаться с шашками «на плечо». Маршал мне очень понравился — он был весел, словоохотлив, все сыпал кавалерийскими анекдотами. Особо предупредил, чтобы мы не волновались, увидев членов Политбюро, и не бо-

ялись света юпитеров — нас будут снимать для кинохроники...

Наконец открылись двери, и мы прошагали по залу — я держал «подвесь», будто знамя, метровый меч, богато украшенный драгоценными камнями, золотом и платиной. Ослепленный юпитерами, все-таки разглядел в зале Молотова, Маленкова, Берия... Буденный зачитал обращение короля Георга, поздравил сталинградцев с высокой наградой и подошел к нам. Я перебросил меч в горизонтальное положение, передал его маршалу, вместе с ассистентами мы повернулись кругом и вышли из зала...

Кадры, запечатлевшие старшего лейтенанта Смикодуба с королевским мечом в руках, позже увидела на киноэкранах вся страна. А в восьмидесятые годы, во время показа на советском телевидении 20-серийного американского фильма «Неизвестная война», Иван Семенович вдруг обомлел, вновь увидев на экране себя молодого —

на той самой памятной церемонии.

В марте 1944 года Иван Семенович был зачислен в Академию имени Фрунзе, на факультет «П», который готовил офицеров для пограничных и внутренних войск. После выпуска — должность преподавателя тактики в созданном на базе факультета «П» Военном институте МВД СССР. Для скромного командира роты рыбок серьезный — ему, молодому капитану, пришлось обучать бывалых фронтовиков. Впрочем, преподавателем он оказался неплохим: старался импровизировать, увлекать слушателей новыми для того времени приемами. После второго курса 15 из 16 слушателей его группы имели по тактике оценку «отлично», за что Иван Семенович был произведен в майоры.

Позже ему предлагали защитить кандидатскую диссертацию, однако роль кабинетного теоретика строевому офицеру была не по нраву — он попросился в войска, и

Окончание. Начало в № 6

РЕТРОСПЕКТИВА

в конце 1952 года был назначен начальником отдела боевой подготовки Управления внутренних войск Украинского округа.

Оставив в Москве семью, которая к тому времени пополнилась сыном Сашей, подполковник Смикодуб прибыл в Киев и представился начальнику войск полковнику Ивану Прокофьевичу Соколенко. Это был боевой офицер, который в главе полка прошел битвы на Кубани, в предгорьях Кавказа, штурмовал Новороссийск, был отмечен многими наградами, в том числе тремя орденами Красного Знамени. Впрочем, они были знакомы — вместе учились в академии.

Принимая должность, Иван Семенович обнаружил массу проблем: отдел фактически не вел учет выполнения частями программы боевой подготовки, обязанности офицеров «боевиков» не были четко определены, их отвлекали от работы бесконечные командировки в составе различных комиссий...

Подполковник затеял серьезную реформу, с благословения начальства сократив и реорганизовав отдел, перестроив его работу.

5 марта 1953 года умер Сталин. Всесильный Берия попытался взять под контроль силовые структуры СССР, в частности, главой МВД Украины был назначен генерал Мешик, ставленник Берии.

— Поздно вечером приехал в управление, а мне говорят: начальника войск уже сутки держат под арестом в собственном кабинете. Около полуночи, когда штабные офицеры разошлись, я сидел на скамейке у нашего здания на площади Богдана Хмельницкого. Сидя, размышляю о будущем и вижу, что к штабу подъехала машина, оттуда вышли двое в гражданском и забрали с собой людей, охранявших начальника войск. Вскоре появился Соколенко... Мы вместе поехали к нему домой — конечно, там все были в слезах, ожидая худшего... Я понимал, что после пережитого шока Ивану Прокофьевичу нужно прийти в себя, и мы всю

ночь просидели вместе за столом, вспоминая войну. Утром я уехал, и больше в Киеве мы не виделись — Соколенко перевели в Германию. А на должность начальника войск был назначен генерал-майор Михаил Иванович Наумов...

Герой Советского Союза генерал Наумов — личность уникальная, яркая. В чине капитана пограничных войск в первые месяцы Великой Отечественной войны он был ранен и попал в окружение. Возглавил партизанский отряд на Сумщине, который позже вырос в целое соединение. Наумов, кажется, был единственным командиром, который сумел вести эффективную партизанскую войну в степных районах Украины, проведя несколько блестящих конных рейдов по немецким тылам. В апреле 1943 года Сталин лично произвел 35-летнего капитана в генералы, и тот водил в бой свою бригаду до полного освобождения Украины...

— Мне довелось долго служить под началом генерала Наумова, и хочу отметить, что его история — редкий случай, когда потрясающему карьерному взлету вполне соответствуют личные и деловые качества офицера. Талантливый военачальник в годы войны, он и в мирное время показал себя прекрасным организатором, настоящим профессионалом. Причем человеком был скромным и душевным, чуждым хамства и тщеславия...

Впрочем, службе под командованием легендарного генерала предшествовала должность начальника отдела боевой подготовки Управления внутренних войск в Германской Демократической Республике, начальник штаба которого, полковник Соколенко, охотно сосватал к себе деятельного «боевика». Наличие в составе советских оккупационных войск мощной группировки ВВ сегодня представляется фактом удивительным, но таковы были реалии того времени: за границей СССР, в Германии, части внутренних войск охраняли важные объекты и готовились в

случае войны прикрыть тылы действующей армии — возможность возникновения вооруженного конфликта с вчерашними союзниками тогда рассматривалась вполне серьезно.

Впрочем, в 1956 году «заграничные» внутренние войска были расформированы, и подполковник Смикодуб получил новое назначение — назад, в Киев, командиром 290-го Краснознаменного Новороссийского мотострелкового полка внутренних войск.

290-й полк благодаря своим немалым боевым заслугам считался одним из элитных: сформированный в апреле 1942 года, он прославился при обороне Северного Кавказа, позже сражался на легендарной Малой земле, освобождал Новороссийск, за что был удостоен почетного наименования. После войны полк расположился в казармах на Подоле, и на него была возложена охрана правительства Украинской ССР, в том числе при проведении важных мероприятий. Кроме того, «новороссийцы» привлекались к охране общественного порядка, совместно с милицией патрулировали столичные улицы. А в праздничные дни по традиции полк, один из лучших в гарнизоне, проходил торжественным маршем по центральным улицам Киева — с развернутым Боевым знаменем, под оркестр...

Особый статус полка как своеобразной «киевской гвардии» требовал образцовости во всем — от выправки солдат до внутреннего порядка. Однако, принимая полк, Иван Семенович столкнулся с массой проблем.

— Дело в том, что мой предшественник, а с ним и заместители, открывенно говоря, расслабились, и многие служебные дела решались самотеком. Что греха таить — без требовательности со стороны командования, без сурового контроля в полку расцветали нарушения дисциплины (в том числе среди офицеров и сержантов-сверхсрочников), запустили боевую учебу,

оставляли желать лучшего внешний вид и строевая выучка солдат. Тем временем офицеры на службе ерундой занимались — часами играли в карты, пьянствовали...

Я поставил перед собой цель: сделать полк действительно элитным, используя свой кремлевский опыт. Начал с внутреннего порядка и внешнего вида: мы пересмотрели распорядок дня, предоставив ротам, которые заступали в наряды и караулы, больше времени для подготовки и отдыха. Благодаря помощи Управления тыла МВД УССР всем солдатам и офицерам тщательно подогнали обмундирование и обувь. В полку я ввел регулярные и более частые, чем в других частях, строевые смотры — благодаря этим мерам полк подтянулся, в обличье бойцов появилась желанная молодцеватость, значительно улучшилась строевая выучка — теперь «новорооссийцы» выглядели ничем не хуже московских «кремлевцев».

Новый командир удивил многих офицеров нестандартным подходом к общению с подчиненными: Иван Семенович не чурался запросто говорить с солдатами. На первом же строевом смотре лично промаршировал вдоль полкового строя с винтовкой, демонстрируя «кремлевский» шаг. Качество пищи контролировал не из кабинета, как предшественник, а в солдатской столовой, обедая вместе с бойцами. Мог подсесть с ножиком к солдатам, занятым чисткой картошки, и так, за работой, поговорить. Постепенно бойцы привыкли к такому стилю, перестали терять дар речи при виде больших звезд и откровенно, охотно делились наболевшим, открывая глазам командира объективную картину полковой жизни.

— Благодаря информации из первых уст я выявил немало острых проблем. Например, по моему требованию были закрыты расположенные возле полка киоски, где торговали спиртным. Прекратились нарушения в банно-прачечном обслуживании. Немало офицеров и

сверхсрочников получили взыскания или были уволены. Главное — солдаты убедились, что я на деле забочусь о них, и поверили мне...

Чтобы улучшить боевую подготовку, Иван Семенович добился восстановления заброшенного полевого лагеря (ныне — главный полигон украинских ВВ, что у села Петровцы). Стройматериалы зарабатывали хозспособом, солдатская бригада привела в порядок обветшавшие постройки, и в конце мая 1957 года полк по улицам Подола выступил в лагерь — с оркестром и развернутым Боевым знаменем.

— Все лето полк жил в палатках, причем вместе со многими офицерами и сверхсрочниками за город отправились их семьи. Приехала из Москвы моя семья и тоже расположилась в палатке, поскольку квартиры у меня не было... Сегодня, наверное, выход в поле целого полка, да еще и с семьями, выглядит по меньшей мере необычно — наверное, сорок лет назад люди были не очень избалованы бытовыми удобствами... Впрочем, спартанской жизнью в лагере все были довольны — ведь у нас условия для занятий спортом и отдыха, даже свой пляж на Днепре. А уж для боевой учебы на природе настоящее раздолье — солдаты учились в охотку, учебную программу мы буквально отшлифовали. В результате инспекторскую проверку за год полк сдал с оценкой «хорошо», солдаты за лето окрепли, загорели. Генерал Наумов, который с большим интересом следил за нашим лагерным экспериментом, оказывая всестороннюю помощь, остался доволен — и летние выходы полка в лагерь стали традиционными. Кроме того, мы построили на полигоне казарму, где зимой роты по очереди проводили по две недели...

За эту казарму, кстати, Иван Семенович официально выговор получил, «за внеплановое строительство», а неофициально, вполголоса — «спасибо». Дело в том, что деятельностью Смикодуба не все начальники и подчиненные были довольны

— по традиции того времени, наверх регулярно поступали анонимки, обвинявшие командира в злоупотреблениях, и старший начальник вынужден был реагировать. А Иван Семенович не унимался и продолжал хозяйствовать по-своему: перестроил полковые казармы; построил новый удобный КПП; развернул строительство автопарка; перевел на полигон, в новые помещения, полковой свинарник...

К анонимкам и последующей нервотрепке Смикодуб относился философски: в конце концов он не личную дачу строил руками солдат, а материальную базу полка. А сам тем временем жил то в полку, то в девятиметровой комнатке, а жена с детьми — в московской квартире...

— Квартиру в Киеве я получил в 1958 году — и только тогда у меня началась нормальная семейная жизнь... Знаете, я порою задумывался: не обкрадываю ли я свою семью долгой разлукой, постоянными переездами? Наше поколение так было воспитано — прежде всего думали о Родине, о службе, а многочисленные трудности воспринимались как явление обычное для нашей профессии и временное, поскольку всем верилось, что завтра жить станет лучше... Поэтому я, будучи начальником отдела Управления ВВ, подполковником, жил... попросту в своем кабинете, спал на диванчике и воспринимал это спокойно.

Наверное, действительно, изменилось что-то в психологии офицеров, если нынешние молодые лейтенанты при первом же столкновении с трудностями предпочитают расстаться с войсками. Нашей молодежи не грех поучиться у ветеранов, заслуженных офицеров военного поколения моральной стойкости, умению с достоинством переносить житейские трудности...

Память Ивана Семеновича хранит немало поучительных эпизодов — порой весьма забавных.

— Однажды наш полк охранял порядок на Центральном стадионе

Киева во время футбольного матча, в ходе которого киевские динамовцы проиграли своим одноклубникам-москвичам. Болельщики, так сказать, обиделись и стали забрасывать игроков пустыми бутылками и камнями. Я немедленно перебросил на поле роту, стоявшую в резерве, приказал окружить футболистов и сопроводить в раздевалку, но хулиганы разошлись не на шутку — несколько солдат было ранено. Моим бойцам пришлось отбиваться тем, что было под рукой — пряжками своих ремней. Это импровизированное «спецсредство» в умелых руках смелого человека может быть грозным оружием — отдав пряжек, хулиганы отступили и в панике разбежались...

Военная прокуратура сгоряча обвинила командование полка в превышении полномочий — ведь более двадцати горе-болельщиков получили травмы. Однако и восемь «новороссийцев» были ранены... Когда спал ажиотаж и выяснились все подробности дела, Иван Семенович всего лишь получил очередной выговор. С тех пор порядок на Центральном стадионе охранялся намного жестче, но решительность солдат ВВ произвела на любителей футбола такое яркое впечатление, что еще много лет в Киеве не отмечалось подобных случаев массового хулиганства...

Именно на таких примерах учились войска и органы МВД, совершенствуя тактику охраны порядка на массовых мероприятиях. Если в пятидесятые годы приходилось разгонять хулиганов бляхами солдатских ремней, то ныне присутствующий на стадионе спецназ в бронжилетах с резиновыми палками и щитами уже никого не удивляет...

Инспекторскую проверку за 1958 год полк сдал на «отлично» — этот серьезный успех был отмечен командованием ВВ, о нем подробно рассказал журнал «На боевом посту». Летом 1959 года полк успешно выполнил задачу на учениях с подъемом по тревоге и выхо-

Будни полка. 1957–1959 гг.

дом в запасной район — Иван Семенович так закрутился, что забыл про собственный день рождения. В момент, когда командир полка принимал поздравления от своих офицеров, радист принес шифровку: полковника Смикодуба вызывали в Москву...

В сентябре 1959 года он принял дивизию ВВ, которая охраняла особо важный объект, известный как «Арзамас-16». Однако стать генералом ему не довелось — грянули хрущевские реформы с сокращением армии на 1 миллион 200 тысяч человек и расформированием союзного МВД. В 1961 году Иван Семенович был уволен на пенсию с правом ношения военной формы. Ветеран войск позже сумел сделать карьеру еще в одном качестве — он стал вдобавок и ветераном Гражданской обороны, в системе которой проработал более 26 лет. Полковник и в отставке оставался верным себе — курсы ГО, которые он возглавлял, были признаны одними из лучших в СССР...

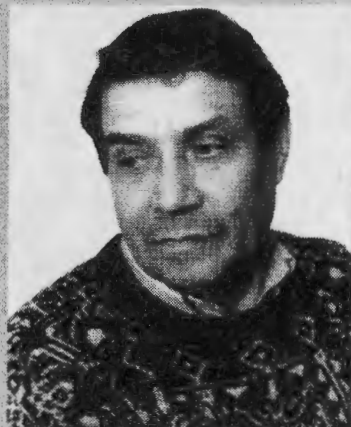
В 1999 году в издательстве Европейского университета финансов, информационных систем, менеджмента и бизнеса вышли в свет

мемуары Ивана Семеновича «Записки старого солдата» — подробный и откровенный рассказ о жизни, богатой событиями.

В свои 83 года он полон энергии и принимает активное участие в деятельности ветеранской организации Главного управления ВВ МВД Украины. В марте 2000 года, в День внутренних войск и 8-й годовщины украинских ВВ, из рук министра внутренних дел Украины Юрия Кравченко полковник Смикодуб получил высокую награду — орден Богдана Хмельницкого III степени.

Капитан Сергей КОВАЛЕНКО,
спецкор газеты ВВ МВД Украины
«Ратник» специально для журнала
«На боевом посту»

Евгений ЕРХОВ

Евгений Иванович ЕРХОВ родился в 1936 году в Заволжье, воспитывался в детском доме. Окончил общевоинское командное училище в Томске и Московский государственный университет. Свыше тридцати лет служил во внутренних войсках, последнее десятилетие — в журнале "На боевом посту". Полковник запаса. Его первый поэтический сборник "В гостях у солнца" увидел свет в Томске, а затем уже в столичных издательствах вышло более десятка стихотворных книг. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

ПОКА НЕ ОСТЫЛА ДУША

В НАЧАЛЕ ДНЯ

В начале дня приехала родня.
Обрадовала наконец меня!
Все — дальняя,
четвертого колена.
Смущается,
хоть с виду и степенна,
как будто в чем саму себя вина.

А виновата не она — война:
не все смогли
к родным вернуться стенам...
Мне эта близость дальняя бесценна
в начале дня.

Как бы из детства родничок,
звеня,
окатит говорок меня, плена:
вовсе слаще не изведать плена!
И песня в русло входит постепенно,
рождаясь из душевного огня,
в начале дня...

РИСУНОК

Желтой краской рисую дорогу,
черной краской — идущих по ней,
и сороку еще, белобоку,
и оранжевым — строчку огней.

Пусть стрекочет болтливая птица
в перелете всего от села!
И светлеют у путников лица,
мой рисунок простой веселя.

Перед ночью какие им страхи,
если окон неспящих не счесть?!
...Вот бы все это с мертвой бумаги
да в живую бы жизнь перенести!

Стало меньше бы в мире забытых,
не нашедших еды и тепла,
и заборов, и ставен закрытых,
и запоров, и прочего зла...

С простодушною верою в это
отправляюсь в дорогу с утра.
Заповедная зона поэта —
беспредельная область добра!

9 МАЯ

Герою Советского Союза
М. Борисову

Среди земных утех
на празднике страны
вдруг боль ожжет за тех,
кто не пришел с войны.

Им не узнать уже,
что смеркли жизни их

и длятся лишь в душе
и памяти живых;

что красным в календарь
вошло еще число —
нам безутешный дар
от сокрушивших зло...

Царапнет ухо смех,
и обожжет глаза,
гася черемух снег,
невольная слеза.

РОДНИКИ

Олегу Маслову

Захотелось Волге поклониться,
из родных напитокя родников,
полю на рассвете помолиться
за безвестных наших мужиков.
Радости не обошли, и боли
горькой чашей их не обнесли.
Жизнь —
и вправду вышло —
поле... поле...

Хлеб растили,
сами с ним росли.

Некогда сидеть на печке было,
силу на чужих харчах копя.

Им другая плечи разводила —
из земли по жилам шла, кипя!

Ах крута,
ах и неуголима, —
от плеча к плечу пойдет играть!
Сходит влево —
скошена долина,
сходит вправо —
ляжет вражья рать...

И робели — было,
и слабели,
гнул позор, как одолень-траву.
И тогда немели колыбели
и разор испепелял Москву.

А пощады все же не просили:
распрямялись, заводя косу!..
И вставало солнце над Россией.
И теперь оно горит всюю!

ПОСТУПОК

Он делал все, как надо,
все — как надо,
но разломилась ржавая чека.
Хлестнула в грудь война
смертельным градом
родившегося
в пятьдесят девятом
привычно для себя —
исподтишка...

Он мог отбросить
от себя гранату,
к земле прижаться,
каскаой заслонясь.
Война б другого забрала солдата...
"Я сделал все, как надо,
все — как надо!" —
глядит он с фотографии
на нас.

БРАТСТВО

Как просто:
увидел собрата —
и чин-то невясок,
а вскинешься молодцевато
и — руку под козырек!

И он улыбнется, как другу.
И ты ему радость яви,
как кровному брату по духу,

по общей к Отчизне любви.

Мгновенье —
прошли, не обмолвясь,
на встречном коротком пути.
Но вечной осталась готовность
друг другу на помощь прийти.

ЭЛЕГИЯ

Пойдем погуляем, Розуша,
опавшей лиственной пошуршим,
пока окончательно стужа
не сделала город чужим.

Побродим по тихим аллеям,
по скверикам полупустым,
о чем-то еще пожалеем,
о чем-то — уже погрустим.

Не вечно ничто под луною!
И к вечности я не взову:
мне б только была ты родною
на время, пока я живу, —

на ту мимолетную долю,
которой хватило бы мне
на путь к Куликову ли полю,
к другой ли заставе в стране.

Печальное пламя платочка
обуглит ладошку твою...
Пройдемся, родная, лесочком
у стужи на самом краю.

Куда ей до власти над нами!
Свои мы объявим права:
где хрустнет ледок под ногами,
там новая встанет трава.

Она наготове, послушай:
напружилась, жарко дыша...
Пойдем погуляем, Розуша,
пока не остыла душа.

Живу в Олимпийской деревне.
Когда налетит снеговой,
под окнами стонут деревья,
как в старой деревне моей.

Вот так же на взгорке, повыше,
себя утвердила сама.

Конечно, асфальт там пожизне,
пониже, конечно, дома.

А все остальное похоже:
цирюльня, кино, магазин...
Вот разве не встретишь захожих,
тем паче заезжих разинь.

Ну кто пожелает, скажите,
такого хлебать киселя
затем только, чтобы увидеть,
как трудно рожают поля?

Калашным идя переулком
гудящей и в будни Москвы
с зажатой под мышкою булкой,
о них и не вспомните вы.

Свои донимают мозоли —
в них тоже работа и боль.
А жаль все ж,
что тянет нас поле
одно — где гоняют в футбол.

Оно в Олимпийской деревне
под окнами флаги взвило.
...На крыши, на самые гребни
антенны возносит село!

Глядит телевизор семейно,
улыбку тая до поры:
какой ей соперник деревня,
где поле есть лишь для игры?

Поздно снова начинать,
пусть останется как было.
Я любил... И ты — любила?..
Будем жить да вспоминать,
сказку пересочинять.

Вспоминать — и этим жить.
Превращусь опять в Емелю —
может быть, еще сумею
Несмеяну рассмешить,
ее слезы осушить...

Сказку пересочиним,
суд над прошлым учиним.
Я любил и ты любила...
Неужели это было!

...В голос оба закричим.

Иван КОЗЛОВ

Деньги Рыжего Габена

Повесть

ДЕНЬГИ РЫЖЕГО ГАБЕНА

* * *

По лестнице-временке я волоком стащил вниз Молчанова. Перед этим пришлось ему еще раз напомнить, что я левша, так как Кэп, едва придя в себя после первого нокаута, опять полез с кулаками. Видно, представил, что ему будет от своих за то, что проспал гостя, и страх за будущую расправу победил разум. Я сбросил Кэпа на бетонированный пол небрежно и брезгливо, так, словно это был мешок с дерьмом.

Мария Петровна лишь повернула голову, глядя на меня. Даже не сделала попытки встать. Освещение тут было неважное, синие тени падали на лицо женщины. Я подошел к раскладушке, наклонился и только тогда понял, что лампочка здесь ни при чем.

Убожко разлепила серые губы:

— Вынесите меня отсюда. Больно ступать.

Я подхватил ее на руки, поспешил наверх так, словно секунды решали, биться или не биться сердцу в этом изможденном теле. Остановился у кресла, где недавно сидел Молчанов. Взглянул в окно и, не расставаясь с ношей, почти побежал еще к одной, правой, двери. Распахнул ее ногой, опустил Убожко на стоящий у стены диван:

— Я оставляю вас минут на пять. Потерпите, во всяком случае, не подавайте голоса.

Она кивнула. Она поняла меня, потому что тоже видела: от трассы к поселку едет машина. Темный джип.

Я вновь встал у окна, сквозь волшебные свои очки постарался рассмотреть водителя и иномарку. Впереди, за баранкой, сидел мужчина, рядом с ним место пустовало, был ли кто в салоне еще, это не могла мне подсказать даже хитроумная оптика.

Водитель на Сташкова похож не был, и я уже предположил было, что джип проскочит мимо, но он замедлил ход и свернул с дороги на асфальтовую тропку, ведущую к железным воротам усадьбы. Ворота были на замке, и выскочивший из машины человек пошел к крыльцу тем же путем, какой проделал и я: мимо песка, корыта и ведер. Одно ведро он пнул ногой, отфутболив его в сторону лежавшего дога:

— Чё спишь, сучара? Нализался, как Кэп, что ли? Кэп, ты где, мать твою?!

Так вот как он выглядит, Крокодил, Крок, Геннадий Геннадьевич Будко. По годам вроде не стар, но лицо напоминает печеное яблоко — темное, морщинистое. Однако мужик, видно, жилистый, и с

ним, как с Молчановым, быстро не управиться. Хорошо хоть, что туповат, не насторожил его распластавшийся на асфальте дог.

Интересно, каким это боком Крок попал в компанию Молчанова? Или действительно все бандиты одним миром мазаны? Но это — потом, потом. Сейчас есть более неотложные вопросы. И дело, которое хочешь не хочешь, а решать надо оперативно.

Будко уже метрах в пяти от крыльца, я открываю дверь, решительно выхожу ему навстречу:

— Крок, ты почему опоздал? Ты должен был приехать еще полчаса назад!

Даже теперь в глазах его не появляется и проблеска подозрительности. Он признает за мной право говорить с ним таким тоном, начинает оправдываться:

— Не дорога сегодня, а дерьмо собачье. Пробка на пробке.

— Ладно. — Я уже обращаюсь к нему помягче. — Заходи быстрее, дело есть неотложное.

— Машку наконец трахать начнем? — Он улыбается, обнажая здоровые белые зубы. — Я сразу говорил: не увечить надо, а заездить эту кобылицу...

Я стискиваю зубы и иду к левой двери. Крок так спешит, что даже норовит проскочить впереди меня. Что ж, может, это и к лучшему.

Он видит откинутую крышку люка, говорит разочарованно:

— Что, Кэп первый начал ее опробовать? Эй, гнида, слезай, теперь моя очередь!

Он наклоняется над люком, я ребром ладони бью его по шее, бью безжалостно, с размаху и чувствую, что рука отскакивает, как от древесного ствола.

Будко смотрит на меня, он устоял-таки на ногах, хоть удар и не прошел для него бесследно. Рот растягивается в беззвучном зевке. Тяжело же будет, если дать ему время очухаться. И потому бью ногой в пах и толкаю, уже почти бесчувственного, в бетонную яму. Тут же вытаскиваю наверх лестницу-временку, захопываю тяжелую крышку подвала.

Вроде и не делал ничего, а чувствую, что устал. Ноет низ живота. Видно, поднапряг мышцы, и вновь разошелся шов недавней раны.

Сажусь в кресло, смотрю в окно, невесело улыбаюсь.

Все, я, кажется, отдышался, только сверчок поет в ушах. Видно, от перегрузки. Надо, пока еще кто-то не свернул на эту дорогу, сматываться отсюда. Третий раунд кряду могу и проиграть.

Захожу в комнату, где оставил женщину. У нее кровь под ногтями и опухшие пальцы. Глаза утратили быллой холод, в них нездоровый огонь.

— Вы убили их?

Я не отвечаю, поднимаю ее и несу к выходу.

— Пойдите! Там, в столе... Надо обязательно забрать фотографии.

Осторожно усаживаю ее на краешек стола, одной рукой поддерживаю женщину, другой выдвигаю ящик. Там лежит тонкий серый конверт. Она кивает:

— Он.

Запихиваю его в карман куртки.

Опять кричит сверчок. Выхожу на крыльцо. Ага, вот где оно живет, поющее насекомое: сотовый телефон приглашает на связь. С удовольствием наступаю на него тяжелым берцем. Легче от этого, конечно, не становится, но есть моральное удовлетворение.

От кучи строительного мусора шагает навстречу любитель пострелять из рогатки, на ходу отбрасывает в сторону банку с червями:

— Давайте мне женщину, Александр Андреевич!

6.

Я не люблю фотографироваться вообще и с женщинами, в частности. Нелюбовь эта не то чтобы врожденная, но давняя. В выпускном классе меня запечатлели как-то рядом с одноклассницей, Лидочкой Зикеевой. Я этот снимок носил при себе полтора года, до того дня, когда Лидочка вышла замуж вовсе не за меня. Тогда я стал вглядываться в фотку, чтоб понять, почему так случилось. И увидел, что у меня маленький рост, глупые глаза, кривой нос... В общем, много чего я увидел. Порвал снимок и развеял клочки по ветру.

Через два года после этого я женился сам, и парадные фотографии с этого торжественного мероприятия долго лежали в альбоме, пока их не забрала после развода жена. Одну, правда, оставила. Как же ужасно я там выглядел... Сжег ее в пепельнице, а потом эту пепельницу тщательно промыл.

Рассматриваю теперь еще две фотки, почти идентичные. Я стою у крыльца дома, а к моему плечу приникла женщина. На втором снимке хорошо видно ее лицо. Я поддерживаю женщину под локоть, а она направляется к "Вольво".

Теперь я знаю, кто фотографировал нас с Убожко в тот момент, когда Мария Петровна оступилась и поневоле прильнула ко мне. Набить бы морду этому фотографу и спросить, на кой хрен он это сделал, но генеральный директор фирмы "Экзо" Алексей Николаевич Сташков после моей рыбалки на

Пахре не являлся ни на дачу, ни домой. Его любовница и секретарша также не видела шефа с того самого дня.

С Убожко уже сняли большую часть бинтов, синяки тоже исчезли, смягчились черты лица. Потеплели и глаза.

Наверное, к женщине, выгашенной, можно сказать, с того света, надо относиться с большим доверием. А я все прикидываю, какие конкретно слова Марии Петровны могут быть правдой, а какие ложью.

— Я действительно готова была мужа убить, опостышел он мне, как... Но вот честное слово даю: когда меня вызвали с работы вниз и сказали, что Убожко при смерти, я чуть в обморок не грохнулась. Они предложили отвезти меня в больницу, я хотела было за сумочкой подняться, потом думаю — какая там сумочка, он же умирает! Села... И приехала в подвал.

— Вы даже не спросили, что за контору представляют приехавшие?

— Один из них махнул каким-то удостоверением перед глазами, сказал, что из милиции. Я, конечно, не вглядывалась и не вчитывалась, не до того было.

— Значит, сказали, умирает?

— Кто-то якобы ворвался в нашу квартиру, сначала избил Ивана Николаевича, а потом пристрелил.

Да, все было примерно так. На теле Убожко остались следы от ударов. Били, по всей видимости, железным прутом. Целили в первую очередь по рукам, зная, как опасно попасть под его тяжелые кулаки. Сила, по крайней мере в руках, у него еще оставалась.

— И что они хотели получить от вас?

Мария Петровна заворчалась, сморщилась от боли.

— Их с первых же минут интересовало только одно: где мог хранить сбережения Иван Николаевич. Еще когда в машине ехали, Сташков об этом говорить начал. Мол, бандиты всегда знают, кого грабить, а потому, госпожа Убожко, откройтесь нам, где у мужа был устроен тайник, в котором он держал золото. Надо же милиции знать, добились мерзавцы своего или нет.

— Сташков вел речь именно о золоте? Не о деньгах?

— Я этому тоже удивилась. Сказала, что у нас вообще из золота только цепочка на мне и обручальные кольца. Правда, до того, как мы расписались, Иван Николаевич еще перстень носил, но я не знаю, куда он делся.

— Вы о перстне тоже в машине упомянули?

— Нет, только сейчас о нем вспомнила. А в ма-

ДЕНЬГИ РЫЖЕГО ГАБЕНА

шине я о цепочке и кольцах сказала. И тогда второй, его Каблук почему-то звали, повернулся ко мне, усмехнулся так... Нехорошо усмехнулся, в общем. "Ты, красавица, стала жить с ним специально для того, чтоб знать, где и что лежит. И не вешай нам лапшу на уши. За стариков по любви замуж не выходят". Я тогда все еще была уверена, что эти двое из милиции, промолчала. Да и что могла ответить? Да, не по любви с ним сошлась, да, из-за квартиры, потому что жить негде было, так получилось.

— Но где-то ведь до встречи с Убожко вы обитали?

— Была комнатенка в коммуналке. Конечно, это только крыша над головой. Хотя меня сослуживцы осуждали и за то, что я ее продала...

— Продали?

— Убожко сказал: "Тебе эта конура не нужна, я прописываю тебя на своей жилплощади, при любом раскладе ты будешь в выигрыше". В смысле, если бы мы развелись, я бы претендовала на половину жилплощади, а если бы он умер... В общем, ясно, да?

Ясно-то ясно, да не совсем.

Если уж так невмоготу жилось Марии Петровне с мужем, то почему она не развелась с ним? Поделиться такую шикарную квартиру поровну — это действительно выигрыш.

Правда, для нее, конечно, лучше было бы получить все. Но этот вариант осуществлялся лишь при условии, что Иван Николаевич умрет. Или погибнет, но так, чтобы даже тень подозрения не пала на жену.

— Все деньги за проданную комнату вы что, отдали Убожко?

Женщина ответила не сразу. Она глядела мимо меня в окно. Может быть, собиралась с мыслями, прикидывая, какой ответ будет выгоден для нее.

— Отдала, но... Знаете, Александр Андреевич, с моей стороны это был, конечно, брак по расчету, однако поначалу у нас складывались очень даже нормальные отношения. В том числе и денежные. Убожко не ограничивал меня ни в чем. А что касается комнаты... Он сам нашел на нее покупателя, сам провернул все. Это были не Бог весть какие деньги. Я на себя большую часть их и потратила. На одежду, и потом, мы съездили в отпуск в Испанию... Нет, можно считать, что все деньги за мое жилище мне и вернулись. А в остальном... Муж получал еще пенсию, покупал доллары, на себя тратил мало, и деньги открыто лежали на полочке шкафа.

— Кстати, Сташков и Каблук подобный вопрос вам не задавали? О коммуналке?

— Нет. Мимоходом, правда, упомянули. Мол, у старика куча своих денег была, да еще твою комнату он продал.

— Откуда это они могли знать?

Убожко перевела взгляд на меня.

— Они, как это ни странно, многое знали, Александр Андреевич. Они знали, что накануне я ездила к вам. У них вот эта фотография была. И когда они начали уродовать мне пальцы...

Мне показалось, что глаза ее наполнились слезами, а женских слез я не переносю. Надо было прервать разговор, откланяться, с тем чтобы прийти позже, когда Убожко будет в форме, и я уже придумывала слова для прощания, но женщина прочла мои мысли и опередила меня:

— Погодите, не уходите, я сейчас успокоюсь. Лучше высказаться сразу, так и мне легче будет... Все. Так вот, на чем мы остановились?

Слезы застыли, и глаза теперь принадлежали Снежной Королеве.

— Вам начали бить по пальцам.

— Да. Но фотографии они показали до этого, когда еще прикидывались милиционерами. Каблук их передо мной бросил: "Вы встречались со своим любовником, вы уговорили его убить Убожко, разделить деньги. Ваш Беляев схвачен на месте преступления, но мы можем сделать так, что вся вина за содеянное ляжет на него и только на него, вы не пострадаете, но только в том случае, если скажете о тайнике".

— Дался им этот тайник! У них что, не было даже предположений, что Иван Николаевич мог хранить деньги на книжках?

— У меня такое впечатление, что они знали его странность. Убожко даже слышать ничего не хотел о сберкнижках, он говорил, что государство в любой момент может обмануть и ограбить всех.

— Мария Петровна, а разве вас не интересовал вопрос, где хранит свои богатства муж?

— Я не знала о них.

— Не знали?

— А почему вы удивляетесь?

— Потому что вы сами минуту назад говорили о браке по расчету.

Убожко невесело улыбнулась:

— Я правду говорила. Если у человека есть огромная квартира, дорогая машина — разве этого для брака по расчету недостаточно? А деньги... У меня хороший оклад, да и за комнату выручили. Только когда у нас ссоры начались, Убожко проговорился: мог бы тебя, мол, золотом осыпать, но поскольку не уверен, что ты не бегаешь налево, не спишь с Желнинским, то ничего тебе не оставлю.

— Вы об этой его угрозе Петру Федотовичу сказали?

— У нас с Желнинским нет секретов друг от друга.

— И как он отнесся к золоту Ивана Николаевича?

— Как надо. Рассмеялся. Когда я сказала, что тайник найду, посоветовал срывать кафель на полу в последнюю очередь. — Поймав мой взгляд, она тут же добавила: — Я это в шутку, конечно же, ему сказала. Ничего не искала и не думала искать.

— А бандиты вам, значит, не поверили?

— Значит, так, к сожалению.

— Это к счастью, Мария Петровна. Если бы они знали наверняка, что вы не в курсе, где муж хранит деньги, то немедленно избавились бы от лишнего свидетеля. Я бы вас на даче Сташкова не нашел.

— Значит, вы очень вовремя приехали туда. Спасибо вам!

Она коснулась забинтованными пальцами моей руки.

* * *

Михайлов, естественно, приехал вовсе не потому, что давно не видел старого друга. Пусть он вытаскивает из кейса коньяк и сельдь исландскую в винном соусе, пусть улыбается мне и говорит комплименты Светлане — меня не обманешь, я ведь знаю, о чем пойдет речь. Все о том же: "Спасибо, товарищ, за участие в нашем деле, ты нам здорово помог, но теперь вторгаешься в чужую сферу, а это чревато..." Ну и так далее. Да, еще он может упомянуть о том, что на Пахру я приглашал "рыбалить" Федю Гергеля, участкового, человека, стало быть, в погонах. Я и сам понимаю, что нехорошо это...

— Ты чего кислый такой, Саня? Я ведь со своей выпивкой, ты на меня не потратишься, не переживай.

— Да? Думаешь, мы ограничимся одной бутылкой? Думаешь, не придется нарезать ветчину?

— Вот оно, истинное лицо жадины! Светлана, как ты его терпишь?

— Ах, Миша, если бы ты еще знал, что он заживает ветчину, которую покупала я...

Начинается треп, я отвлекаюсь от черных мыслей и занимаюсь делами хрустальными. В том смысле, что достаю рюмки.

После третьей хочешь не хочешь, но разговор сворачивает в нужное русло.

Крока-Будко и Кэпа-Молчанова взяли в дачном подвале. Выскочить они оттуда, естественно, не смогли. К тому же Крокодил при падении повредил ключицу, пришлось гипс накладывать. Неаккуратно он как-то падал.

Раскальвается дуэт очень неохотно. Участие в убийстве Убожко оба отрицают. У Крока железное алиби, он в это время сидел с друзьями в ресторане гостиницы "Юность", официанты там его знают, могут этот факт подтвердить. Кэп напирает на то, что Сташков прихватил его с собой, когда шел в гости к старику Убожко, давнему своему корешу. Зашли в комнату — а там труп лежит и Беляев рядом крутится. Посчитали долгом захватить его, чтоб сдать правосудию...

— А откуда им была известна моя фамилия?

— Умный ты, Саня, сообразил. Мы ему тоже этот вопрос задали. Он, естественно, сослался на Сташкова: от шефа, мол, фамилию услышал. И пистолет тоже Сташков ему дал, говорил при этом, что оружие им приобретено на законных основаниях. А вот что форму милицейскую напялил — в этом виноват, кается.

— О форме уже неинтересно, Миша. Ты самое важное пропускаешь. Убожко убили из ствола, который я отобрал у липового мента?

— Нет.

— Я так и думал.

— И отчего же это у тебя такие думы возникли?

— Оттого, что Молчанов приехал в Москву всего полгода назад. А соучредители Сташкова по фирме "Экзо" погибли раньше. И первый, и второй застрелены в затылок из одного ствола. И я не удивлюсь, если ты сейчас скажешь, что эксперты... Скажешь?

Михайлов кивнул:

— Эксперты дали заключение: Убожко «замочили» из того же «макарова».

— Вот видишь, я не удивляюсь. Идем дальше. В убийстве теперь можно подозревать двоих: Сташкова и Каблука. Кто такой Каблук, не выяснили?

— Пока нет. Судя по описаниям свидетелей, в том числе и твоим, морда у него незапоминающаяся. А больше ничего не имеем. Если бы Каблук хоть пальчики в машине Сташкова оставил...

— А что, машину нашли?

— Скажем точнее: то, что от машины осталось. Ее сожгли за городом.

После четвертого госта я узнал, что позапрошлой ночью с двери Убожко сорвали печать и все перерыли в комнатах. Скорее всего опять искали золото. Работали аккуратно, не оставив следов.

После пятого... Нет, мы совсем не алкоголики, не подумайте. Просто рюмки оказались очень ма-

ленькими. И еще Светлана выставила на стол не магазинные, а домашние пельмени. Не надо говорить, что пельмени не идут под коньяк, а только под водку, не надо. Если бы вы попробовали...

Так вот, после пятого этот фрайер Михайлов меня расколол. Сказал, что дело, конечно, дохлое, что Сташков скорее всего уже слинял из Москвы, и больше никаких ниточек в руках нет. И если бы даже его сотрудники были такими умными, как Беляев, они бы ничего толкового не могли сейчас предложить, и потому остается только надеяться на авось. Каблук или Сташков могут попасться лишь случайно...

Беляева, то бишь меня, естественно, задело, что Михайлов о нем такого невысокого мнения. И Беляев расправил плечи и, пытаясь поймать на вилку скользкий пельмень, сказал:

— Миш, одна зацепочка есть. Маленькая такая зацепочка. Бандиты предположили, что я, как любовник Марии Петровны, могу быть в курсе того, где старик Убожко держал драгоценности. Потому меня и вызвали на его квартиру, правильно? Захватить и тоже пальчики покурочить. А потом шлепнуть. И в итоге что было бы? Убитый Убожко, мои и Марии Петровны следы на месте преступления, а нас нет нигде, так? Еще бы и фотографии, где мы с ней почти в обнимку, как-то всплыли. И следуя из всего этого, вы бы кого искать сразу кинулись?

— Ясно кого, — буркнул Михайлов, а я наконец-то усмирил пьяный пельмень.

— Я сначала думал, они дураки, Миша. А они видишь до чего додумались? Они многое знали и о старике, и о его жене.

— Еще наливать? — спросил Михайлов. — А то я что-то не пойму, к чему ты клонишь.

— А вот к чему. Они думали, что Мария Петровна мне душу раскрыла. Мы исходим из этого, да? И в то же время говорим, что бандиты почти все о ней знали. Чуть собачья получается... Миша, ты меня уже понимаешь?

Фрайер Михайлов, ничего не отвечая, поглаживал подбородок, и я решил раскрыть свои карты, чтоб сразить его:

— Миша, все было бы гораздо логичней, если бы бандиты сцапали не меня, а Желнинского, ведь так же? У них дружба — очевидная и долгая. Вот кому Мария Петровна могла открыться, а не Беляеву, которого она видела всего-то раз! Но я засветился в этом деле, и меня надо было грамотно подставить, а потом убрать. Чтоб и следов не осталось. Чтоб вы подумали: а вдруг...

На этот раз Михайлов проявил благоразумие. Он попросил Светлану закрыть уши и сказал мне:

— Хрен с тобой! Если хочешь, чтоб твою шкуру портили не моль, а пули... — Ну и так далее.

Я Мишку тут же заверил, что его красноречие мне совершенно до лампочки, поскольку в моем столе лежат деньги от покойника, и их надо честно отработать. А честно — значит, до конца, до последней копейки...

Потом мы совместно решили, что разговор идет не совсем в том ключе, в каком должен идти между друзьями, выпили мировую и расстались, с тем чтоб не забывать друг друга.

Михайлов вспомнил обо мне уже на следующий день. Мы встретились без бутылки. Хлебали в его кабинете горячий кофе и говорили о Крокодиле. О Геннадии Геннадьевиче Будко то есть. Но сначала вспомнили его любовницу Юлечку Кац.

Юлечку взяли за продажу наркотиков, на квартире обнаружили то, ради чего и устраивали обыск: яд. Расколоть девочку было нетрудно, потому как ранее дел с милицией она не имела и опыта в обращении с ней не наработала.

С ее показаниями познакомили Крока. Узнав, что только арест помог ему избежать смерти, Будко, конечно, руки милиционерам целовать не стал, но зато заговорил. Нет, никого он не закладывал, а сделал признание, что собирался убить Марию Петровну Убожко. С этой, в общем-то, целью и пригласил его на дачу Сташков. Когда у Крока спросили, на кой черт он подписывает себе приговор, тот ответил просто и понятно: "Раз Каблук захотел меня убить, значит, убьет. Лучше пересидеть это время".

Крокодил знал правила игры своей команды.

По врожденной своей глупости он допустил лишь одну ошибку: назвал Каблука. В дополнение к кличке, правда, не произнес ни слова, как его наши товарищи ни просили об этом.

— А как просили? — поинтересовался я.

— А ты бы как просил?

— Я бы... Я бы сказал, что Юлечка угостила бы цианидом своего ненаглядного лишь после того, как он расправится с торгашом, или кого он там должен был кокнуть? До этого ему опасаться было нечего.

— Считаю, что и наши товарищи то же самое ему изложили. Естественно, Крок сделал вид, что о приговоренном коммерсанте слышит впервые. "Мне на срок хватит и попытки покушения на жену Убожко".

— И что же дальше?

— Вот я тебя кофе и пою, чтоб сообразить, что дальше-то делать.

— Нечего было ценные кадры разгонять и зелень набирать... — забурчал я, но Мишка вежливо попросил меня заткнуться и не отвлекаться от темы.

Мы по новой вскипятили воду и развели еще по кружке кофе.

— Есть то, что диктует азбука. Начинать с нее?

— Валяй, — махнул рукой Михайлов.

— В силу всего вышесказанного в одну цепочку выстраиваются Крокодил, Каблук, Юлечка Кац и тот торгаш, который отказывается платить братве.

— Калашников его фамилия.

— Пусть будет Калашников. Так вот, цепочка эта сейчас некоторым образом разрушена, два звена из нее выпали, но два остались. Одно вам, так думаю, известно, известен и планируемый результат. Коммерсанта ведь все равно попробуют убрать, правильно? К нему и стоит приглядеться. Вполне допустимо, что рядом окажется Каблук.

— Признаюсь, был бы несказанно рад, если бы с Калашниковым рядом оказался Каблук, — хмуро проговорил Михайлов. — Калашникова прошедшей ночью... Понял, да? Но мы же не сторожа, мы не можем охранять всех и каждого!

Я присвистнул:

— Пуля в затылок?

— Какой ты умный. — Михайлов не отрывал взгляда от чашки с кофе. — В затылок, правильно. А нашли его сидящим в собственной машине, и машина эта стояла у подъезда дома, к которому ни Калашников, ни Сташков никакого отношения не имеют. Думаю, и Каблук живет совсем не там.

— Когда убили? Когда нашли?

— Медэксперт предполагает, что смерть Калашникова наступила около полуночи, а патрульная машина вневедомственной охраны наткнулась на "Форд" с ним в четыре утра.

— По вызову прибыла или действительно наткнулась?

— Тебе не все равно? — спросил Михайлов.

— Не все равно, Миша. Я не думаю, что с коммерсантом расправились прямо возле подъезда жилого дома. Если бы он заходил сюда, вы бы обнаружили труп возле лифта, на лестничной площадке. Убивали, значит, в машине. А зачем киллеру дополнительные риск и трудности? Вдруг бы Калашников как-то извернулся, укатил? Или из дома вышел бы кто-то из жильцов и все увидел? Нет, клиента привезли сюда уже холодненьким. Могли бы, конечно, в любом темном переулке "Форд" бросить, но зачем-то доставили к подъезду. Был, значит, в

этом определенный умысел. А вот какой, ты мне сейчас это расскажешь.

Михайлов уже который раз за нашу встречу невесело вздохнул:

— Мы, Саня, можно сказать, пацанов набрали, у которых ничего за спиной, кроме учебников, а в них не написано, что Калашникова могли катать мертвым с какой-то целью, как когда-то катали... Напомни фамилию, в твоей же практике было подобное дело.

— Это ни к чему, — сказал я. — А ты словно оправдываешься. Не надо. И давай не будем вспоминать прошлое, не за тем ты меня на кофе пригласил. Колись лучше, кого трупом напугать в том доме хотели?

— А черт его знает! Подъезд элитный, человек семь из него могли бы братву интересовать. Тут живут и замдиректора рынка, и владелец автосервиса, и руководитель подозрительного ТОО, сын генерала, который с высокой должности за растраты полетел, и тип, связанный с торговлей недвижимостью... Кому-то из них убийца и звякнул, скорее всего по сотовому, мол, выйди и взгляни, что тебя ожидает, если кочевряжиться будешь. Этот кто-то и вызвал милицию.

— Так вы знаете кто?

— Нет. На одиннадцатом этаже живет некий золотопромышленник, который находится сейчас далеко от Москвы...

— На кемеровской речке песок драгой моет?

— Он, думаю, из тех, кто драгу и в глаза не видал. Со студенческой скамьи только руководящие посты и занимал. Сынок одного бывшего российского губернатора. Отдыхать уехал в Африку, поскольку большой любитель охоты на слонов. Жена и ребенок живут на другой квартире, в центре Москвы. А эта, естественно, взята под охрану. И сигнализация сработала около четырех, когда кто-то сделал вид, что ломится в дверь. Это, конечно, имитация была, воры так не делают. Так или иначе, охрана без промедлений приехала. "Форд" ребятки, конечно, сразу заметили.

Мы помолчали. Кофе был допит, но в меня его вместились уже столько, что горьковато-сладкий привкус стоял в гортани.

— Калашников тем вечером сидел в ресторане, — продолжил Мишка.

— В "Юности"? — задал я вопрос и тут же пожалел об этом.

Но Михайлов, думая о своем, слава Богу, не придал моим словам особого значения:

— Нет, он был в центре, на Тверской. Работаем там сейчас.

На том мы, собственно, и расстались.

ДЕНЬГИ РЫЖЕГО ГАБЕНА

Ясное дело, никаких мудрых советов Мишка от меня и не ждал, а пригласил на кофе с одной целью: прощупать, не иду ли я по горячим следам.

Сказал он мне, конечно же, далеко не все.

Да ведь и я не лыком шит. После кофе язык за зубами держать умею.

* * *

Крокодил знает Каблука, и довольно неплохо. Во всяком случае, уверен, что тот хозяин слова.

Где они могли познакомиться? В зоне, к примеру. В бане, на стадионе, в пивбаре...

Но я ставлю себе вопрос несколько иначе: где Будко и Каблук, фамилия которого пока неизвестна, могли встречаться? На тусовках восточных? Вряд ли. У Михайлова там есть свои люди, и они по свидетельским описаниям такого человека в группировке не признали. Тем не менее, кажется, если судить по почерку, именно Каблук убивал Калашникова и сослуживцев Сташкова. Почему я думаю, что не сам Сташков? У хозяина фирмы "Экзо" имелось алиби на то время, когда кто-то дырявил затылки его компаньонов.

Вывод из вышесказанного? Пожалуйста: Каблук — птица залетная, приглашается в столицу для выполнения разовых заказов. В этом случае знают его очень немногие.

Крокодил знал.

Крокодил проводил время в ресторане "Юность", об этом он сам проболтался, когда говорил о своей непричастности к убийству Ивана Николаевича Убожко. Он утверждал, что в "Юности" ему хорошо знакомы все официанты. Так почему бы не предположить, что именно сюда заходит и Каблук?

Я сижу за столиком у стены, полупустой зал отсюда хорошо виден, но обольщаться надеждой на то, что вот сейчас войдет очередной клиент с мордой сукиного сына, ведшего со мной переговоры в квартире Убожко, не стоит. Да я, собственно, насколько на это и не надеюсь. Ах, вас интересует, зачем тогда я сюда зашел? Да затем, что сто лет не сиживал в ресторанах. Одинокие мужики поймут, какое это блаженство: вкусно кушать и знать, что после не надо будет мыть посуду.

Если вы действительно одиноки, то в ресторан лучше явиться уже подшофе, чтоб было раскованным тело и наглость светилась в глазах. Чтоб хватило духу остановить пробегающую мимо официантку, отпустить ей комплимент и пригласить по-

сидеть рядом, прекрасно понимая, что ей это не положено и она не разделит с вами ни трапезу, ни сердечную и половую озабоченность холостяка.

Женщине было под тридцать, смотрелась она так, что я ни капли не лукавил, назвав ее обворожительной и одарив восхищенным взглядом. Только кто же знал, что она может поменяться сменами и принять мое приглашение?

— Минут через двадцать освобожусь. Я все равно хотела отпроситься...

В ближнем от меня углу музыканты стали опробовать инструменты. Молодой краснощекий толстяк, лет двадцати, не больше, выдавал на бас-гитаре "Прощание славянки". Я выпил пока в одиночку рюмку водки и чуть было не стал ему подпевать. Парень словно почувствовал настроение клиента, перехватил мой взгляд, улыбнулся и подмигнул.

Желтые светильники действовали на меня успокаивающе и умиротворенно. Не раздражал даже сигаретный дым. Более того, душа не паниковала по тому поводу, что скоро за моим столиком появится собеседница. Я, правда, пока не представлял, о чем мы будем говорить, я был уверен, что на дежурные комплименты официантка ответит всего-навсего дежурной улыбкой, и это даст мне повод перекинуться с ней еще парой фраз. А потом попробовать кое-что узнать о Каблуке.

Но раз вышло иначе — что ж, найдем неадекватное решение.

— Мужчина скучает? — Крашеная блондинка наклонила передо мной свой стан так, что ее груди почти выпрыгнули из декольте. — Я обойдусь недорого, но зато ты можешь получить массу наслаждений.

Крокодил ничего не говорил о том, что в ресторане его знают и местные проститутки, потому я почти дружески дал голым грудям отбой:

— Увы, милая, я не один. Понаслаждаемся в другой раз.

Она сделала обиженное лицо, но я ее утешил:

— Только не занижай цену, ты выглядишь очень даже неплохо.

Дама благодарно улыбнулась мне и ушла охотиться дальше.

К музыкантам выскочила девочка лет семнадцати, в джинсах и сером свитере. Все на ней сидело в обтяжку, и я невольно залюбовался точеной фигуркой. Бас что-то сказал девочке и показал глазами на меня. Девочка вскинула в приветствии руку. Я на всякий случай улыбнулся и кивнул, но тут же огляделся, все еще думая, что музыкант и юная его знакомая обращаются не ко мне.

— А вот и я. — Официантка уселась напротив,

заслонив собой музыкантов. Без белого короткого передника и кокошника на голове она выглядела не так обворожительно, даже ножки стали вроде короче. — Я заказ себе уже сделала, сейчас подружка поднесет, так что не беспокойтесь.

Интересненькая ситуация, подумал я. Самое пикантное — уже известно, чем она завершится. Сейчас мы выпьем, потом потанцуем, потом надо будет приглашать даму домой или принимать ее подобное предложение. Ну не стану же я ей говорить о предписаниях врача, который никак не долечит мою рану?! Она ведь при этом задаст элементарный вопрос: на кой хрен в таком случае ты, гражданин хороший, звал меня за свой стол?

Делать нечего, придется покориться судьбе. Я решил это без малейшего сожаления в душе. Все будет просто и без потуг. Уж нам-то с ней никто не позвонит в неподходящую минуту, и никто не взорвет машину под окнами...

— Так о чем вы со мной хотели поговорить, Александр Андреевич?

Вы никогда не пробовали сразу после меда употребить горчицу? Нет, я тоже не пробовал, но сейчас ясно ощутил, что ничего хорошего в подобном контрасте нет. Главное — чтоб рожу сразу не скривить.

— Вы, наверное, не помните меня? Впрочем, если бы не помнили, не пригласили бы на беседу, я так понимаю. Правильно?

Значит, официантка с самого начала решила, что мент Беляев беспокоит ее по служебной необходимости, потому сменилась и прибежала. А этот самый Беляев губы раскатал, идиот!.. Вместо того чтоб мозгами пошевелить. Да, передничек и кокошник сделали свое дело, внимание мое отвлекли, но сейчас... Где-то я видел ее, но где? Уж точно, не в этом ресторане, поскольку захожу сюда впервые.

— Каким тебя ветром в "Юность" занесло?

— А что, я такая уж старая, чтоб в "Юности" работать? Мне лишь в вашей зачуханной кафешке место?

Ну вот, все в порядке. Эта женщина работала в кафе, куда я с товарищами бегал когда-то обедать. Товарищи были младше, величали меня по имени-отчеству, и она это запомнила. А я запомнил только один эпизод. Тогда в том кафе не наливали, мы принесли с собой бутылку, а она дала нам чистые стаканы.

— Считайте, Александр Андреевич, что я карьеру сделала.

— А я твое имя уже забыл.

— А вы, может, его и не знали. Я — Людмила.

Моложавая официантка подошла к нашему столу, поздоровалась со мной, поставила перед

Людмилой тарелку с жареной картошкой, бутылку минералки. По тому, как эта женщина на меня взглянула, я понял, что мою профессию она тоже знает.

— Я, Люда, человека одного ищу, вот и решил к тебе обратиться. Водку будешь?

— Нет, спасибо, я не пью.

Музыканты принялись за дело, заиграли на удивление хорошо, тотчас посетители повскакивали из-за столов, начались танцы,двигающиеся пары закрыли от меня певичу, а я хотел бы взглянуть на нее. Красивый голос, новая, наверное, песня. Наверное — потому, что я редко вслушиваюсь в тексты, а если начинаю вслушиваться, то понимаю, что я далек от искусства. Ну не понимаю и половины из того, о чем они поют. А когда понимаю, лучше не становится. Когда, к примеру, мужичок в микрофон на весь мир вещает, что если девочка его разлюбит, то он сразу помрет, я представляю этого двухметрового хлюпика сидящим в песочнице...

А вот тут все понятно. Тут — без лишних заумностей и смешных страстей:

*В паутине шумных улиц
Мы с тобою разминувшись,
Оборвали нашу нить —
Так кого же в том винить?*

— Все мы ищем одного человека. — У Людмилы, видно, тоже было лирическое настроение. — И что, вам без него никак-никак не прожить?

— Без него бы как раз лучше было, — проворчал я. — Посмотри, это не фотография, а монтаж. Лично мне кажется, Каблук на самом деле выглядит постарше.

Официантке, я так понял по ее сразу же настрожившимся темным глазам, хватило уже того, что была названа кличка, и она, лишь мельком взглянув на снимок, вложенный мною в ресторанный меню, тотчас вернула его.

— Александр Андреевич, я не хочу играть в ваши игры. Мне тут очень даже нормально платят.. И вообще, это нехорошо: выдавать постоянных клиентов заведения. В том плане нехорошо, что мне потом и милиция не поможет. — Она болезненно улыбнулась. — Этого человека я не знаю.

— Ладно. — Я выпил полрюмки водки медленно, как пьют десертное вино. — Значит, постоянного клиента ресторана ты не знаешь. И на том спасибо.

Людмила прикусила губу.

— И Гену-Крокодила не знала?

ДЕНЬГИ РЫЖЕГО ГАБЕНА

— Я сказала, что могла. Не спрашивайте больше.

— Забудем о делах. Пойдем потанцуем?

Глаза ее стали удивленными:

— Потанцуем?

— Потанцуем, а потом закажем шампанское.

Шампанское-то ты пьешь?

*Ничего теперь не скажешь,
Ничего теперь не свяжешь,
Хоть держу я нить в руке —
Узелок на узелке.*

— Только не импортное. — Она положила мне руки на плечи. — Но я сразу хочу сказать, Александр Андреевич. Вы ни на что не рассчитывайте.

— В том плане, что я тебя хотел бы пригласить домой на кофе?

— Нет, я в плане вопросов. А на кофе надо было раньше приглашать. Да вы и не пригласите. У вас сейчас другое в голове.

— Истинный мужчина всегда должен думать только о женщине, — перешел я на смелый шепот.

— Он ее должен любить, а не покупать, Александр Андреевич.

— Так ты считаешь...

— А что же мне еще считать? Что вы будете всю ночь стихи читать, а не о Каблуке расспрашивать?

*Понимаю, понимаю,
Что весна — она лишь в мае,
И сирень в моем дворе
Не зажжется в сентябре.*

— Послушай, — сказал я. — Послушай, ответь только на один вопрос. Если кто-то сейчас видит, что мы с тобой разговариваем, танцуем... Понимаешь, Каблук знает меня в лицо, и он может предположить, что я его ищу...

— Его сегодня нет. У него, между прочим, столик рядом с вашим, и сидит он всегда так же, как вы сейчас: спиной к стенке... Вот я его и продала. И не надо приглашений на дом и кофе. И шампанского сегодня не надо, ладно?

*Все проходит, и уходит
Детской сказки пароходик,
Но на пристани сажу,
Узелки на нить вяжу.*

— Послушай, Людмила. Он, конечно, узнает, что к тебе приходили из милиции. Наверняка узнает. Ты и не скрывай этого, поняла? Если кто будет спрашивать, говори только правду, можешь даже меня назвать, в этом нет ничего страшного. А интересовался я вот чем: знаешь ли ты Крокодила и сидел ли здесь этот тип около четырех дня в прошедший четверг, понятно?

Именно в тот день и в такое время был убит Иван Николаевич Убожко.

— В четверг была не моя смена.

— Ответ принимается. Сегодня, выходит, нет никого из тех, кто работал в четверг?

— Ну почему же. Клавдия была и Шура.

— Вот и отлично. Ты подзови их к нашему столику. Пусть и они будут в курсе того, что меня интересует. А пока поговорим все-таки о кофе. У меня дома есть бразильские зерна...

— А у меня сын и муж.

— Вопросов нет.

— Вот пять лет назад, Александр Андреевич, когда вы ходили на обеды в кафе и когда я на вас пялила глаза, у меня не было ни мужа, ни сына.

— Выходит, уже сентябрь, — сказал я.

— Сентябрь? А, это как в песне. Девочка сама эти песни поет. Славная такая. Ее Оксаной зовут. У нас ее все любят.

Музыка стихла.

Я посмотрел мельком на Оксану, ту самую девочку, которая крутилась возле музыкантов в джинсах и свитерке. Теперь она была в коротком платьице, прорезанном, как школьная форма моих одноклассниц. Платьице ей шло. Мне Оксана тоже кого-то напомнила. Так и не понял кого. Из мая, а не из сентября. Девочка, кажется, смотрела на меня и улыбалась. Ну конечно же, это мне так хочется, чтоб она смотрела на меня.

Потому и кажется.

Я выпил еще рюмку водки.

Потом Людмила познакомила меня с Клавдией и Шурой, они зарделись от моих нетрезвых комплиментов, сказали, что Гена-Крокодил в четверг обедал тут, и мы расстались.

Метро было рядом, но спускаться в подземку не хотелось, потому что тут, наверху, цвела сирень и в открытую форточку из ресторана лилась музыка.

— Эй!

Я оглянулся на дверь, из которой только что вышел. С порожка сбегала Оксана.

— Вы не помните меня?

Я глупо улыбнулся.

Она засмеялась:

— Мы же с вами целовались еще, в парке.

— Когда? — задал я вопрос, по глупости равный улыбке.

— Недавно. Вы там прогуливались с красивой такой женщиной, а мы играли.

— Холодно-холодно-горячо?

— Ну да.

— Вы мне тогда показались совсем ребенком.

— Мне уже девятнадцать. А я, между прочим, вас сразу узнала. И Ленчик узнал. Он у нас бас-гитарист.

Она опять была в свитерке и джинсах.

— Концерт окончен? — спросил я, кивнув на свещающиеся окна ресторана.

— Да. Меня пока только на разогрев публики приглашают. На одну-две песни. Потом приходит профессионалка.

Я хотел было сказать, что Оксана пишет замечательные песни, но передумал.

— А мы, наверное, в одной стороне живем? Или вы в наш парк случайно тогда забрели?

— Это я случайно в "Юность" забрел, а живу действительно недалеко от парка.

— Вот и хорошо. Вы меня проводите?

Я взял ее под локоток и тотчас почувствовал себя мудрым, старым и добрым наставником молодежи.

— С удовольствием. Только на метро ехать не хочется. Пойдем на трамвай?

— Я сама тоже на трамваях чаще езжу. Через две остановки пересадка — и там уже до конца.

— Вы пишете умные и грустные песни. — все же сказал я.

— Это одно и то же: ум и грусть. А вы чем занимаетесь?

Мне понравились ее слова — слова философа.

— А я занимаюсь тем, что ищу людей.

— Так и знала, что у вас какая-то необычная профессия. А кого конкретно ищете?

— Каблука. — это вырвалось у меня скорее автоматически.

— Фи, — сказала Оксана разочарованно. — Нашли объект. Чем это он вас заинтересовал?

— А вы его знаете? — насторожился я.

— Немного. В ресторане Лана Хрусталева поет, а он ее... Друг, или спонсор, или... Даже не знаю, как назвать. Скучный и хмурый. Богатый, правда.

— И все же хотел бы я с ним познакомиться. У нас, кажется, есть общие интересы. Где он живет, не знаете случайно?

— Не знаю. Но когда появляется в ресторане, то уезжает отсюда с Ланой. Я могу у нее спросить.

— Ни в коем случае, Оксана!

7.

Когда Светлана вернется от Зинаиды Мозговой, обязательно спрошу ее, правда ли, что древние философы доходили до истин вселенского масштаба, созерцая собственный пуп. Это я в какой-то популярной книжке вычитал. Выходили, значит, бородастые мужи в чистое поле или на пустынный берег

океана, обнажались, глазели туда, куда я сказал выше, и вот тут на них снисходило...

Океан от меня далеко, безлюдное поле тоже, пупок, правда, в пределах видимости, но, думаю, та книжка врет, и ответов на свои вопросы при помощи стриптиза я не получу. У меня для этого есть проверенный способ: карандаш, бумага, корзина для мусора. Рисую, комкаю, бросаю.

Так, сия кривая рожа будет означать Крока. От него тянем одну линию к Сташкову, а другую — к Каблуку.

Вот эту другую я уже могу объяснить. Вернее, мне ее объяснил Михайлов.

Последний срок Геннадий Будко, он же Крок, мотал на Урале, и в той зоне сразу же признали выполненный по описанию свидетелей портрет Каблука. Каблук досиживал там по "мокрой" статье, фамилия его была Федоров. Откуда появилась такая кличка, я не знаю, да это и не важно. Важно другое.

Сташков Алексей Николаевич со своей странной фирмой "Экзо" и компаньонами в результате хитрой комбинации проворачивает крупное дельце, срывает куш... Дальше-то что? Дальше у него появляется желание избавиться от компаньонов, он делится своими мыслями с Кроком, тот делает вызов дружку, Федорову...

Но тогда при чем тут Иван Николаевич Убожко?

Я рисую старика.

Со Сташковым он связан слабенькими родственными узами: являлся мужем его двоюродной сестры. Являлся в то время, когда "Экзо" теряло две трети своих учредителей.

Может, он тоже имел какие-то финансовые дела с этой странной конторой, получил свой кусок? И свою пулю?

Я провожу пунктир от Убожко к Сташкову. Был ли Иван Николаевич в доле, получал ли деньги от родственника жены — это надо выяснять. Хотя, вспоминается, мне он говорил, что деньги ему помогла заработать Зинаида Мозговая.

Тогда при чем тут Мария Петровна?

Ее соединяем только с мужем. Предполагаем следующее: бандитам она понадобилась лишь для того, чтоб указать, где Рыжий Габен прячет сбережения. Так, кстати, и сама женщина говорит.

А почему только с мужем соединяем? Если изобразить Желнинского... Вот так. Желнинский знает от сослуживицы, что у той муж богач, и тоже каким-то боком вмешивается в игру. Бок этот пока не просматривается, но исключать такую возможность не стоит...

Тут тупичок. Холодно, как сказала бы Оксана. По последним предположениям, надо тянуть прямую

ДЕНЬГИ РЫЖЕГО ГАБЕНА

от Желнинского к Кроку и Каблуку. Но связь между этими людьми мне видится весьма странной. Я о ней уже говорил Михайлову. По логике вещей, убийцы должны были вместе с Марией Петровной пытаться и ее дружка в надежде на то, что он кое-что знает. А они вместо этого вышли на меня.

Нарисую себя...

Чушь собачья!

Я комкаю лист, собираюсь швырнуть его в корзину, но потом распрямляю и откладываю в сторону.

Пусть отлежится. Там что-то есть.

Творим все заново. Каблук, то бишь Федоров. По просьбе Сташкова Крок приглашает его в столицу, тот приезжает, убивает двух соучредителей "Экзо", потом Убожко, потом уже выполняет задания восточной банды и справляется с Калашниковым. Вполне возможно, это не последняя смерть, и кто-то получит пулю в затылок из того подъезда, у которого была припаркована машина с мертвым коммерсантом. Но по этой версии работают люди Михайлова, мне сюда лучше не соваться.

У меня задача более скромная, но не менее трудная. Надо ответить на вопрос: кому и зачем понадобилась смерть Ивана Николаевича Убожко? Сташкову? Холодно, не видны мотивы. Желнинскому? Вдруг он действительно любит Марию Петровну и вместе с ней написал этот сценарий... Нет, тоже холодно, у газовика не просматривается связь с исполнителями. Тогда надо допустить, что и жена, и Желнинский, и Сташков с Каблуком и Кроком действовали заодно. Но если так, зачем женщине уродовали пальцы? Уж не в расчете ли на то, что я ее обнаружу, и раны будут ее алиби? Бред собачий!

Бред...

Откуда все-таки у Убожко могли появиться большие деньги?

Вот тут собака зарыта, вот тут!

Перед тем как пристрелить, его били. Скорее всего пытали, хотели получить информацию о тайнике.

Марию Петровну захватили, потому что рассчитывали на ее осведомленность в этом вопросе. Меня хотели убраться, потому что чувствовали: начну копать...

Нет, не надо им было меня убирать и вызывать на квартиру к убитому не надо было. Они ведь знали, в каком направлении я бы пошел. Я бы первым делом заподозрил госпожу Убожко, искал бы именно ее. И не найдя, был бы уверен, что она убила мужа, завладела его денежками и смылась. На этом бы, вполне возможно, поставил точку...

Черт, надо купить еще пачку бумаги.

* * *

Зашла Светлана.

— Что-то ты быстро от портнихи вернулась.

— Мне надо было только забрать готовые блузки. К тому же, Зинаида спешила, ждала приезда такси.

— В булочную собралась? Или "наши люди в булочную на такси не ездят"?

Светлана остановилась у телефона:

— По-моему, тебе надо позвонить Михайлову.

Я привстал из-за стола:

— Что случилось?

— У Мозговой в коридоре упакованные чемоданы. Она мне сказала, что собралась на отдых к морю, на две недели...

— А ты ей почему-то не поверила?

— Да. Саша, если бы я ехала к морю, я бы не набирала с собой столько вещей. У нее раньше на стене часы дорогие висели, так даже они сняты. И полки пустые, где сервиз стоял.

Мозговую, я это уже знал, приглашали на допросы в связи с убийством ее бывшего мужа. Вопросы задавали самые общие, но, наверное, она почувствовала, что общими не ограничатся.

Я снял трубку...

Михайлов меня утешил:

— Мы знаем даже рейс, которым собирается вылететь Зинаида. Всем соседям сказала, что отправляется в Сочи, а сама держит курс на Челябинск.

— На Челябинск? На родину Каблука?

— Мы тоже немного удивились. Родственников в Челябинске она не имеет. А уезжает, по всей видимости, навсегда. Нашла квартирантов, завтра они уже к ней вселяются, заплатили деньги за год вперед.

— Тут могут быть нюансы, Миша. Я думаю, покидает Зинаида Москву не по своей воле. Кто-то боится, что раз милиция ею уже заинтересовалась, как бы Мозговая не сболтнула при расспросах что-то лишнее.

— Потому тут она под нашим контролем сядет на борт, а там ее тоже встретят товарищи.

— Сташкова не нашли?

— Пока нет. А почему это ты спрашиваешь только об одном Сташкове? Тебя что, Федоров совершенно не интересует?

А вот тут у вас кишка тонка, усмехнулся я. Про себя, разумеется. Зачем дразнить друзей?

— Естественно, интересует. Есть новости?

— Пока работаем над подъездом, у которого бро-

силы убитого Калашникова. Выясняем, кому намекали на возможность подобной расправы.

Я пожелал Мишке успеха и опять злорадно хихикнул.

К Каблуку у меня был другой путь.

* * *

Киллеры-профессионалы работают совсем иначе. Прибытие — полный расчет — выстрел — отбытие. Да, деньги они берут вперед и редко когда подводят заказчика, потому как дорожат своей репутацией. Убийцы рангом помельче поначалу довольствуются авансом... Впрочем, я не о деньгах, а о самой схеме. Обычно в тот же день, в который завершена, так сказать, работа, киллер покидает место преступления.

Каблук-Федоров в Москве явно подзадержался.

Со своими жертвами он расправлялся слишком уж одинаково, а почерк надо время от времени менять.

О его непрофессионализме говорит и то, что действовал он, как, к примеру, в квартире Убожко, не самостоятельно.

Но от всего этого легче не становится. Овце все равно, кто ее терзает: дурной волк или мудрый тигр. Не все равно пастуху. Ибо он знает: есть звери, которые сходят с ума от запаха крови и теряют чувство страха. И пастух переживает за стадо: что, если это был зверь из таких?

Вчера из Москвы-реки выловили труп Сташкова. С дыркой в затылке. Вам это о чем-нибудь говорит? Мне говорит. Каблук уже исполняет не чьи-то, а свои собственные задачи. Сам их ставит, и сам исполняет. Такой человек становится непредсказуемым.

Он мог убить и Мозговую. Слава Богу, что перевернул это своим челябинским друзьям.

Их повязали на квартире, куда была доставлена Зинаида. У нее уже отобрали деньги, вещи, ее уже распяли на кровати, чтоб насладиться столичной бабой перед тем, как вывезти в тайгу и сбросить в пустыющий карьер.

Мозговая начала давать показания, ничего не так.

Почему согласилась ехать в Челябинск? Каблук дал ей ордер на тамошнюю квартиру в новом доме — три комнаты, улучшенная планировка. Отчего же не согласиться? Он вручил ей и паспорт с ее снимком, но на другую фамилию, и все деньги, ка-

кие у нее были, позволил взять с собой. Зачем это надо было Каблуку? Чтоб милиция не приставала. "Ты у них под колпаком теперь все время будешь", — сказал Федоров ей.

Ордер, ясное дело, был липовым. В Челябинске не существовало не только дома, указанного в нем, но и улицы с таким названием.

Итак, Мозговая начала говорить, и я понял, что мои схемы на листках были не такими уж и бредовыми.

"Экзо" действительно повезло, деньги пришли большие. Именно Сташков придумал выигрышную комбинацию, и ему было жалко делиться с компаньонами. Тогда он замыслил еще один ход. Простенький, но со вкусом.

Когда Сташков и его помощники получили наличку, они решили этот успех отметить в своем офисе. Подъехали к магазину на тихой безлюдной улочке. Сташков с одним из дружков пошли за покупками, другой остался курить возле машины, где на заднем сиденье лежал кейс, набитый деньгами. Этого другого вырубил мощным ударом один из редких прохожих, сел за баранку, повернул оставленный в гнезде ключ зажигания...

Машину нашли на соседней улице, естественно, без денег.

Проходим этим был Иван Николаевич Убожко.

Подвела Сташкова суцая безделица. Он в свое время гулял на свадьбе Убожко с Мозговой и держал дома снимок, который случайно попался на глаза тому, кто не заходил в магазин. Компаньон узнал старика. Слава Богу, он не поднял шум, сказал только Сташкову: все, мол, понимаю, третьему ничего не скажу, но со мной делиться тебе придется. Вот тогда Сташков, работающий под "крышей" восточных, обратился за помощью к Кроку...

Когда кое в чем начал сомневаться второй соучредитель, пришлось убрать и его.

Деньги все это время хранились у Убожко, который до всей этой истории был вроде нормальным мужиком, а тут ему словно вожжа под хвост попала. Купил "Вольво", стал пить только виски, в разгул ударился, хоть "мужское хозяйство" было уже под стать возрасту. И еще проснулась у него дикая ревность, прямо-таки закомплексовал. На этой почве и ушла от Ивана Николаевича Зинаида.

О деньгах до той поры она ничего не знала, даже кейс с ними не видела.

А узнала от Сташкова. Тот пошел их забирать: кейс на коды заперлся, человеку несведущему его открыть невозможно. Так вот, взял Сташков кейс, открыл его при Убожко — пачки долларов вроде как лежали, так и лежат. Начал их вытаскивать, а это — куклы. Купюры только сверху, дальше — газета на-

ДЕНЬГИ РЫЖЕГО ГАБЕНА

резанная. Сташков в те дни сам не свой ходил. Старика, конечно, обвинять ни в чем и не думал, всю вину приписал фирме, которая с ним расплачивалась, а та лопнула, человек, который непосредственно с ним рассчитывался, уже за границей.

На том бы все и закончилось, тем более что двоюродный брат Мозговой был все-таки талантом, по новой сумел капитал сколотить. Но как-то от нечего делать взялся рассматривать содержимое того кейса и вдруг обнаружил, что нарезаны куклы из газет, выходявших позже того дня, в который производился расчет. Объяснение этому могло быть одно: Убожко лазил в кейс. Вот тогда-то и закрутилась карусель.

Сберкнижек Иван Николаевич не признавал, у него погорели кое-какие вклады при Гайдаре. Ремонт квартиры он затеял еще при Зинаиде, а заканчивал уже при новой жене, при Марии. Сам паркет перестилал, обои переклеивал... Сташков и решил, что деньги упрятаны под паркетом.

Если верить Мозговой, ее родственник поначалу хотел договориться с Убожко по-хорошему: разделить деньги пополам. Но тот отказался. А новой жене все же проговорился, что деньги у него есть большие...

До этой минуты я выслушивал Михайлова, пересказывавшего мне эпизоды допроса Мозговой, молча, но тут не выдержал:

— Погоди. А откуда Сташкову стало известно, о чем старик говорил с Марией Петровной?

— Повторяю лично для тебя: Сташков — голова! Зинаида показала, что он серьезнейшим образом собирал материалы о госпоже Убожко, таким способом вышел на Желнинского, встретился с ним и узнал, что старик рисовал молодой жене горы золотые. Все понятно?

Я почесал затылок.

С одной стороны, вроде понятно. А с другой... Желнинский в разговоре со мной почему-то ни словом не обмолвился о встрече с человеком, интересовавшимся Марией Петровной. Это — раз. И два — Сташков лишь однажды встретился с инженером-газовиком и сразу же поверил, что тот не в курсе, где хранит свои сокровища Убожко. А вот женщине почему-то не поверил, пальцы ей калечить начал. Так обычно поступают, когда уверены, что жертва кое-что знает...

Ай да Желнинский, ай да верный друг! Взял и заложил женщину бандитам. Не пыточными же щипцами его за язык тянули!

После того как мы расстались с Михайловым, я тут же позвонил на работу Желнинскому. Трубку сняла женщина.

— Соедините с Петром Федотовичем.

Я уже научился говорить таким тоном, что секретарши не спрашивали меня, кто я, откуда и зачем это мне понадобилось их босс.

— Петр Федотович уже три дня как в отпуске.

— Он же вроде не собирался, — попытался я проявить свою осведомленность. — На охоту кто пригласил, что ли?

Женщина, почуяв во мне своего, разъяснила:

— Какая в мае охота? Он же, вы знаете, всегда осенью отпуск и брал, чтоб пострелять. И на этот год у него сентябрь-октябрь запланирован. Но уехал внезапно. Мать у него заболела.

— А он ее разве к себе не перевез?

— Знаю, собирался. Но она пока еще в Челябинске...

Я очень медленно, аккуратненько положил трубку.

Сколько, интересно, живет в Москве представителей столицы Южного Урала? Поди, сотни, а то и тысячи. Не станешь же всех их связывать с именем головореза Каблука только потому, что они когда-то ходили с ним по одним улицам.

Но тут случай особый.

Челябинец Федоров встречается с челябинцем Желнинским в московских закоулках, и они находят общую тему для разговора.

Я уже, кажется, говорил, что не доверяю подобным совпадениям?

8.

Не зря все-таки поработали ребята Михайлова в подъезде того дома, у которого был обнаружен автомобиль с трупом Калашникова. Честное слово, не зря.

Вот читаю рукописные признания и думаю, что неплохо было бы проиллюстрировать его теми рожками, которые я набрасывал недавно на листе бумаги и соединял меж собой линиями и пунктирами. Там бы еще одного героя изобразить...

“Я, Сафиуллаев Рафик Сафиуллаевич, 1962 года рождения, татарин, образование высшее, специальность — инженер газового хозяйства, место работы — продавец на рынке, добровольно сообщаю о себе следующее.

В силу возникших материальных трудностей я три года назад, с июля 1994 года, вынужден был оставить низкооплачиваемую работу и заняться

скупкой и дальнейшей реализацией изделий из драгметаллов, за что в этой среде получил кличку Рыжий Каин...”

— Хорошо сказано! — Я делаю глоток крепкого кофе и перевожу взгляд на Мишку, перелистывающего за столом свои рабочие бумаги. — Человек в силу материальных трудностей вынужден скупать золото. Чего только от нищеты не сделаешь! Кто попрошайничает, кто бутылки пустые собирает, кто — золотишко в дырявый карман укладывает. Жизнь! А кличка у него, кстати, хорошая, звучная.

— Золото он покупал у воров по цене, как понимаешь, договорной и вовсе не запредельной... Впрочем, ты читай, читай, мнениями потом обменяемся, — довольно ворчит Мишка и продолжает делать вид, что страшно занят.

Обменяемся, обязательно.

“Около двух лет назад, примерно в середине марта 1995 года, я встретился со своим старым знакомым, Желнинским Петром Федотовичем, который тоже занимается таким бизнесом. Он мне подсказал, что есть у него на примете человек с большими деньгами, который, может быть, не прочь будет купить золото оптом, только надо к нему найти подход. Звали того человека Убожко, мне его Золотарь, он же Желнинский, показал издали при случае...”

Я прикрыл глаза, спросил расслабленно:

— Миш, а у тебя покрепче кофе ничего нет? Я бы сейчас вмазал граммов сто.

— Ну ты даешь! Ты, милый, забываешь, что не дома у меня сидишь, а в служебном кабинете. Память коротка, да? Когда ты тут штаны протирал, то разве пил что-либо, кроме кофе?

— А как же. Во-первых, чай с мятой, который Коленька Кислов в термосе из дому таскал, а во-вторых, в сейфе у меня всегда стояла бутылка для почетных гостей. Для тех, кого я уважал. В нужную минуту я эту бутылку вытаскивал...

— Правильно сделали, что тебя выгнали, алкаш! — Михайлов встал из-за стола и пошел к шкафу.

— Меня не выгнали, я, да будет тебе известно, уволился по собственному желанию... А на закуску у тебя ничего нет?

Михайлов вытащил из шкафа початую пузатую бутылку коньяка, поставил ее передо мной, сказал уже без ёрничества:

— Алена знала, что ты сегодня у меня будешь, бутерброды с сыром положила. Если тебе этого недостаточно, из буфета еще что-нибудь принесем. Впрочем, есть печенье и шоколад.

— Кроме бутербродов, ничего и не надо... Поделись опытом, как же вы, елки зеленые, распотро-

шили этого Рыжего Каина, а? С чего это он песни петь начал?

Мы выпили, не поморщившись, из тонкостенных стаканов, и Мишка ответил:

— А ты читай дальше, все сам поймешь.

И я стал читать.

“Как-то я подкараулил Убожко у магазина и предложил ему купить у меня золотые часы с золотым браслетом, сказал, что не хватает денег на подарок любимой женщине. Сдал все на блат, то есть попросил с него немного, себе в убыток. Он купил. Так мы познакомились, и в течение двух месяцев, до майских праздников, я продал ему товара примерно на 250 миллионов рублей.

Больше мы с Убожко не виделись, не вели о нем речь и при встречах с Золотарем. Но вот десять дней назад на меня вышел Каблук, сказал, что у меня слишком много денег и что надо с ним делиться, иначе приму девять грамм. Когда я спросил, откуда у него такие сведения, что у меня есть деньги, он напомнил мне об Убожко. Потом я переговорил с Желнинским. Желнинский сказал, что Каблук — отморозок, для него никакие законы не писаны, он вправду может пришить, и посоветовал откупиться. Однако денег таких, какие требовал Каблук, 30 миллионов, у меня не было, так как я их все пускаю в оборот, и я просто стал избегать встреч с ним. Но когда возле дверей подъезда Каблук оставил машину с покойником и позвонил мне, сказал, что я тоже так закончу, я понял, что навечно от него не спрятаться.

Где проживает Каблук, не знаю. Раньше я с ним не контактил, в столице он вообще фигура залетная.

Зачем Убожко столько золота и где он его собирается хранить, об этом у нас речь ни разу не заходила.

Я скупал золото на вокзалах у незнакомых людей, два или три раза — у Песочника...”

— Ты смотри, домашнего пнифера Песочника выдал, — хмыкнул я.

— Благодаря нашим стараниям, — сказал Михайлов. — Ребята якобы нечаянно проговорились при нем, что кое-что из обнаруженного на квартире Убожко принадлежало тем лицам, которых чистил прославленный столичный домушник. Делая такое признание, Рыжий Каин почти ничем не рискует. Песочник сейчас срок мотает, и уселся надолго. Дальше, кстати, можешь не читать, ничего, по сути, там уже нет.

Михайлов вытащил бутерброды, разложил их на тарелке, вопросительно посмотрел на меня, и я налил в стаканы еще по двадцать капель.

ДЕНЬГИ РЫЖЕГО ГАБЕНА

— Испугался, значит, парень отморозка. Или узнал, что тот Сташкова порешил? За что, кстати?

— Так с отморозка какие взятки? — Михайлов пожал плечами. — Раз Убожко не отдал деньги родственнику бывшей жены, то можно предположить, что Сташков обещал, да не расплатился с Федоровым, вот за это пулю и схлопотал. А может, испугался чего-то киллер, ликвидировал своего заказчика. Или бабу не поделили. Или просто стал бешеным. Издержки производства... Братъ надо Каблука, и как можно быстрее.

— Да, — согласился я, тщательно разглядывая доньшко кофейной чашки.

— Мы пили растворимый, — сказал Михайлов. — А у тебя такой вид, будто собираешься гадать на кофейной гуще. Нет ее там.

— В самом деле, — вынужден был согласиться я.

— Колись давай: сел на хвост Федорову, да?

— Если бы я смотрел в потолок или даже в твои честные глаза, ты бы все равно задал мне этот вопрос.

— Сань, ты стрелок не перевод, ты на вопрос отвечай.

Ах как трудно врать лучшему другу!

— Мы ведь, Саня, договаривались играть в открытую. Я слово держу, как считаешь?

Нечего делать, нечего.

— Миша, мне пока хвастаться нечем, честное слово. Была маленькая зацепка... Каблук с певичкой одной встречается, иногда приходит на ее выступления. Но — иногда! Я уже неделю там дежурю, пока безрезультатно.

— А ты каких результатов ожидаешь? Может, дырку в затылок?

— Нет, я в последнее время страдаю только от женщин.

— Брось, Саня! Ты все-таки отдавай себе отчет, с кем дело имеешь.

— Понимаю. Если уж Крок добровольно в тюрьму лезет, чтоб с Каблуком не встретиться, то это о чем-то говорит.

— Каблук — не все. — Он положил передо мной газету. — Понимаешь, у нас есть свой человек среди восточных, я тебе уже говорил об этом. Хотел я через него на Каблука выйти, но Федоров, оказывается, порвал сейчас все связи с бандой. Более того, там этого отморозка тоже приговорили, после смерти Сташкова, которому восточные делали "крышу" и от которого неплохо кормились. Читай.

Маленькая заметочка занимала всего десять строк, я бы никогда не обратил на нее внимание. Такой информации сейчас пруд пруди:

"Очередная бандитская разборка произошла вчера в районе метро "Планерная". На дороге вне-

запно и резко остановился темный "Опель", из него выскочили двое парней, на ходу вытаскивая оружие. Скорее всего они хотели расправиться с одним из пешеходов, которого увидели через стекло. Но потенциальная жертва оказалась проворнее "охотников". Это был мужчина, на вид лет сорока пяти. Он первым произвел два выстрела, тяжело ранив обоих нападавших, потом вскочил в их же иномарку и скрылся с места происшествия. Машины нашли, естественно, брошенной через два квартала".

— Один из этих боевиков в спецназе служил, Чечню прошел. Другой — спортсмен, мастер спорта. А ты после ранения... Соображаешь, к чему я клоню?

— Соображаю, — поник я головой. — Намекаешь, чтоб я не выпендривался.

— Выкладывай, где дежуришь. Не бойся, мои парни тебе не помешают. Лично инструктировать буду.

— Что ж ты так за меня переживаешь...

— Нужен ты мне больно. Просто я понимаю, что когда он тебя шлепнет, то тогда уж точно убежит отсюда подальше. Знает, что гибель своих менты не прощают.

— Значит, я еще ваш?

* * *

Мария Петровна Убожко принимает меня уже у себя на дому.

По ее настороженным глазам понимаю, что она теряется в догадках, на кой это черт я напросился к ней в гости.

Пьем чай и поначалу говорим о здоровье.

Еще не сошла желтизна с кожи, еще непослушны разбитые пальцы.

— А работы видите сколько прибавилось? Плин-туса сорваны, паркет, даже обои кое-где. Ведь кто-то влез в опечатанную квартиру...

Скорее всего, думаю, это был Сташков. Ему предстояло рассчитаться с Каблуком, а все деньги он вбухал в строительство особняка на Пахре... Не нашел тут золота Сташков, потому и угодил в Москву-реку.

Но куда все же подевал свои сокровища старик?

— Мария Петровна, не припомните, в марте-апреле девяносто пятого Иван Николаевич никуда не уезжал?

— А куда ему уезжать? Кроме сына, родственни-

ков нет, друзей тоже. И потом, он в то время занят был. Ремонт в доме затеял. Хотел до майских праздников успеть.

— Успел?

— Успел. Руки-то у него золотые были. Сам паркет выложил, подоконник заменил. Он был узким, бетонным, а поставил широкий, деревянный.

— Можно взглянуть?

— А толку? Этот дурак, который в квартиру залез, порубил его.

Я подошел к окну, отодвинул штору. Да, тут серьезно поработали топориком.

— Мария Петровна, вы говорили Желнинскому, что муж менял подоконник?

После небольшой паузы она ответила:

— Неужели же вы думаете...

Поскольку она опять замолчала, я продолжил:

— Он не звонил, не интересовался, как вы себя чувствуете после плена? Все-таки друг.

— Вы уже наверняка знаете, что Петр Федотович уехал в отпуск. Зачем же спрашиваете?

Я уже наверняка знал и то, что Желнинский с Каблуком жили когда-то в соседних домах, и поскольку были ровесниками, то скорее всего вместе гоняли в футбол и бегали по девкам. Федоров после школы пошел в лесорубы, Желнинский поступил в институт, но каждый год ездил на родину охотиться и рыбалить. Пути их запросто могли пересекаться. Потому и произошла встреча земляков в Москве, при которой Золотарь заложил Каблуку подругу, если не по сексу, то по духу. Правда, скорее всего лично для нее он беды не хотел, рассчитывал, что Каблук пощиплет только муженька, но процесс вышел из-под его контроля. Тогда Желнинский перепугался и в разговоре со мной все же подставил под удар саму Марию Петровну. "Допускаю, что к убийству мужа Маша непричастна". Конечно, ему было бы выгоднее, если бы она исчезла навсегда. Дело не только в том, что на газовика падала тень подозрения в причастности к убийству Убожко. Он справедливо боялся, что если им заинтересуются органы, то всплывет его любовь к золотишку.

— Не будем пока говорить о Желнинском, да?

— Я бы не хотела.

— Значит, весной девяносто пятого Иван Николаевич настилал полы...

— Ну да. Полочки вешал, стены сверлил, новую мебель собирал — мы как раз вот эту стенку купили.

Стенка была добротная, не из прессованных опилок, а из настоящего дерева.

— Я порой домой приходила, а пол в стружках, опилках, клее... До полуночи приходилось убирать.

Конечно, ремонт есть ремонт, чего там!

— А не проще было подоконник заказать?

— Так он его и заказывал, в столярной мастерской. А устанавливал сам.

— Откуда же тогда брались стружки и опилки?

Убожко удивленно посмотрела на меня, потом обвела взглядом комнату:

— Да уж и не знаю... А, вот: стол он реставрировал. Долбил что-то, потом морилкой и лаком покрывал.

— Что же в столе долбить можно?

— Я вспоминаю, он мне объяснял, что, мол, ножки шатаются. Он их заново на клей сажал. В связи с этим что-то там подрезал...

— Можно взглянуть?

— Да пожалуйста.

Я опустился на колени, даже провел пальцами там, где шип ближайшей ко мне ножки заходил в толстую крышку стола. Стык был на совесть залит клеем.

В принципе, конечно, это был бы неплохой тайничок: дупло в толстой ножке. Но в этом случае не стоило ее крепить намертво. Пришлось бы потом ломать, чтоб добраться до золота.

Значит, стол отпадает.

Паркет тоже, если только нет нигде потайных, легко снимающихся дощечек. Но, думаю, тот, кто делал шмон в квартире, их искал, и уж потом от бессилия стал срывать все подряд.

Отпадают друзья и родственники.

Отпадает сберкнижка.

Перед тем как Убожко убить, его допрашивали, били, но он ничего не сказал. И бандиты ничего не нашли сами, иначе не захватывали бы Марию Петровну.

Старый "медвежатник" и шулер провел не только Сташкова — он надул всех!

— Александр Андреевич, я по первой встрече о вас так скверно думала: вы, извиняюсь, то коленки мои рассматривали, то хамили... И я никогда не предполагала, что именно вы спасете мне жизнь.

Так, пора сматывать удочки.

— Я тоже был о вас не лучшего мнения. Мне казалось, что вы коленки специально для меня выставляли. Торговались со мной.

— В сорок лет у женщины коленки уже не главная ценность.

"Ценность". Почему-то это слово меня сейчас цапнуло. А, вот почему. Я же все время думаю о старике. А он тоже говорил о ценности. "Самое ценное в доме — стол, не скажу почему". Кажется, такой была его фраза.

Крышка монолитная, нераздвижная, несъемная, ножки я уже проверил...

Нет, одну ножку. Есть еще три.

ДЕНЬГИ РЫЖЕГО ГАБЕНА

Третья откликнулась на мои усилия, поддалась, стала откручиваться...

9.

Который вечер я прогуливаюсь по этому успешному опротивевшему мне району. Пью мерзкий кофе за пластмассовым столиком, стоящим у киоска, глазею на витрины магазинов, узнаю уже местных проституток. Не хватало еще, чтоб и меня тут начали узнавать.

Лана Хрусталева — это о ней говорила та самая Оксана, с которой я имел счастье целоваться в парке, — была эффектной женщиной. О вокальных ее способностях не мне судить, но что касается бюста и прочих достоинств...

Так вот, певица, завершая свою программу, выходила из ресторана одна, никого на ступеньках не ждала, садилась в такси и уезжала домой. Жила она, можно сказать, рядышком, одна в двухкомнатной квартире, на пятом этаже, засыпала после возвращения быстро, гости ее не тревожили.

Который же, действительно, вечер я тут? И сколько еще предстоит гулять под как нарочно зарядившим дождем?

Половина двенадцатого. Сейчас Хрусталева должна показаться в дверях ресторана. Хорошо, хоть не в час она выступления заканчивает, еще ходит транспорт, и я успеваю вернуться домой.

Так, выходит. Сейчас все повторится...

Это уже нечто новенькое. К тротуару припарковывается шикарный "мерс", оттуда выскакивает субъект в костюме, отстреливает над головой зонтик, в другой руке — цветы. Лана ждет, когда розы опустятся ей в руки, а зонтик прикроет от дождя, и только тогда величественно направляется к машине. Она знает себе цену.

Окна иномарки тонированные, не видно, кто сидит за рулем, но понятно, что управляет ею не сам Федоров, поскольку он с дамой занимает место на заднем сиденье. Я на всякий случай запоминаю номер "мерса", провожаю его взглядом и тут же голоую. Поймать тачку не проблема.

— Куда? — спрашивает водитель.

Я уже плюхаюсь рядом с ним, заранее вытаскиваю из кармана бумажник, чтоб он не разводил лишних разговоров, и нетрезво тычу пальцем:

— Вперед. И с песней.

— За песню — отдельная такса, — улыбается водитель. И тут же трогает с места.

Я уже вижу, что "мерс" держит курс к дому Хрусталевой, проезжаю чуть дальше. Шагаю по улице до первого поворота, знаю, что на углу стоят таксофоны. Звонить, конечно, еще рано. Пусть раздутся, пройдут на кухню, поставят чай...

Черт, не дай Бог вырубят телефон. Бывает же у меня такое желание в те минуты, когда я мечтаю наконец-то уединиться со Светланой.

Выдерживаю минут десять, потом хватаю трубку, накручиваю вызубренный номер.

Трубку, хвала Всевышнему, там поднимают.

Женский голос весел и бодр:

— Я вас слушаю.

— Лана Хрусталева?

— Вы так догадливы, — смеется она.

— Лана. — Я чуть заикаюсь от волнения. — Вы меня не знаете, я приезжий, но слушал сегодня ваше пение... И узнал ваш телефон и адрес. Это... Поверьте мне, это чудо! И ваш голос, и репертуар... Я еще не встречал таких женщин...

Не думаю, чтоб Хрусталева часто слышала подобные комплименты в свой адрес, певица она, признаться, средненькая и не ахти какая красавица. Правда, при стройной фигурке имеет выдающийся бюст, этим, наверное, и приглянулась уральцу. Сейчас она тает, хоть и пытается скрыть это:

— В вас говорит излишняя эмоциональность. Но тем не менее спасибо.

— Я завтра утром уже уезжаю из Москвы и потому просто обязан увидеть вас! Мне многого не надо — просто вручить цветы.

Певица смеется серебряным голоском. И еще слышу, как Каблук спрашивает, с кем она разболталась. Женщина игриво отвечает только ему, но так, чтоб все понял и я:

— Один из многочисленных моих поклонников. Хочет прийти тоже с букетом роз.

О розах я ничего не говорил.

— Да, хочу прийти, — рефреном повторяю за ней.

— Но я не одна, и у меня очень ревнивый поклонник.

— Да пусть хоть муж! Но я должен вас увидеть! Иначе зачем же я приезжал в Москву!

— Он хочет зайти всего на минутку, — говорит Лана Федорову.

— Пусть только попробует — ноги ему повывериваю! — рычит тот.

Каблук уже наверняка заводится, и это хорошо.

— Увы, — в голосе Хрусталевой неподдельная печаль. — Мы не сможем увидеться! Приезжайте в Москву через месяц-другой, и вот тогда...

Это она дразнит Каблука. Имеет, значит, над ним силу. Удивительные существа эти женщины!

— Нет! — почти ору я и оглядываюсь, не напугал ли кого криком похотливого самца. Никого не видно. Мальчишек из конторы Михайлова, кстати, я тоже ни разу не засек. Или Мишка их очень хитро проинструментировал, или посчитал, что я напрасно трачу время, гуляя у ресторана. — Я иду к вам немедленно!

Теперь, чтоб не услышать новых возражений, надо быстро повесить трубку и топать к дому певицы. Все же рассчитываю на то, что дверь мне откроют. А там... Там все решат неожиданность и право первого удара. Такой номер у меня выгорел когда-то с Шанхаем. Если сейчас не выгорит, то Михайлов в дальнейшем будет пить водку и ездить на рыбалку без меня, только и всего.

Надо не сбить дыхание и побереечь силы, потому на пятый этаж лучше подниматься на лифте. Теперь нажать кнопку звонка и держать цветы так, чтобы в глазок были видны только они. Если на пороге сразу предстанет Каблук, тем хуже для него!

Рука уже напряжена, кулак готов к действию...

Холодно! Не угадал.

Сияющая, улыбающаяся Лана Хрусталева отходит чуть в сторону и делает плавный жест рукой:

— Прощу!

Я ступаю на носочках, пружинисто, готовясь в любую секунду перенести упор на нужную ногу.

— Ах, какая прелесть! — Певица забирает из моей руки пук зелени. — Кто вам сказал, что я обожаю лесные цветы? Клумбы — это ведь так неестественно! Я знаю, чем подкармливают почву на них...

Холодно!

Первая комната пуста, кухня тоже. Если Каблук наблюдает сейчас за мной, стоя где-нибудь за шторой, то он, конечно, уже вспомнил о первой нашей встрече. Преимущество теперь за ним.

Я невольно крутанул так, чтобы затылок был обращен к глухой стене.

— А где ваш поклонник?

— Он что, вам тоже нужен? Вы же пришли ко мне, а не к нему.

У меня, наверное, были такие шальные глаза, что Хрусталева испугалась:

— Успокойтесь, никто нам не помешает поговорить. Я его выставила за дверь за пять минут до вашего прихода.

— Вы? Выставили?

— Ну хорошо, он сам предложил такой вариант. Сказал, что пока покурит на улице. Вы никого не встретили у подъезда?

Я видел красную точку сигареты на углу дома. Там был полнейший мрак. А я проходил под горящими фонарями. В прямом смысле засветился.

— Боже, как вы взволнованы, я просто боюсь...

На белом свете никогда нельзя учесть все. И чемпионы мира по шахматам влетают иногда в матовые ситуации. Но им легче, за ними остается право переигровки. А тут...

— Вам поставить чай, кофе? Вы по телефону, признаться, были так смелы...

Я и сейчас не трус. Но высказывать на улице и бегать по ночным тротуарам — это то же самое, что искать темную кошку в темной комнате.

Телефон звякнул так неожиданно, что я вздрогнул.

— Неужели еще поклонник? — Лана сняла трубку, сказала: — Слушаю, — потом очень уж удивленно посмотрела на меня. Спросила полупрошептом: — Вы Беляев?

Ну вот, Каблук звонит снизу, возможно, с того же самого таксофона, которым недавно пользовался я. Не может уехать не попрощавшись, гад!

Но звонил не Каблук. Голос Михайлова я не могу перепутать ни с чьим.

— Саня, все нормально, спасибо тебе. Ты выгнал Каблука из логова, мы взяли его внизу без шума и пыли. Можешь спускаться. Машина стоит прямо на трассе, светлая "Нива", ты увидишь.

— Мишка, — почему-то сиплю я садящимся голосом. — Мишка, гад, ну разве так друзья поступают? Ты не мог мне ничего сказать заранее?

Мерзавец, он хохочет в ответ...

Встреча для вас

ЛЮДМИЛА ЗЫКИНА:

Песня — это объяснение в любви

Многотысячная армия поклонников Людмилы Зыкиной убеждена, будто знает о своем кумире все или почти все. Однако ее родные и близкие не без основания утверждают, что далеко не всегда она может излить душу даже перед самыми дорогими людьми. А эта черта, как считал Стендаль, присуща только настоящей женщине. Именно поэтому все попытки журналистов и поклонников добиться от нее полной искренности терпят неудачу.

Однако исключения из правил все-таки бывают. И вот тогда российскую примадонну нельзя упрекнуть в скрытности и скупости на сердечные откровения...

— Людмила Георгиевна, за полвека работы вы столько раз выходили на сцену, исполнили столько песен, романсов, плачей, ораторий... Не надоело?

— Что значит «надоело»? Такое даже во сне не может присниться! Пока я жива и голосовые связки в порядке, ничто меня не остановит в стремлении выразить в песне все, что могу и умею. Она для меня — как объяснение в любви.

Ее средствами не устаю признаваться в этом чувстве к своему народу, надеюсь, не промотавшему сил и не отчаявшемуся в стремлении возродить мощь и славу России.

— Сейчас многие поп-звезды поют народные песни, но в эстрадной обработке. Как вы к этому относитесь?

— Нормально. Но если вдруг я вижу наглое, совершенно беспар-

донное обращение с народной песней, уничтожающее ее первоначальную суть, мне хочется исполнителям дать... как бы это помягче сказать, по физиономии, или, говоря языком футбольных фанов, в табло.

За рубежом никто не посмеет дописывать картины Рембрандта или Ван Гога, не станет искажать или подновлять многовековой эпос. У нас же любителей опозилить национальное достояние сколько угодно. Мы вообще под конец XX века научились чересчур вольно обращаться не только с песней. Я слышала такого вранья о достойных людях, что оторопь берет.

— О вас, наверное, тоже не забывают?

— Еще как! Чего только за долгую жизнь в искусстве я о себе не читала. Заметьте, за рубежом из

сотен публикаций обо мне нельзя найти и одной, в которой были бы даже намеки на ложь или сплетни. А у нас? То Зыкину «из партии (в которой никогда не состояла) выгнали по семейным обстоятельствам», то «певица Людмила Зыкина скупила пол-Берлина во время вывода Западной группы войск из Германии», то «Зыкина готовится открыть собственный ресторан в Москве на свои средства», то «Зыкина вчера врезалась на «Мерседесе» в Спасскую башню».

Вранье в некоторых печатных органах продолжается до сих пор. Как-то прочла заметку в одной столичной газете про то, как «обокрали нашу знаменитую певицу Людмилу Зыкину». Якобы «по оперативной информации, деньги украл и истратил ее сын, а понятым по делу о краже оказался аж знаменитый кинорежиссер Михаил Ромм». Ничего похожего даже в помине не было, как не было у меня никогда сына и понятия Ромма.

За несуществующую любовь к Косыгину мне перемывали косточки несколько лет подряд. Да уж, чесать языками попусту мы наловчились.

— **Говорят, вашим именем часто пользовались проходимцы.**

— Несчетное число раз. В 60-х режиссер Московского театра массовых представлений Рахлин нашел женщину, похожую на меня. Новоявленная Зыкина, ничуть не смущаясь, появлялась с микрофоном в руке перед тысячами слушателей крупнейших городов страны. Сколько таких афер было — одному Богу известно. Последняя из них завершилась в Донецке. У некоторых зрителей были бинокли. Обнаружив обман, несколько мужчин подбежали к «заслуженной» и под огушительный рев стащили ее с эстрады.

— **Ну ничего. Зато у вас в Новой Зеландии есть памятник...**

— Да, в Окленде. Но это скорее монолит с металлической пластинкой, на которой выгравировано: «Здесь в 1967 году была и пела знаменитая русская певица Людмила Зыкина». На этом месте я оставила своеобразный автограф — отпечатки ступней.

И в Канаде потомки духоборов собирались построить в честь моих выступлений какой-то монумент...

— **В США и Канаде вы дали больше двухсот концертов?**

— Где-то около двухсот сорока. Если сложить все дни и месяцы, которые я там провела, получится больше года. До сих пор получаю письма поклонников из-за океана. Раньше они приходили пачками едва ли не из всех штатов Америки и провинций Канады. На конвертах было написано только: «Москва. Людмиле Зыкиной».

— **А как насчет любовных посланий?**

— И таких много было. Очень солидные представители сильного пола предлагали мне руку и сердце.

— **Правда ли, что в вас влюбился какой-то миллионер из Лос-Анджелеса?**

— Да, правда. Его звали Алик. Он владелец крупных предприятий по производству шоколада. Такой черноволосый красавец был. Наполовину еврей, наполовину украинец. На последнюю встречу со мной приехал с охапкой цветов, сумкой, набитой шоколадом, и предложением выйти за него замуж. Говорит, нравишься — и все тут.

— **Согласились?**

— Ну вот еще! Да мало ли кому я нравлюсь? Главное, чтобы я любила. Да так, чтобы небо падало и земля дрожала.

— **По-моему, это просто безумие...**

— А почему вы считаете, что нормальный человек не может

быть влюблен как безумный? В любви всегда есть немного безумства, а в безумстве — толика здравого смысла. И потом, я хочу быть не только любимой, хочу быть понятой и находить в этом счастье.

— **Ваш друг, поэт Виктор Бокков, когда увидел вас впервые, сразу определил, что вы человек влюбчивый...**

— Наверное, наружность и манеры действительно более выразительны, чем слова. Что же касается любви, то нет преступления любить несколько раз в жизни и нет заслуги любить только один раз. Так уж получилось, что мои четыре мужа были моложе меня. Все они замечательные люди, в каждом из них я находила поддержку и понимание.

Когда-то в Дели старый индус нагадал мне по руке, что разойдусь с мужем и еще много всего разного. Он оказался провидцем, и поэтому противопоставить року было нечего. Но я ни о чем не жалею. К тому же я ревнива и всегда хочу одна владеть объектом любви: чтобы — мое и ничье больше.

С первым мужем, кстати, мы жили дружно. Прожили больше трех лет и разошлись по-хорошему. Виной тому была наша физиологическая несовместимость, что в семейной жизни немало важно.

Прошло почти три года, как объявился новый кавалер — фотокор журнала «Советский воин» Евгений Савалов. С Женей я пристрастилась к рыбалке. Удила рыбу на Истре, на Урале, на Оке под Тарусой, обожала и подледный лов. Пусть не так уж и богат был иногда улов, зато после дня, проведенного на снежной целине, чувствовала себя отдохнувшей, бодрой, легко дышалось, да и пелось власть. И вдруг мне стали говорить, что в мое отсутствие — ритм гастролей тогда стал возрастать — повадился Женья наве-

щать какую-то женщину. Я сначала не верила, но все оказалось правдой. Пришлось расстаться.

Третий муж, Володя Котелкин, преподавал иностранные языки. Человек эрудированный, интересный. Он многому научил меня и в искусстве, и в жизни. В 1972 году мы с ним расстались. Почему, сама не знаю. Как-то все получилось непонятно. Надо было бы перебороть себя, а я не смогла. Впрочем, дружеские отношения с ним сохранились по сей день.

С последним мужем, Виктором Гридиным, мы прожили 15 лет, создали прекрасный ансамбль «Россия», который впоследствии стал академическим. Виктор был очень талантливым музыкантом. На гастролях в Афганистане подцепил гепатит, который затем перерос в цирроз печени. В апреле 1997 года Витя скончался, хотя я сделала все, чтобы спасти его.

— Борис Брунов как-то рассказывал, что все модницы просто сходили с ума от ваших нарядов, а одно из платьев Зыкиной необыкновенной красоты покорило даже парижских модельеров. Насколько это соответствует действительности?

— Было такое. Накануне поездки в США в 1972 году мне связали очень красивое платье (но не «парижское») и сшили пальто черного цвета с воротником из светлой норки, с вышитой спиной и отделанным под дубленку подолом. Творения московских модельеров то и дело расхваливались в газетах, журналы публиковали цветные фотографии. А с пальто пришлось расстаться: его выпросила после одного из концертов какая-то нью-йоркская красавица, жена известного в то время бизнесмена. Правда, перед самым отлетом в Москву она принесла взамен норковую накидку, в которой я и вернулась домой.

А «парижское» платье подарила одной нашей певице. Сама его

мастерила. Помню, купила материал по пять рублей за метр и за две ночи скроила. Потом вышила на нем гроздь рябины и по подолу пустила большую кайму в виде веток рябины. Получилось очень удачно.

— Как писал Демокрит, отечеством для благородной души служит вся Вселенная. В свое время вам на Западе предлагали просто фантастические условия жизни. Почему вы не остались за рубежом?

— Не знаю, что говорил по этому поводу Демокрит, но вот Гейне вполне справедливо утверждал: чтобы любить Отечество, надо остаться в нем. И существует ли более сильное и более мучительное страдание, чем бегство из родной страны?

— Не потому ли эмигранты рыдали на ваших концертах?

— На моих концертах плакали не только эмигранты и не только поэты. И в России подобное случается довольно-таки часто. Люди истосковались по русской песне. Например, выхожу на сцену в городах Поволжья — зрители встают, выступаю за Уралом — то же самое. Не так давно на одном из концертов какой-то ретивый слушатель засомневался: дескать, не поет ли Зыкина под фонограмму? Пришлось дальше исполнять без микрофона. Результат меня не удивил: зал словно всколыхнулся от оваций.

— Скажите, Людмила Георгиевна, а вы молитесь Богу перед выходом на сцену?

— У меня есть икона Николая Угодника, я ей поклоняюсь с детства. Так меня мама научила.

Кстати, в молодости, когда не хватало денег на жизнь, я пела в церковном хоре в храме на Таганке. Бог мне всегда помогает, когда я прошу. Посты я сознательно не соблюдаю. У меня врачи обнаружили сахарный диабет. Поэтому тут уж не до постов, хотя и пере-

шла в последнее время практически на одни овощные салаты.

— А что это за пресловутые щи, приготовленные вами, которые привели в восторг Плисецкую и Щедрина? Вы вообще любите кашеварить?

— Да, готовить я очень люблю. А со щами вот как дело было...

Зашла в один из вечеров после репетиции к Щедрину, чтобы уточнить кое-какие детали в нашей совместной работе над его Поэторией. Их домохозяйки Кати в тот момент не оказалось. Всем нам страшно хотелось есть. Тут я быстро взяла и соорудила домашние щи из квашеной капусты. Хорошо бы к ним было подать кулебяку с гречкой, расстегаи с рыбой или ватрушку с творогом. Но Майя и Родион и без них блестяще справились с моим творением.

— Людмила Георгиевна, все говорят, что вы вне политики. Однако наверняка задумывались над будущим России?

— Самое главное, на мой взгляд, — это возрождение духовности в нашей стране. Беда еще и в том, что политические лидеры России не имеют сами и не способны дать людям четкой программы действий.

В политике, как я понимаю, все должно строиться и основываться на интересах народа, его благоденствии и благополучии, на потребности в общественном мире. Если нет этого — значит, нет и политики. Я исколесила земной шар вдоль и поперек, поэтому знаю, что наш народ щедр, как никакой другой. Уверяю вас, для нас не существует ничего невозможного, русский человек бесконечен в своих способностях. Стоит лишь дать людям перспективу, и великое в нашем Отечестве свершится.

Беседу вел Юрий БЕСПАЛОВ

«Дембельские АЛЬБОМЫ»

ПОЛКОВНИКА КАРПОВА

Постоянным читателям нашего журнала нет нужды представлять начальника отдела военного очерка и публицистики полковника Бориса Карпова. Уже много лет почти в каждом номере публикуются его собственные и подготовленные им материалы о родных внутренних войсках.

Летом 97-го событием стал выход книги Б.Карпова и О.Смирнова «ВВ: кавказский крест», посвященной всем, кто прошел трудным чеченским походом 1994-1996 годов. За минувшее время книга стала едва ли не библиографической редкостью, ее бережно хранят в солдатских библиотеках, в семьях наших боевых друзей, погибших на той войне.

По признанию самого полковника Б.Карпова, написать о войсках в их второй чеченской кампании

просили наши солдаты, офицеры и генералы, с кем военный журналист хорошо знаком, с кем был рядом в окопах, палатках, на борту «вертушки», летящей над Чечней. И неутомимый журналист сделал это — в московском издательском доме «Деловой экспресс» выпущена книга Бориса Карпова «ВВ: кавказский крест-2».

Сам того не подозревая, наш коллега в своем творчестве пришел к своеобразному, очень интересно-му и тепло встречаемому воевавшим народом жанру, который по-простому можно обозначить как «дембельский альбом». В нем собраны страницы из репортерских блокнотов, записи бесед с участниками боевых действий — от солдата до генерала, стихи и песни поэтов и войсковых бардов. А еще в книге — лица солдат и лики войны на восьмидесяти черно-белых фо-

тографиях. Известно, что дембельский альбом, эта одухотворенная вещь, которая хранит память о многотрудной службе (а в этом случае — о войне), непременно будит очень много воспоминаний. И в этом главная заслуга автора, который выступает хранителем памяти. Героизм российского солдата, перенесшего испытания кровавой войной, самопожертвование, горечь утрат боевых друзей — все это свято для каждого нашего «кавказца».

И уж раз мы заговорили об этих высоких понятиях, то следует отметить удачный ход нашего товарища и коллеги, сумевшего в простой форме и достичь сурового накала военной публицистики (особенно в главах «Солдат войны не выбирает», «Мой любимый герой», «Не вылечить память»), и очень лирично выписать дорогие для нас

КАЛЕЙДОСКОП

образы погибших друзей (зарисовка о Герое России старшем лейтенанте Олеге Варлакове, новелла о военном журналисте и поэте Анатолии Ягодине).

Автор кропотливо и бережно собрал под одной обложкой лучшие работы фронтовых фотокорреспондентов Юрия Тутова, Владимира Николайчука, Олега Смирнова, с которым делал первый «Кавказский крест», и десятка других, которые запечатлели не только суровые будни, но, и это главное, прекрасные лица окопного народа. А проникновенные, умные, достающие до сердца строки полковника Виктора Верстакова, сержанта

Марианны Захаровой и других поэтов — не просто эпитафии к главам, но своего рода скрепы, помогающие целостному восприятию жанровой мозаики книги.

Полковник Борис Карпов — знаю это и по жизни, не только по совместной работе в газете и журнале — человек добрый, компанейский и очень искренний в отношениях с товарищами. В своей книге он нашел и повод, и место для заслуженной похвалы творчества своих соратников, отметив небольшими, но емкими рецензиями прекрасный роман Александра Проха-

нова «Чеченский блюз», полезную для войск работу военного психолога полковника Игоря Соловьева «На войне как на войне», стихи Марины Струковой. Читатель, собирающий книги о чеченской войне, захочет теперь поставить на полку рядом с «Кавказским крестом-2» работы и этих авторов.

Завершает книгу список безвозвратных потерь внутренних войск МВД России в антитеррористической операции на Северном Кавказе, что делает это издание еще од-

ним памятником нашим погибшим боевым товарищам.

Словом, новая книга полковника Бориса Карпова, без всякого сомнения, очень нужна не только внутренним войскам, но и самой широкой аудитории, всем, кому небезразлична история России новейшего времени, времени нынешней кавказской войны.

Полковник Алексей ПЕТРОВ

Вы можете приобрести книгу Бориса Карпова «ВВ: кавказский крест-2», выпущенную издательским домом «Деловой экспресс». Для этого вам следует оплатить стоимость издания с пересылкой — 65 р. на расчетный счет издательства в любом отделении Сбербанка РФ и выслать **ксерокопию оплаченной квитанции с вашим обратным адресом и телефоном** по адресу: 125015, Москва, ул. Вятская, д. 27, ЗАО «ФИД «Деловой экспресс» или по факсу 745-71-47. В течение 3 дней вам будет выслана книга.

Банковские реквизиты:

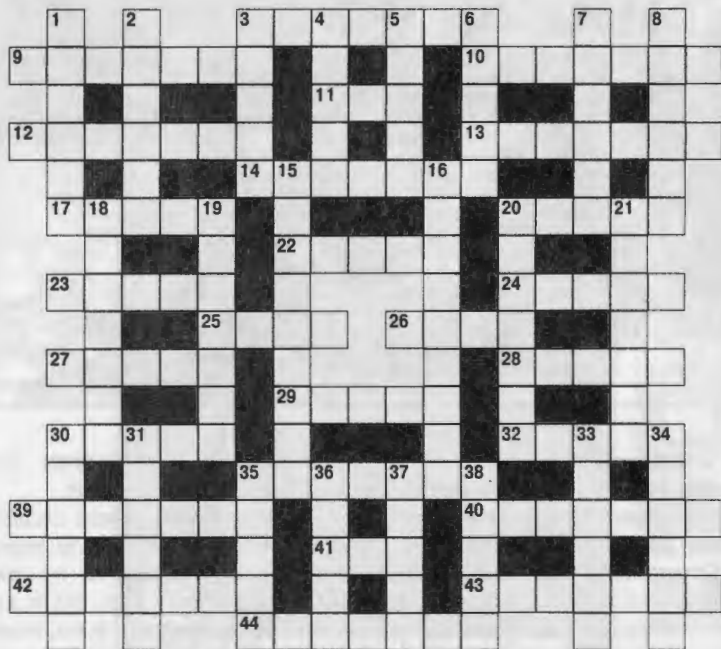
Получатель платежа: ЗАО «ФИД «Деловой экспресс», ИНН 7704155860
Расч. счет № 4070 2810 4382 6010 1745 в **МБ АК СБ РФ Киевское ОСБ**
5278. Корр. счет № 3010 1810 6000 0000 0342 БИК 044525342.

Жители Москвы могут приобрести книгу непосредственно в издательском доме «Деловой экспресс», а также в центральных магазинах («Библио-Глобус», «Молодая гвардия», «Москва», «Московский Дом книги» и др.).

Тел.: **745-71-47**, адрес электронной почты alexb@sojuz.ru

КРОССВОРД

Спортивный

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Акробатический прыжок. 9. Крупная велосипедная шоссейная гонка. 10. Государство в Европе, где проводились XII зимние Олимпийские игры. 11. Аллюр, когда конечности лошади последовательно отбивают четко обозначенные четыре такта. 12. Президент Международного Олимпийского комитета в 1894-1896 гг. 13. Один из сильнейших боксеров-тяжеловесов 50-х годов, трехкратный чемпион Европы, шестикратный чемпион СССР, выступал за ЦСКА. 14. Комплексное спортивное сооружение, включающее футбольное поле, беговые дорожки, места для прыжков, трибуны для зрителей и др. 17. В фехтовании: реакция на укол противника. 20. Смешанная пара при игре в теннис. 22. Обратное движение ствола после выстрела. 23. Место проведения спортивных соревнований по легкой атлетике. 24. Итальянский спортсмен, чемпион XXVI Олимпийских игр по гребле на байдарке-одиночке. 25. Талисман чемпионата мира по футболу в 1958 году. 26. Японский спортсмен, олимпийский чемпион в личном первенстве по спортивной гимнастике в 1964 году. 27. Пружинящая сетка для

прыжков, подскоков. 28. Бег на определенное расстояние. 29. Советский спортсмен, чемпион Олимпийских игр по гребле на каноэ в 1976 году. 30. Текстильное изделие, на котором соревнуются борцы классического и вольного стилей. 32. В фехтовании: выставленные согнутой ноги с упором туловища на эту ногу. 35. Движение гимнаста ног над снарядом или под ним. 39. Ошибка спортсмена при выполнении упражнения на снаряде в гимнастике. 40. Югославский форвард, лучший бомбардир чемпионата мира по футболу в 1962 году. 41. Одно из положений гимнаста на снаряде. 42. Городская фигура. 43. Старший тренер сборной России по футболу в 1992-1994 гг.

44. Спортивная командная игра с мячом и клюшками на травяном поле.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Столица XIX летних Олимпийских игр. 2. Советский пятиборец, чемпион XVIII Олимпийских игр в командном соревновании. 3. Спортивный бег, ходьба на лыжах, езда на лошади, велосипед, мотоцикле по естественной пересеченной местности. 4. Спортивное сооружение, необходимое на соревнованиях по прыжкам в воду. 5. Спортивная командная игра с мячом овальной формы. 6. Животное, изображение которого используется в качестве бегущей мишени при стрельбе. 7. При игре в бейсбол: игрок, прошедший с мячом через зону и не остановленный при этом соперником. 8. В фехтовании: ответная атака, выполненная после отражения нападения соперника. 15. Соревнование, состоящее из трех видов упражнений: плавание, велогонка и легкоатлетический кросс. 16. Элемент упражнений в конюре. 18. Яхт-катамаран международного олимпийского класса. 19. Команда Челябинска, выступающая в первенстве России по хоккею с шайбой в первой лиге. 20. Старший тренер сборной СССР по футболу в 1964-1966 гг. 21. Ряд препятствий в конном спорте, расположенных друг от друга на расстоянии от 7 до 11 метров и требующих двух и более прыжков. 30. Деталь, предохраняющая выход воздуха из велосипедной камеры. 31. Советский спортсмен, чемпион XVII Олимпийских игр по тяжелой атлетике, многократный чемпион мира в тяжелом весе. 33. Невыполнение в срок задания, плана. 34. Искусный и отважный всадник, легко выполняющий упражнения на скачущей лошади. 35. Кличка коня олимпийской чемпионки 1972 года Елены Петушковой. 36. Одно из упражнений в тяжелой атлетике. 37. Положение, занимаемое спортсменом или командой в соревновании. 38. Американская фигуристка, которая произносила олимпийскую клятву на открытии VIII зимних Олимпийских игр в Скво-Вэлли (1960 г.).

Составил Евгений КУЛИКОВ

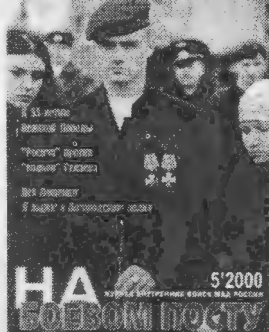
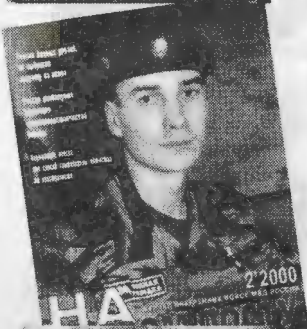
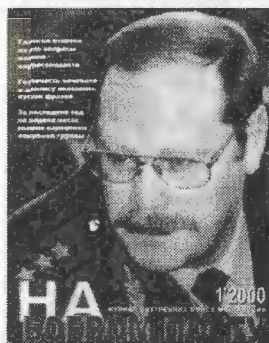
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В №6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. "Современник". 6. ... портрету... 7. Адъютант. 8. "Кирджали". 10. "Наполеон". 14. Арина. 15. Псков. 16. "Арзамас". 18. Арап. 22. Глюк. 23. Татаргуб. 24. Истомина. 25. Орда. 27. "Труд". 30. Вроцлав. 34. Наина. 35. Галич. 36. Перифраз. 37. Акростих. 38. Приютино. 39. Водевиль. 40. Белобородов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Ротмистр. 3. "Надинька". 4. Урядник. 5. "Разлука". 9. Итака. 11. Обвал. 12. Галактионов. 13. Александров. 16. Алябьев. 17. Собинов. 19. Прага. 20. Антон. 21. Титов. 22. Гумит. 26. Данте. 28. Риччи. 29. "Лицинио". 31. Родзянко. 32. Арбатово. 33. Классик.

ПОДПИСКА – 2000

Ф. СП-1

Министерство связи РФ
Роспечать

АБОНЕМЕНТ на газету
журнал
На боевом посту

(индекс издания)

(количество комплектов)

На 2000 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на газету
журнал

(индекс издания)

ПВ место ли-тер

На боевом посту

Сто-имос-ть	подписки	руб.	Количество комплектов
	переадресовки	руб.	

На 2000 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Подписка на журнал осуществляется через агентство «Роспечать» (по каталогу).

Индексы:

70610 — для индивидуальной подписки

73175 — для организаций и предприятий

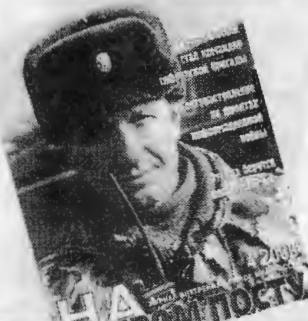
Стоимость подписки:

	70610	73175
1 мес.	25 руб.	30 руб.
3 мес.	75 руб.	90 руб.
6 мес.	150 руб.	180 руб.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины. При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах "Роспечати".

Заполнение месячных клеток при переадресовке издания, а также клетки "ПВ-МЕСТО" производится работниками предприятий связи и "Роспечати".

- Подписка на приложение к журналу газету "Ситуация" осуществляется через агентство "Роспечать" (по каталогу).

Индекс 50157

Стоимость подписки: 1 мес. – 7-37 руб., 3 мес. – 22-11 руб., 6 мес. – 44-22 руб.

- Подписка на приложение к журналу сборник учебно-методических материалов "Войсковой вестник" осуществляется через агентство "Роспечать" (по каталогу).

Индекс 73515

Стоимость подписки: 2 мес. – 15-00 руб., 4 мес. – 30-00 руб., 6 мес. – 45-00 руб.

- Подписка через редакцию осуществляется по стоимости коллективных подписчиков.

- Номера предыдущих выпусков вы можете приобрести в редакции.

Справки по тел.: 917-98-07.

Давид САМОЙЛОВ (1920-1990) в тридцать восьмом поступил в МИФЛИ, а в сорок первом, прервав учебу, ушел на фронт. Воевал пулеметчиком, был тяжело ранен. В литературу вошел как переводчик с албанского, чешского, венгерского, польского. Первую книгу оригинальных стихов выпустил в 1958 году, и перед читателем предстал уже сложившийся, интересный поэт со своим голосом, своей непростой судьбой.

Последние годы он прожил в Эстонии. Похоронен в Москве. Нынешним летом ему исполнилось бы 80.

Давид САМОЙЛОВ

СОРОКОВЫЕ

*Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные
И перестуки эшелонные.*

*Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...*

*А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звездочка не уставная,
А вырезанная из банки.*

*Да, это я на белом свете,
Худой, веселый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.*

*И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И все на свете понимаю.*

*Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось...*

*Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!*

**30 июля —
День Военно-
Морского Флота**